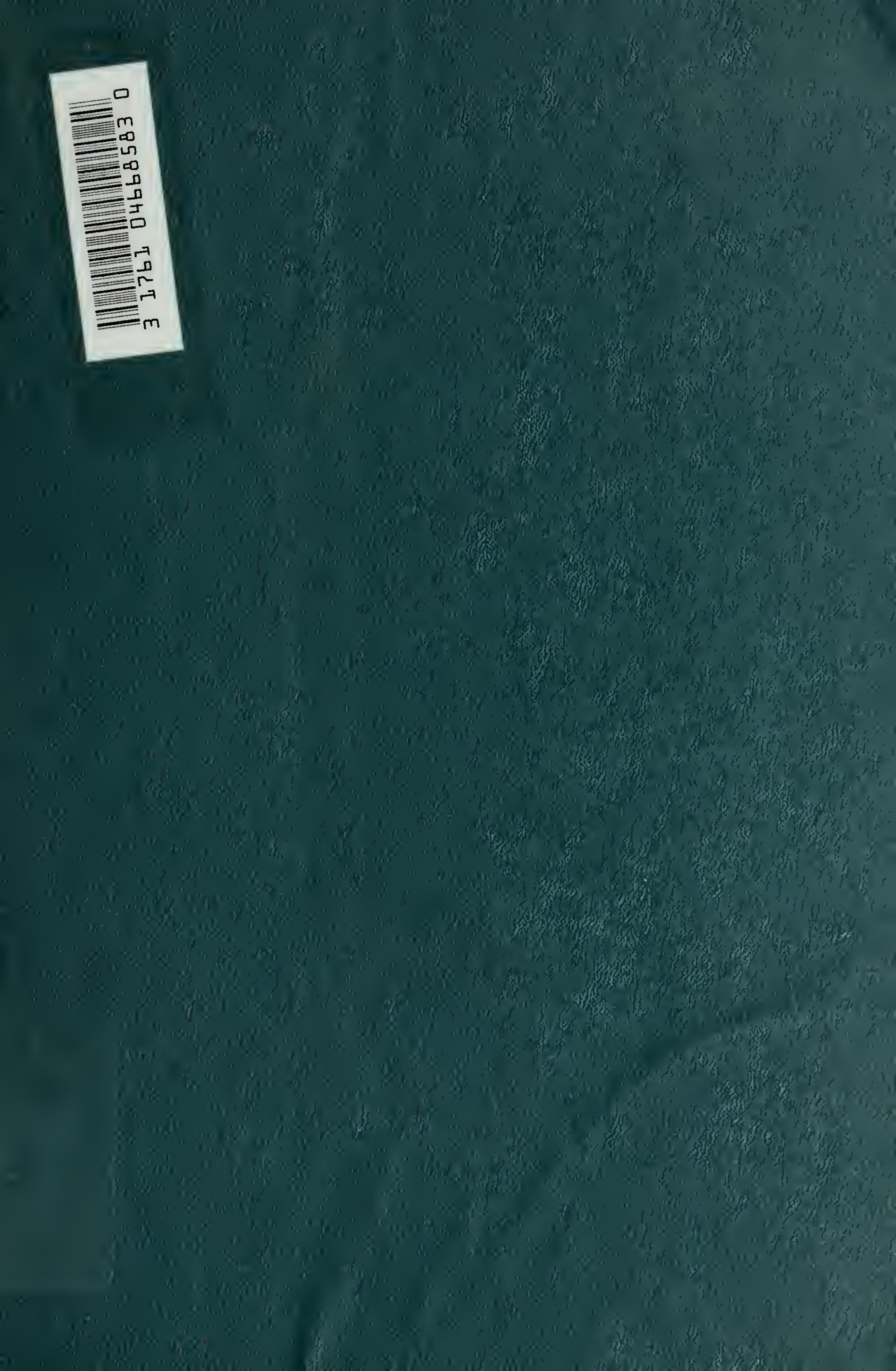

3 1761 04668583 0

Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

by

MARJORIE & BERNARD
BASKIN

ПАМЯТИ

Сергѣя Михайловича

СОЛОВЬЕВА

посвящаетъ

А. БРИКНЕРЪ

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ТОМЪ I

1953г. апр. м-ц.
4 - 6
5 - 3
6 - 2

ти. Т 1-й.

ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ТЕКСТЪ

А. Г. БРИКНЕРА

профессора русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ

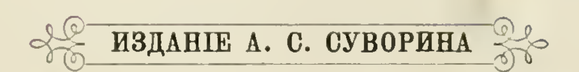
ГРАВЮРЫ НА ДЕРЕВѢ

ПАННЕМАКЕРА и **МАТТЕ** въ Парижѣ; **КЕЗЕБЕРГА** и **ЭРТЕЛЯ** въ Лейпцигѣ; **КЛОССА** и **ХЕЛЬМА** въ Штутгартѣ; **ЗУБЧАНИНОВА**, **РАШЕВСКАГО**, **ШЛИПЕРА** и **ВИНКЛЕРА** въ Петербургѣ.

Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія художника **ПАНОВА**

ТОМЪ I

ЧАСТИ I, II и III

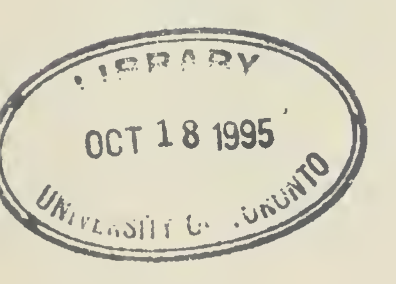

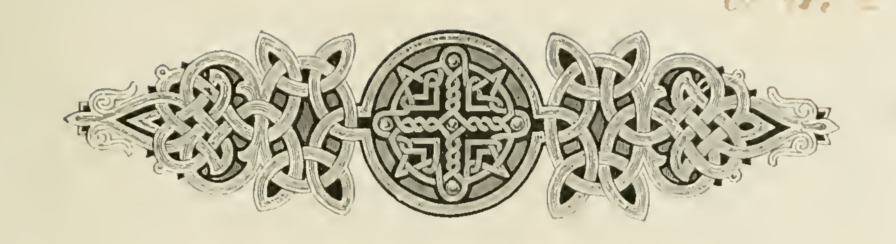
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГР. А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1882

LIBRARY
OCT 18 1995
UNIVERSITY OF TORONTO

Отъ издателя.

ПРЕОБРАЗОВАНІЕ Россіи при Петрѣ Великомъ составляетъ, безспорно, одну изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи нашего отечества, а между тѣмъ въ нашей исторіографіи до сихъ поръ нѣтъ популярнаго, основаннаго на новѣйшихъ данныхъ и изслѣдованіяхъ сочиненія о царь-преобразователѣ.

Научная разработка исторіи Петра Великаго началась весьма недавно. Первымъ трудомъ въ этомъ родѣ слѣдуетъ признать «Исторію царствованія Петра Великаго» Н. Г. Устрялова, *появившуюся въ 1858 году. Къ сожалѣнію, сочиненіе* Устрялова, *важное по обилію находящагося въ немъ архивнаго матерьяла, осталось далеко не конченнымъ. Вскорѣ затѣмъ, съ 1863 года, начали выходить тѣ томы* «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева, *въ которыхъ заключается царствованіе Петра Великаго. Монументальный трудъ* Соловьева, *во многихъ отношеніяхъ драгоцѣнный, по своей обширности и документальности мало доступенъ обыкновенному читателю. Въ 1875 году было издано изслѣдованіе* М. П. Погодина *подъ заглавіемъ* «Первыя семнадцать лѣтъ жизни Петра

Великаго». *Въ этомъ изслѣдованіи, отличающемся литературными достоинствами и критическими пріемами, разработана только часть исторіи Петра; продолженіе труда* Погодина *было прервано его кончиной.* «Біографія Петра Великаго», *написанная, въ 1876 году,* Н. И. Костомаровымъ *и вошедшая въ издаваемую имъ* «Русскую исторію въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей», *достойна вниманія, какъ и все, что выходило изъ-подъ пера нашего даровитаго историка; но, предназначенная для сборника, издаваемаго по опредѣленному плану, она слишкомъ сжато очерчиваетъ предметъ.*

Въ 1879 году, за границей, въ изданіи берлинскаго книгопродавца Гроте «Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen», *редактируемомъ профессоромъ* Онкеномъ *(въ Гиссенѣ), появилась обширная* монографія о Петрѣ Великомъ, *составленная профессоромъ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ* А. Г. Брикнеромъ, *труды котораго въ области русской исторіографіи XVIII столѣтія достаточно извѣстны по многимъ изслѣдованіямъ и статьямъ его, напечатаннымъ въ нашихъ журналахъ. Въ теченіи 1880 и 1881 годовъ, въ журналѣ* «Scribner's Monthly», *выходящемъ въ Нью-Іоркѣ, печаталась написанная* г. Скайлеромъ *и украшенная множествомъ рисунковъ* біографія Петра Великаго. *Сочиненіе* Скайлера, *весьма добросовѣстное и удовлетворительное для иностранцевъ, разумѣется, не представляетъ особеннаго значенія для русской публики. Рисунки въ немъ очень хороши, хотя и имѣютъ мало отношенія къ Петровской эпохѣ, касаясь болѣе новѣйшей Россіи и русскаго быта вообще.*

Такимъ образомъ, оказывается, что иностранцы опередили насъ въ популяризаціи исторіи величайшаго изъ русскихъ государей. Въ то время, какъ въ Россіи нѣтъ научно-популярной исторіи Петра Великаго, подобныя сочиненія не только появляются, но и выдерживаютъ нѣсколько изданій въ Англіи, Америкѣ и Германіи.

Въ виду столь существеннаго пробѣла въ нашей исторической литературѣ, я рѣшился предпринять такое изданіе исторіи Петра Великаго, *которое, при общедоступности изложенія, удовлетворяло бы научнымъ требованіямъ и вмѣстѣ съ*

тѣмъ заключало въ себѣ, по возможности, всѣ достовѣрные рисунки, относящіеся къ Петровской эпохѣ.

Для осуществленія этой мысли, я обратился къ содѣйствію С. Н. Шубинскаго, *который любезно согласился принять въ свое завѣдываніе литературный и художественный отдѣлы.*

По нашей просьбѣ, профессоръ Брикнеръ *перевелъ на русскій языкъ и вновь проредактировалъ свое сочиненіе о Петрѣ Великомъ. Согласно намѣченному плану, авторъ, не придерживаясь строго хронологическаго порядка, раздѣлилъ свой трудъ на нѣсколько частей, или книгъ. Первыя двѣ посвящены исторіи развитія Петра до 1700 года, т. е. времени, такъ сказать, подготовленія его къ широкой дѣятельности преобразователя; въ третьей книгѣ изложена упорная борьба его съ сторонниками старины; предметомъ четвертой служитъ исторія внѣшней политики въ эпоху Петра; въ пятой помѣщена характеристика преобразованій въ области законодательства и администраціи; въ шестой очерчена личность Петра и указано значеніе нѣкоторыхъ его сотрудниковъ.*

Что касается рисунковъ, то изъ нихъ выбраны для настоящаго изданія только имѣющіе прямое отношеніе къ царствованію Петра Великаго и притомъ преимущественно сдѣланные въ его время. Портреты сподвижниковъ Петра воспроизведены съ наиболѣе достовѣрныхъ подлинниковъ; виды городовъ, зданій, мѣстностей, костюмовъ, бытовыя сцены и проч., большею частью, съ оригиналовъ, современныхъ Петру. Изъ картинъ и рисунковъ новѣйшихъ художниковъ вошли лишь тѣ, которые исторически вѣрны эпохѣ. Сверхъ того, приложено нѣсколько факсимиле и два портрета Петра (Кнеллера и Моора), *воспроизведенные фото-литографскимъ способомъ въ художественномъ заведеніи* Ремлера и Іонаса *въ Дрезденѣ.*

Всѣ гравюры на деревѣ исполнены, по нашему заказу, Паннемакеромъ и Маттэ *въ Парижѣ;* Кезебергомъ и Эртелемъ, *въ Лейпцигѣ;* Клоссомъ и Хельмомъ, *въ Штутгартѣ;* Зубчаниновымъ, Рашевскимъ, Шлипперомъ и Винклеромъ, *въ Петербургѣ.*

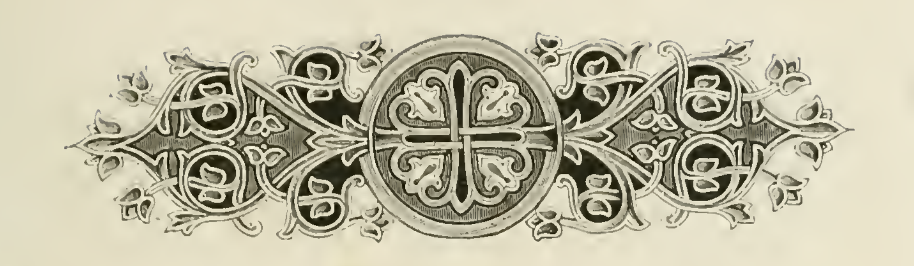
Заглавный листъ, заглавныя буквы и украшенія рисованы художникомъ Пановымъ.

При выборѣ рисунковъ мы руководились указаніями и совѣтами нашихъ извѣстныхъ собирателей русскихъ гравюръ, П. Я. Дашкова и Д. А. Ровинскаго, *предоставившихъ въ наше распоряженіе свои богатыя собранія. Кромѣ того, намъ оказали въ этомъ отношеніи содѣйствіе:* А. Ѳ. Бычковъ, Н. П. Собко, Д. Ѳ. Кобеко *и профессоръ Оксфордскаго университета* Морфиль. *Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы еще разъ выразить имъ нашу искреннюю признательность.*

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ оговорить, что, воспроизводя старинныя гравюры, мы ставили граверамъ въ непремѣнное условіе придерживаться, по возможности, факсимиле, сохраняя даже кажущіеся, при современномъ состояніи гравернаго искусства, недостатки подлинниковъ.

Всѣхъ гравюръ и другихъ рисунковъ въ настоящемъ изданіи около 250. Стараясь распредѣлять ихъ, насколько это было возможно, сообразно съ содержаніемъ текста, мы, разумѣется, въ иныхъ главахъ должны были помѣстить ихъ больше, а въ другихъ меньше.

Введеніе.

Историческое развитіе Россіи впродолженіе послѣднихъ вѣковъ заключается главнымъ образомъ въ превращеніи ея изъ азіатскаго государства въ европейское. Замѣчательнѣйшею эпохою въ процессѣ европеизаціи Россіи было царствованіе Петра Великаго.

Изученіе начала русской исторіи, наравнѣ съ изслѣдованіемъ происхожденія другихъ государствъ, представляетъ цѣлый рядъ этнографическихъ вопросовъ. Не легко опредѣлить точно происхожденіе и характеръ разнородныхъ элементовъ, встрѣчающихся на порогѣ русской исторіи. Зачатки государственной жизни, сперва въ Ладогѣ, затѣмъ въ Новгородѣ, немного позже въ Кіевѣ, относятся къ появленію и взаимодѣйствію различныхъ племенъ славянъ и варяговъ, финскихъ и тюрко-татарскихъ народовъ. Многія явленія этого самаго ранняго времени, несмотря на всѣ усилія ученыхъ, остаются неразгаданными; сюда должно отнести и вопросъ о варягахъ. Мы не беремся рѣшить: славянамъ или неславянамъ должно приписывать ту силу и смѣлость, ту воинственность и предпріимчивость, которыя обнаруживаются въ первое время исторіи Россіи въ большихъ походахъ къ берегамъ Волги и Каспійскаго моря и на Византію.

Какъ бы то ни было, но съ перваго мгновенія появленія славянъ на исторической сценѣ въ Россіи замѣтно болѣе или менѣе важное вліяніе на нихъ иностранныхъ, иноплеменныхъ элементовъ. Съ одной стороны, славяне смѣшиваются съ представителями Востока, съ находившимися въ близкомъ сосѣдствѣ степными варва-

Царица Евдокія Θеодоровна.

Съ портрета, принадлежащаго графу И. И. Воронцову-Дашкову. *(Образецъ гравюръ).*

рами, съ другой — они находятся подъ вліяніемъ западно-европейской культуры.

Особенно же сильнымъ было византійское вліяніе на развитіе Россіи. Византія стояла въ культурномъ отношеніи гораздо выше другихъ сосѣдей Россіи. Отъ Византіи Россія заимствовала религію и церковь. Однако не во всѣхъ отношеніяхъ вліяніе Византіи было полезнымъ и плодотворнымъ. Византійскому вліянію должно приписать преобладаніе въ міросозерцаніи русскаго народа, впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, чрезмѣрно консервативныхъ воз-

зрѣній въ области вѣры, нравственности, умственнаго развитія. И о свѣтлыхъ и о мрачныхъ чертахъ византійскаго вліянія свидѣтельствуетъ «Домострой». Приходилось впослѣдствіи освобождаться отъ домостроевскихъ понятій, воззрѣній и пріемовъ общежитія. Византійскаго же происхожденія были и монашество въ Россіи, и аскетизмъ, находящійся въ самой тѣсной связи съ развитіемъ раскола.

Московская улица въ XVII столѣтіи.

Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи", Олеарія. *(Образецъ гравюръ).*

Одновременно съ этимъ вліяніемъ Византіи на Россію, замѣтно стараніе римской церкви покорить Россію латинству. Попытки, сдѣланныя въ этомъ отношеніи при Даніилѣ Романовичѣ Галицкомъ, Александрѣ Невскомъ, Лжедимитріѣ, остались безуспѣшными; всѣ усилія, направленныя къ соединенію церквей, оказались тщетными. Съ одной стороны, въ этомъ заключалась выгода, съ другой — въ такомъ уклоненіи отъ сближенія съ западною Европою представлялась опасность нѣкотораго застоя, китаизма. Отвергая преимущества западно-европейской цивилизаціи, изъ-за непріязни къ латинству, и пребывая неуклонно въ заимствованныхъ у средневѣковой Визан-

тіи пріемахъ общежитія, Россія легко могла лишиться участія въ результатахъ общечеловѣческаго развитія.

Къ этому злу присоединилось татарское иго. Россія сдѣлалась вассальнымъ государствомъ татарскаго Востока. Вліяніе татаръ оказалось сильнымъ, продолжительнымъ. Оно обнаруживалось въ области администраціи и государственнаго хозяйства, въ ратномъ дѣлѣ и въ судоустройствѣ, въ отношеніи къ разнымъ пріемамъ общежитія и домашняго быта. О мѣрѣ этого вліянія можно спорить, но самый фактъ и существенный вредъ его не подлежатъ сомнѣнію. Зато въ духовномъ отношеніи сохранилась полная независимость отъ татаръ, между тѣмъ какъ въ правахъ и обычаяхъ обыденной жизни, въ усиленной склонности къ хищничеству, въ казачествѣ, въ ослабленіи чувства права, долга и обязанности, въ нравственной порчѣ чиновнаго люда, въ порабощеніи и униженіи женщины— нельзя не видѣть доказательствъ сильнаго и, главнымъ образомъ, неблагопріятнаго татарскаго вліянія.

Результатомъ совмѣстнаго вліянія Византіи и татаръ на Россію было отчужденіе ея отъ Запада впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій, а между тѣмъ важнѣйшее условіе болѣе успѣшнаго историческаго развитія Россіи заключалось въ поворотѣ къ Западу, въ сближеніи съ Европою, въ солидарности съ народами, находящимися на болѣе высокой степени культуры и пользовавшимися болѣе благопріятными условіями для своего дальнѣйшаго развитія.

Первымъ и главнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли было соединеніе Россіи въ одно цѣлое. Освобожденіе отъ татарскаго ига обусловливалось образованіемъ сильнаго политическаго центра — Московскаго государства. Представители послѣдняго приступили почти одновременно къ рѣшенію задачи возстановленія политической самостоятельности Россіи и къ принятію мѣръ для доставленія ей возможности участвовать въ общечеловѣческомъ прогрессѣ. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, успѣхи «собирателей русской земли» замѣчательны. Обозрѣвая цѣлый рядъ сѣверо-восточныхъ государей, начиная съ Андрея Боголюбскаго и до Ивана III, нельзя не замѣтить во всѣхъ необычайной стойкости воли, трезвости политическаго взгляда, сознанія нуждъ государства. Въ ихъ подвигахъ, въ стремленіи къ политическому единству, къ независимости, къ развитію монархическаго начала, имъ помогалъ народъ, собравшійся въ плотную силу вокругъ Москвы.

Послѣдовательность и цѣлесообразность дѣйствій московскихъ государей обнаруживались наиболѣе въ борьбѣ съ татарами на Волгѣ. Во что бы то ни стало нужно было взять Казань. Неда-

ромъ окончательный успѣхъ 1552 года произвелъ столь глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Наравнѣ съ Мамаевымъ побоищемъ, взятіе Казани сдѣлалось любимымъ предметомъ народной поэзіи. Личность Ивана IV, не выказавшаго, впрочемъ, при этомъ случаѣ особеннаго мужества, благодаря этому событію и несмотря на слѣдующую затѣмъ эпоху террора, долго пользовалась нѣкоторою популярностью. Лѣтописцы говорятъ о его подвигѣ съ жаромъ стихотворцевъ, призывая современниковъ и потомство къ великому зрѣлищу Казани, обновляемой во имя Христа. Борьба между исламомъ и христіанскою вѣрою была въ полномъ разгарѣ. «Исчезла прелесть Магометова», говорилъ Иванъ народу,—«на ея мѣстѣ водруженъ святый крестъ». Послѣ многихъ вѣковъ униженія и страданія, возвратилось, наконецъ, счастливое время первыхъ князей-завоевателей. Недаромъ митрополитъ сравнивалъ Ивана съ Константиномъ Великимъ, съ Владиміромъ Святымъ, съ Александромъ Невскимъ, съ Димитріемъ Донскимъ; недаромъ жители степей и кибитокъ защищали Казань съ такимъ ожесточеніемъ; здѣсь средняя Азія подъ знаменемъ Магомета билась за послѣдній оплотъ противъ Европы, шедшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя московскаго. До тѣхъ поръ, пока существовала Казань, дальнѣйшее движеніе славянской колонизаціи на востокъ не имѣло простора; со времени взятія Казани, европеизація Азіи могла считаться обезпеченною. Болѣе рѣзко, чѣмъ когда либо до этого, пробудилось чувство антагонизма между Россіею и исламомъ.

Тѣмъ важнѣе было именно въ то время, когда Россія, благодаря побѣдѣ, одержанной надъ Азіею, сдѣлалась болѣе доступною вліянію западной цивилизаціи, другое событіе, случившееся годъ спустя послѣ взятія Казани, — открытіе англичанами морскаго пути въ Бѣлое море. Пробираясь дальше и дальше по берегамъ Сѣвернаго океана, англійскіе мореплаватели, Уиллоуби и Ченселоръ, надѣялись доѣхать до Китая и Индіи. Первый погибъ жертвою этой полярной экспедиціи; второй очутился около устья Сѣверной Двины.

Этотъ фактъ составляетъ эпоху въ исторіи торговыхъ сношеній между Востокомъ и Западомъ. Для Россіи такое географическое открытіе было самымъ важнымъ условіемъ сближенія съ Европою. Однако при этомъ случаѣ оказалось, что народы Запада гораздо болѣе стремились къ востоку, нежели русскіе къ западу. Русскимъ за нѣсколько десятилѣтій до Ченселорова путешествія была извѣстна дорога моремъ вокругъ сѣверной оконечности Скандинавіи. Этимъ путемъ ѣхали въ западную Европу русскіе дипломаты — Григорій Истома, въ 1496 г., а немного позже Василій Власьевъ и Дмит-

рій Герасимовъ. Несмотря на это, не ранѣе какъ послѣ прибытія англичанъ съ запада къ устью Двины, означенный путь сдѣлался весьма важнымъ для торговли. Англійскіе моряки, купцы, промышленники, пріѣзжавшіе въ большомъ числѣ въ Россію и отправлявшіеся черезъ Россію дальше въ направленіи къ Китаю, Индіи, Персіи и проч., сдѣлались полезными наставниками русскихъ. Впродолженіе полутора столѣтій, мѣсто около Двины, гдѣ англичане устроили свою главную контору, имѣло для сближенія Россіи

Графъ Ѳедоръ Матвеевичъ Апраксинъ.

Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей. *(Образецъ гравюръ).*

съ Западомъ то самое значеніе, какое впослѣдствіи получилъ Петербургъ.

Открытіемъ сѣвернаго пути въ Россію было главнымъ образомъ обезпечено дальнѣйшее сближеніе съ западною цивилизаціею. Пока, однако, сообщеніе съ Европою было сопряжено съ большими затрудненіями, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній другъ къ другу Польши и Московскаго государства.

Польша весьма долгое время на Западѣ считалась оплотомъ противъ враждебнаго Европѣ Востока. Къ послѣднему обыкновенно относили и Московское государство, о которомъ существовали такія же понятія, какія были распространены о Персіи или Абиссиніи, Китаѣ или Японіи. Польша, въ области цивилизаціи вообще

и ратнаго искусства въ особенности, стояла выше Россіи; къ тому же Польша, черезъ свои сношенія съ Римомъ и іезуитскимъ орденомъ на востокѣ, въ отношеніи къ Россіи занимала такое же мѣсто, какое на крайнемъ западѣ Европы занимала Испанія въ

Московская торговая лавка въ XVII столѣтіи.

Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи", Олеарія. *(Образецъ гравюръ).*

отношеніи къ Англіи. Одновременно съ сближеніемъ между Англіею и Россіею, Польша, располагая довольно значительными средствами по всему протяженію западной границы Московскаго государства, заслоняла Европу отъ Россіи.

Мало того, Россіи, только что вышедшей побѣдительницею изъ борьбы съ Азіею, грозила опасность лишиться вновь недавно пріобрѣтенной самостоятельности и превратиться въ польскую провинцію. Эту цѣль имѣли въ виду и фанатическіе представители католицизма въ Польшѣ, и нѣкоторые изъ польскихъ королей и вель-

мож. Перевѣсъ Польши надъ Москвою обнаружился во время войны Стефана Баторія съ Иваномъ Грознымъ, а еще болѣе въ Смутное время. Впрочемъ, ожиданіе, что первый Лжедимитрій сдѣлается орудіемъ польскихъ интересовъ, оказалось лишеннымъ основанія. Тушинскій воръ былъ доступнѣе польскому вліянію; когда затѣмъ, послѣ сверженія съ престола царя Василія, полякамъ удалось принудить бояръ къ избранію въ московскіе цари королевича Владислава, можно было опасаться совершеннаго уничтоженія независимости Московскаго государства.

Тѣмъ не менѣе, Россія не сдѣлалась польскою провинціею. Спасеніе ея заключалось въ пробужденіи національнаго чувства и сознанія собственнаго достоинства, въ ненависти къ латинству, въ ожесточеніи противъ враговъ, безжалостно опустошавшихъ даже центральныя области Московскаго государства, въ преобладаніи здоровыхъ элементовъ въ народѣ, одержавшихъ верхъ надъ противо-общественными и противо-государственными элементами на югѣ и на юго-востокѣ Россіи.

Изгнаніе поляковъ изъ столицы, протестъ противъ всякихъ притязаній Польши на русскій престолъ, избраніе царя Михаила Θеодоровича, возстановленіе порядка послѣ долгаго времени неурядицы и безначалія — все это было геройскимъ подвигомъ народа, было не только спасеніемъ, но обновленіемъ государства, обезпеченіемъ его будущности.

Многаго, однако, еще недоставало для установленія мирныхъ и благопріятныхъ отношеній между Польшею и Россіею. Не ранѣе, какъ въ 1667 году, заключеніемъ мира въ Андрусовѣ, кончилась ожесточенная борьба, въ которой большіе города—Смоленскъ, Кіевъ, наконецъ Малороссія, являлись яблокомъ раздора. Впродолженіе этого времени вполнѣ измѣнилось отношеніе силъ и средствъ обѣихъ державъ. Все болѣе и болѣе обнаруживался упадокъ Польши. Присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству могло нѣкоторымъ образомъ считаться началомъ раздѣловъ Польши.

Во время этой ожесточенной и упорной борьбы, Россія оставалась отрѣзанною отъ западной Европы; по крайней мѣрѣ сообщеніе съ Западомъ прямымъ путемъ встрѣчало препятствія. Путь изъ Москвы въ западную Европу шелъ чрезъ Архангельскъ и вокругъ Норвегіи. Нельзя удивляться тому, что русскіе дипломаты, путешествовавшіе, напримѣръ, въ Италію, по нѣсколько мѣсяцевъ находились въ дорогѣ, подвергаясь страшнымъ опасностямъ.

Благодаря перевѣсу Швеціи, Россія оставалась долго отрѣзанною отъ береговъ Балтійскаго моря. Старанія Ивана IV, около по-

ловины XVI вѣка, и царя Алексѣя Михайловича, столѣтіемъ позже, завладѣть Прибалтійскимъ краемъ не имѣли успѣха. Недаромъ Густавъ Адольфъ, по случаю заключенія Столбовскаго договора, въ 1617 году, съ радостью говорилъ: «великое благодѣяніе оказалъ Богъ Швеціи тѣмъ, что русскіе, съ которыми мы изстари жили въ неопредѣленномъ состояніи и въ опасномъ положеніи, теперь навѣки должны покинуть разбойничье гнѣздо, изъ котораго прежде такъ часто насъ безпокоили. Русскіе — опасные сосѣди; границы ихъ земли простираются до Сѣвернаго, Каспійскаго и Чернаго морей; у нихъ могущественное дворянство, многочисленное крестьянство, многолюдные города; они могутъ выставлять въ поле большое войско; а теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного судна спустить на Балтійское море. Большія озера — Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него; у Россіи отнято море и, Богъ дастъ, теперь русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ».

Изъ всего этого видно, какое значеніе имѣли для Россіи возстановившіяся, наконецъ, мирныя сношенія съ Польшею. Обезпеченная со стороны Польши, Россія могла думать о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ набѣговъ татаръ, о наступательномъ движеніи къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Польша и Россія рѣшились вмѣстѣ дѣйствовать противъ татаръ и турокъ; Польша и Россія соединились немного позже и для борьбы противъ Швеціи. Такимъ образомъ, послѣ того, какъ въ началѣ XVII вѣка положеніе Россіи было крайне опаснымъ, чуть не отчаяннымъ, во второй половинѣ того же столѣтія для нея открывались въ разныхъ направленіяхъ новые пути торговли, возбуждались богатыя надежды, рождалась новая политическая дѣятельность.

И не только въ политическомъ отношеніи миръ съ Польшею принесъ богатые результаты. Польша болѣе чѣмъ прежде могла сдѣлаться школою для Россіи. Отсюда можно было заимствовать вкусъ къ занятіямъ науками; изъ Польши и изъ Малороссіи, гдѣ академія служила разсадникомъ молодыхъ ученыхъ, русскіе вельможи выписывали для воспитанія своихъ дѣтей домашнихъ учителей и наставниковъ. Польскіе нравы, знаніе польскаго языка, знакомство съ латинскимъ языкомъ стали входить въ обычай въ нѣкоторыхъ кругахъ высшаго общества въ Московскомъ государствѣ; малороссійскіе богословы, учившіеся въ западной Европѣ, начали пріѣзжать въ Россію, гдѣ успѣшно соперничали съ греческими монахами и учеными, пріѣзжавшими изъ турецкихъ владѣній. Въ обла-

сти драматическаго искусства, музыки, литературы, дѣлалось замѣтнымъ польское вліяніе. Первые приверженцы западно-европейской цивилизаціи — Ордынъ-Нащокинъ, Ртищевъ, А. С. Матвѣевъ, кн. В. В. Голицынъ — весьма многимъ были обязаны польскому вліянію. И первые государи царствующаго дома Романовыхъ находились подъ вліяніемъ польской культуры. Отецъ Михаила Ѳеодоровича, Филаретъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Польшѣ; Алексѣй Михайловичъ принималъ личное участіе въ войнахъ съ Польшею въ то

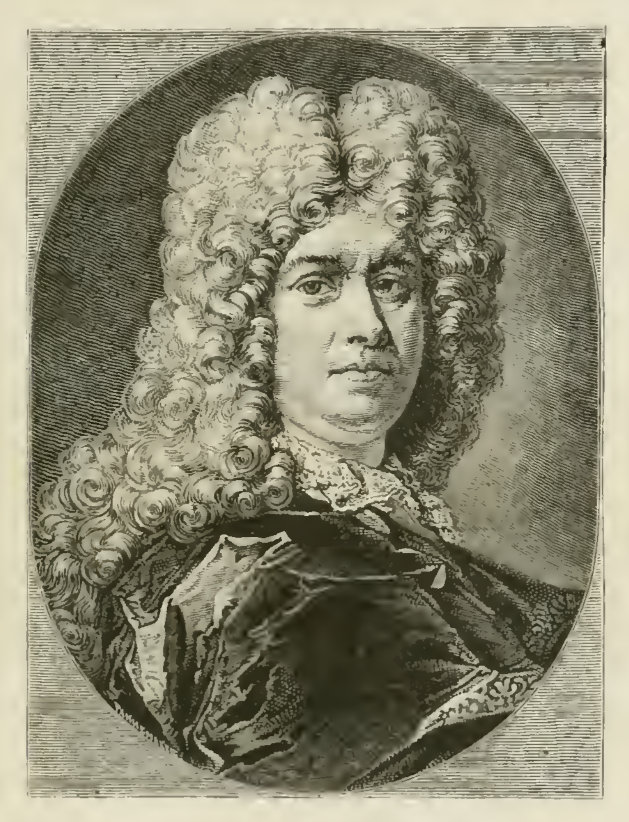

Видъ Амстердама въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной голландской гравюры. *(Образецъ гравюръ).*

время, когда русскія войска пребывали въ непріятельской странѣ; при дворѣ Ѳеодора Алексѣевича нѣкоторое время господствовали польскіе нравы и польскія моды. Петръ родился въ то время, когда уже завязалась борьба между стариною и новизною, между восточнымъ китаизмомъ и западно-европейскимъ космополитизмомъ, между ограниченностію исключительно національныхъ началъ и обще-гуманными воззрѣніями.

Одновременно съ развитіемъ готовности Россіи вступить въ сношенія съ Западомъ, усиливалось и вниманіе, обращаемое на Московское государство со стороны западной Европы.

До XVI вѣка на Западѣ почти ничего не знали о Россіи. Затѣмъ трудъ Герберштейна нѣкоторое время оставался главнымъ,

Амстердамскій бургомистръ Витзенъ.

Съ гравированнаго портрета Шенка, 1701 г. *(Образецъ гравюръ).*

чуть-ли не единственнымъ источникомъ познаній, относящихся къ Московскому государству. Устные разсказы Герберштейна о его пребываніи на Востокѣ казались многимъ современникамъ, напримѣръ, брату Карла V, Фердинанду, Ульриху Гуттену и друг., въ высшей степени достойными вниманія и занимательными. Открытіе англичанами морского пути въ Россію черезъ Сѣверный океанъ имѣло слѣдствіемъ появленіе цѣлой литературы о Россіи, такъ что знаменитый поэтъ Мильтонъ, написавшій въ XVII столѣтіи краткую исторію Россіи, могъ при составленіи своего труда указать на цѣ-

лый рядъ англійскихъ сочиненій объ этомъ предметѣ. Во второй половинѣ XVI вѣка появились на Западѣ опасенія относительно быстраго развитія силъ и средствъ Россіи. Когда туда начали отправляться въ большомъ числѣ ремесленники и художники, инженеры и артиллеристы, рудознатцы и офицеры, не разъ былъ возбужденъ вопросъ о необходимости запрещенія такой эмиграціи. Между прочимъ, герцогъ Альба, знаменитый полководецъ эпохи короля Филиппа II, въ посланіи къ сейму во Франкфуртъ, отъ 10 іюля 1571 года, выставлялъ на видъ необходимость запрещенія вывоза изъ Германіи въ Россію военныхъ снарядовъ, въ особенности огнестрѣльнаго оружія [1]). Король польскій Сигизмундъ писалъ къ королевѣ англійской Елисаветѣ въ 1567 году: «дозволить плаваніе въ Московію воспрещаютъ намъ важнѣйшія причины, не только наши частныя, но и всего христіанскаго міра и религіи, ибо непріятель отъ сообщенія просвѣщается и, что̀ еще важнѣе, снабжается оружіемъ, до тѣхъ поръ въ этой варварской странѣ невиданнымъ; всего же важнѣе, какъ мы полагаемъ, онъ снабжается самыми художниками, такъ что, если впредь и ничего не будутъ привозить ему, такъ художники, которые при такомъ развитіи морскихъ сообщеній легко ему подсылаются, въ самой той варварской странѣ надѣлаютъ ему всего, что̀ нужно для войны и что̀ доселѣ ему было неизвѣстно». «Сверхъ того», сказано въ другомъ письмѣ, отъ 1568 года, «всего болѣе заслуживаетъ вниманія, что московиты снабжаются свѣдѣніями о всѣхъ нашихъ даже сокровеннѣйшихъ намѣреніяхъ, чтобы потомъ воспользоваться ими, чего не дай Богъ, на гибель нашимъ...» и пр. [2]). Столь же враждебно относились къ Россіи и въ такомъ-же духѣ старались дѣйствовать ганзейскіе города: Любекъ, Ревель, Деритъ и пр. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторой части западной Европы господствовало убѣжденіе, что усиленіе Московскаго государства должно считаться несчастіемъ, и что потому слѣдуетъ всѣми силами препятствовать участію русскихъ въ результатахъ общей цивилизаціи.

Въ особенности католическія страны были проникнуты убѣжденіемъ о необходимости держать Россію въ черномъ тѣлѣ. Къ счастью для Россіи, голландцы и англичане находили, однако же, для себя болѣе выгоднымъ не раздѣлять мнѣній герцога Альбы и короля Сигизмунда, а, напротивъ, поддерживать оживленныя сношенія съ Россіею.

---

[1]) Havemann. Innere Geschichte Spaniens, 287.

[2]) Гамель. Англичане въ Россіи, стр. 83 и 84.

Достойно вниманія противорѣчіе въ отзывахъ о Россіи около этого времени. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ англійскій дипломатъ Флетчеръ, въ своемъ сочиненіи «Of the russe commonwealth», явившемся въ Лондонѣ въ 1591 году, осуждаетъ варварство Россіи, сравнивая Московское государство съ Турціею, порицая деспотизмъ царя, продажность приказныхъ и подъячихъ, обскурантизмъ духовенства, рабскій духъ въ обществѣ. Совсѣмъ иначе писалъ Маржеретъ къ французскому королю Генриху IV, посвящая послѣднему свое сочиненіе «Estat de l'empire de Russie» (Paris, 1607): «Напрасно думаютъ, что міръ христіанскій ограничивается Венгріею; я могу увѣрить, что Россія служитъ твердымъ оплотомъ для христіанства» и проч.

Немудрено, впрочемъ, что Россія въ XVII вѣкѣ производила на западно-европейцевъ впечатлѣніе чисто-восточнаго государства. Адамъ Олеарій въ своемъ знаменитомъ сочиненіи говоритъ о Россіи и Персіи въ одномъ и томъ же тонѣ, какъ о странахъ, и въ пріемахъ общежитія, и въ государственныхъ учрежденіяхъ не имѣющихъ ничего общаго съ государствами западной Европы. Русскіе дипломаты, являвшіеся на Западѣ, удивляли всѣхъ своимъ азіатскимъ костюмомъ, незнаніемъ европейскихъ языковъ, и къ тому же довольно часто отличались грубостью нравовъ, разными неблаговидными поступками.

Съ другой стороны, оригинальность и своеобразность всего, что относилось къ Россіи, не могли не возбуждать любопытства. Въ то время общими явленіями были стремленіе къ географическимъ открытіямъ, страсть къ изученію этнографіи, языкознанія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Россія представляла собою богатую почву для собиранія всевозможныхъ свѣдѣній. Тутъ встрѣчалось и неисчерпаемое множество нарѣчій, громадная масса любопытныхъ предметовъ для изученія флоры и фауны, богатый матеріалъ для метеорологическихъ наблюденій и для археологическихъ изысканій. Между тѣмъ какъ нѣкоторые государственные люди относились къ Россіи враждебно, отрицали пользу сношеній съ этою страною, ученые разсуждали совершенно иначе. Особенно англичане съумѣли соединять теоретическое изученіе Россіи въ отношеніи къ естественнымъ наукамъ съ практическими цѣлями торговой политики. Таковъ характеръ трудовъ Традесканта въ началѣ XVII вѣка. Голландецъ Исаакъ Масса, въ это же время находившійся въ Россіи, извѣстный амстердамскій бургомистръ, Николай Витзенъ, побывавшій въ ней во второй половинѣ XVII вѣка, чрезвычайно ревностно собирали свѣдѣнія не только объ Европейской Россіи,

по и о Сибири. Маржеретъ напечаталъ свой трудъ о Россіи по желанію короля Генриха IV. Англійскій король Яковъ II съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ разсказы Патрика Гордона о Россіи, заставляя его сообщать ему разныя свѣдѣнія о военномъ устройствѣ, о главныхъ государственныхъ дѣятеляхъ въ Московскомъ государствѣ. Сочиненіе Фабри о состояніи русской церкви, явившееся уже въ первой половинѣ XVI вѣка, считалось авторитетнымъ въ этой области. Западно-европейскіе государи, под-

Домъ князя Меньшикова въ Петербургѣ.

Съ современной гравюры 1716 года. *(Образецъ гравюръ).*

данные которыхъ проживали въ Россіи, слѣдя за судьбою послѣднихъ, черезъ нихъ же узнавали многое объ условіяхъ жизни въ Россіи и черезъ дипломатическихъ агентовъ, имѣвшихъ значеніе консуловъ, старались обезпечивать права иностранцевъ въ Россіи. Не разъ возобновлялись попытки дѣйствовать въ пользу распространенія католицизма въ Россіи. Витзенъ былъ покровителемъ находившихся въ Москвѣ лицъ реформатскаго исповѣданія; герцогъ Эристъ Саксенъ-Кобургскій, протекторъ проживавшихъ въ Москвѣ лютеранъ, получалъ нерѣдко отчеты о состояніи нѣмецкаго прихода и денежными пособіями поддерживалъ нужды церкви и школы. Многіе шотландцы, англичане, голландцы и нѣмцы, про-

живавшіе въ Москвѣ, сообщали своимъ родственникамъ и знакомымъ въ западной Европѣ разныя свѣдѣнія о Россіи. Въ журналѣ «Theatrum Europaeum» впродолженіе XVII вѣка довольно часто печатались донесенія изъ Россіи о происходившихъ тамъ событіяхъ. Скоро послѣ бунта Стеньки Разина, это событіе послужило предме-

Казнь колесованіемъ.

Съ рѣдчайшей гравюры начала XVIII столѣтія, находящейся въ собраніи П. Я. Дашкова. *(Образецъ гравюръ).*

томъ ученой диссертаціи, публично защищаемой въ Виттенбергскомъ университетѣ. Въ 1696 году въ Оксфордѣ появилась грамматика русскаго языка, составленная Лудольфомъ, секретаремъ принца Георга Датскаго.

Во второй половинѣ XVII вѣка Китай сдѣлался предметомъ спеціальнаго изученія въ западной Европѣ. Одновременно съ этимъ и Россія все болѣе и болѣе удостоивалась вниманія. Особенно же знаменитый философъ Лейбницъ съ сочувствіемъ относился къ Рос-

сіи. Разъ онъ замѣтилъ, что въ одно и то же время разные не европейскіе государи приступили къ важнымъ преобразованіямъ, а именно, китайскій императоръ, король Абиссиніи и царь московскій [1]. Лейбницъ выразилъ желаніе содѣйствовать преобразованію Россіи. Онъ былъ убѣжденъ, что этимъ самымъ окажетъ услугу всему человѣчеству, и гордился своимъ космополитизмомъ.

Такимъ образомъ, развившейся мало-по-малу воспріимчивости Россіи къ западной цивилизаціи соотвѣтствовало усиливавшееся на Западѣ вниманіе къ Россіи. Космополитическія стремленія Витзена, Лейбница и друг. относились къ тому самому времени, когда Россія готовилась сблизиться съ Европою занятіемъ береговъ Балтійскаго моря, принятіемъ участія въ войнахъ съ Турціею и чрезъ оживленіе дипломатическихъ сношеній съ западно-европейскими державами сдѣлаться членомъ общей политической системы. Для западно-европейскаго міра этотъ процессъ былъ эпохою, а для самой Россіи настадъ новый періодъ исторіи.

Къ этому же времени относится и молодость Петра Великаго.

[1]) Guerrier, Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter d. Gr., 15.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

Дѣтство Петра.

(1672—1689).

ОТЕЦЪ и ДѢДЪ Петра не отличались особенными дарованіями, силою воли и богатствомъ идей. Нельзя сказать, чтобы первый государь изъ дома Романовыхъ, Михаилъ Θеодоровичъ, былъ обязанъ возведеніемъ на царство выдающимся личнымъ качествамъ: тутъ главнымъ образомъ дѣйствовали семейныя связи. Зато отецъ перваго царя, патріархъ Филаретъ, игравшій нѣкоторое время роль регента, дѣйствительно былъ способнымъ государственнымъ человѣкомъ. О характерѣ и личности Михаила мы знаемъ немного. Придворный этикетъ, господствовавшій въ то время и стѣснявшій свободу государя, не благопріятствовалъ развитію въ немъ самостоятельности и воли. Къ тому же, какъ кажется, въ первое время царствованія Михаила его власть была ограничена отчасти боярами. Михаилъ не принималъ личнаго участія въ войнахъ съ Польшею и Швеціею и въ подавленіи анархическихъ элементовъ въ государствѣ. Внѣшняя политика этого государя заключалась главнымъ образомъ въ оборонѣ противъ перевѣса сосѣднихъ странъ. Надежда на успѣшныя наступательныя дѣйствія противъ Польши, при помощи иноземныхъ наемниковъ, оказалась тщетною. Нужно было довольствоваться

тѣмъ, что послѣ страшныхъ бурь междуцарствія и польскаго нашествія страна мало-по-малу отдыхала и пріобрѣтала свѣжія силы. Значительнаго преобразованія внутри страны не происходило.

Подобно отцу, Алексѣй чуть не мальчикомъ вступаетъ на престолъ; подобно отцу, имѣя сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, онъ сходитъ въ могилу. Алексѣй былъ богаче одаренъ способностями, чѣмъ Ми-

Царь Алексѣй Михайловичъ.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

хаилъ; его царствованіе было ознаменовано предпріимчивостью во внѣшней политикѣ и нѣкоторыми преобразованіями внутри государства; сюда относятся «Уложеніе» и разныя постановленія въ области церковнаго быта.

Хотя Алексѣй и не былъ лишенъ дарованій, однако же не обладалъ ни смѣлостью соображенія, ни силою воли. Главными чертами въ его характерѣ были кротость и нѣкоторая патріархальность въ обращеніи съ окружавшими его лицами; но эти качества

не мѣшали ему подъ-часъ собственноручно расправляться съ людьми, навлекшими на себя чѣмъ бы то ни было его гнѣвъ; такіе эпизоды, между прочимъ, происходили даже съ царскимъ тестемъ, Ильею Даниловичемъ Милославскимъ. Алексѣй не имѣлъ достаточной силы воли для удаленія людей недостойныхъ его довѣрія; впрочемъ, бывали случаи, когда онъ выдавалъ на растерзаніе разъяренной черни сановниковъ, употреблявшихъ во зло свою власть. Въ первое время своего царствованія, бывши еще юношею, царь не разъ видѣлъ страшныя вспышки гнѣва народа, толпою окружавшаго царя и жаловавшагося на притѣсненія воеводъ. Онъ самъ былъ любимъ народомъ, но многіе изъ его сановниковъ дѣлались предметомъ общей ненависти.

Царь Алексѣй принималъ личное участіе въ войнахъ съ Швеціею и Польшею. Въ этихъ походахъ, а также въ страсти къ охотѣ, у него обнаруживается гораздо бо̀льшая подвижность и предпріимчивость, нежели у его отца, Михаила, или у его сына, Ѳеодора; однако въ Алексѣѣ не замѣчается и слѣда той неутомимой рабочей силы, которою отличался Петръ. Алексѣй былъ вѣрнымъ слугою церкви, благочестиво и строго соблюдавшимъ всѣ религіозныя обязанности, любилъ заниматься чтеніемъ богословскихъ книгъ, употреблялъ въ своихъ письмахъ церковные обороты, но въ то же время онъ нерѣдко нарушалъ правила строго-опредѣленнаго придворнаго этикета. Подобно знаменитому императору Фридриху II изъ дома Гогенштауфеновъ, онъ былъ авторомъ сочиненія о соколиной охотѣ; въ его частныхъ письмахъ къ разнымъ лицамъ проглядываетъ нѣкоторая мягкость и гуманность. Воспитаніе своихъ дѣтей онъ поручилъ отчасти польскимъ наставникамъ. До насъ дошли кое-какія, приписываемые царю стихи. По временамъ, освобождаясь отъ правилъ монашескаго аскетизма, обыкновенно соблюдаемыхъ царями, онъ любилъ шутить и веселиться, забавляться драматическими представленіями и музыкою.

Въ послѣднее время царствованія Алексѣя, а также во время шестилѣтняго царствованія Ѳеодора (1676—1682), замѣчается уже указанное вліяніе малороссійско-польской цивилизаціи на Россію. Впродолженіе многолѣтнихъ войнъ, безконечныхъ дипломатическихъ переговоровъ съ поляками, русскіе многому научились у послѣднихъ. Въ русскомъ языкѣ въ это время встрѣчаются полонизмы. Русскій резидентъ въ Польшѣ, Тяпкинъ, настоящій москвитянинъ, страдавшій тоскою по родинѣ, оказался весьма доступнымъ вліянію польской культуры. Его сынъ воспитывался въ поль-

скомъ училищѣ; его донесенія царю заключаютъ въ себѣ множество польскихъ выраженій и оборотовъ.

Въ самой Россіи въ это время играли важную роль малороссійскія духовныя лица, получившія свое образованіе въ Польшѣ, а также и настоящіе поляки. При Михаилѣ и Алексѣѣ мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ русскихъ особенную любовь къ Польшѣ. Къ такимъ почитателямъ польскихъ нравовъ принадлежалъ дядя царя Алексѣя, бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ. Онъ одѣвалъ своихъ слугъ въ западно-европейское платье и самъ являлся иногда въ польскомъ костюмѣ. Говорятъ, что патріархъ Никонъ вытребовалъ у боярина эти одежды и уничтожилъ ихъ. Достойно вниманія, что этотъ самый Романовъ былъ владѣльцемъ знаменитаго бота, найденнаго Петромъ въ сараѣ въ Измайловѣ и сдѣлавшагося зародышемъ русскаго флота [1]).

Уже въ началѣ XVII вѣка, авторъ сказанія объ осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря, Авраамій Палицынъ, сѣтуетъ на подражаніе многимъ «армянскимъ и латинскимъ ересямъ», на то, что «старые мужы брады своя постризаху, во юноши премѣняхуся» [2]). За нѣсколько лѣтъ до вступленія на престолъ Петра, былъ обнародованъ указъ, строго запрещавшій «перенимать иноземскіе нѣмецкіе и иные извычаи, постригать волосовъ, носить платье, кафтаны и шапки съ иноземныхъ образцовъ» и пр. [3]).

При Ѳеодорѣ вліяніе Польши усиливается. Первая супруга царя, Грушецкая, была виновницею введенія реформы относительно платья при дворѣ и въ высшихъ кругахъ русскаго общества; по ея вліянію начали въ Москвѣ стричь волосы, брить бороды, носить сабли и кунтуши польскіе, заводить школы, польскія и латинскія, и пр. [4]). Еще при Ѳеодорѣ было говорено и писано о неудовольствіи многихъ бояръ, вызванномъ этими нововведеніями.

Такимъ образомъ, прежнее византійское вліяніе было отчасти смѣнено польскимъ, отчасти же и то и другое встрѣчаются вмѣстѣ. Низшіе классы общества, а также духовенство, находятся гораздо болѣе подъ вліяніемъ византійско-средневѣковой стихіи, уклоняясь отъ вліянія западно-европейской цивилизаціи, высказываясь одинаково рѣзко, какъ противъ польско-латинской, такъ и противъ германско-протестантской культуры. За то свѣтскіе элементы высшаго общества по необходимости начали учиться у западной Европы.

---

[1]) Соловьевъ. Ист. Р. XII, стр. 348.
[2]) Сказаніе объ осадѣ Троицкаго-Сергіева монастыря, изд. 2-е, стр. 20.
[3]) Полн. Собр. Зак., I, № 607.
[4]) Соловьевъ, XIII. 330, XIV. 32.

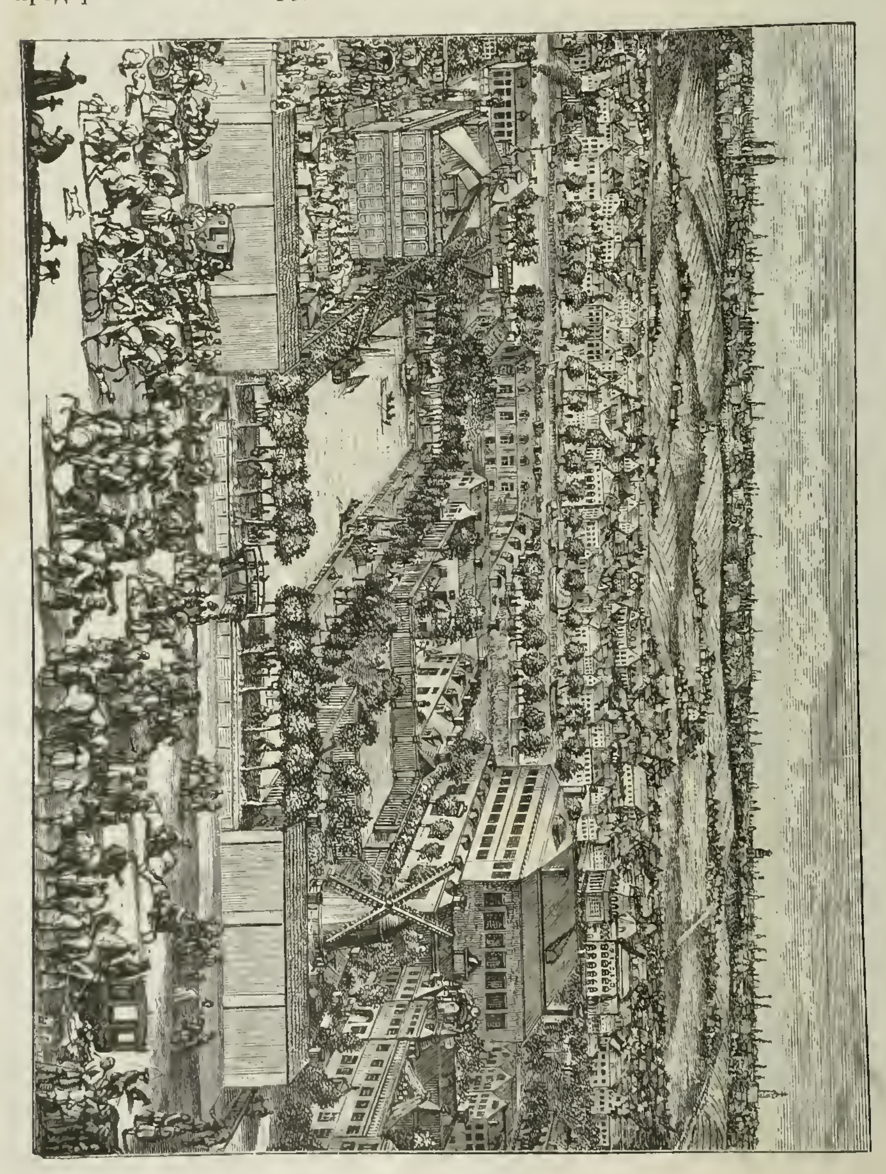
Вопросъ о томъ, какого рода западно-европейское вліяніе должно было имѣть перевѣсъ въ центрѣ государства, былъ самымъ важнымъ, роковымъ вопросомъ.

При Ѳеодорѣ можно было считать вѣроятнымъ окончательный перевѣсъ средневѣковой католической науки, пробившей себѣ путь въ Россію черезъ Польшу и Малороссію. Люди, подобные Симеону Полоцкому, прибывшему въ Россію при царѣ Алексѣѣ и сдѣлавшемуся наставникомъ дѣтей царя отъ перваго брака, были представителями эрудиціи, основанной на отвлеченныхъ наукахъ риторики, философіи и богословія прежнихъ вѣковъ. Въ этомъ отношеніи достойно вниманія то предпочтеніе, съ которымъ нѣкоторыя лица при московскомъ дворѣ, въ томъ числѣ Ѳеодоръ и Софія, занимались церковною исторіею. Сынъ Петра, Алексѣй, — и эта черта характеризуетъ, между прочимъ, бездну, открывшуюся впослѣдствіи между отцомъ и сыномъ, — особенно охотно занимался чтеніемъ церковно-историческаго сочиненія Баронія и дѣлалъ изъ него выписки. Это направленіе нѣкоторымъ образомъ классическаго, по крайней мѣрѣ основаннаго на латинскомъ языкѣ, воспитанія было діаметрально-противоположно тому реальному обученію, которое русскіе могли пріобрѣсти отъ германскаго и протестантскаго міра. Многое зависѣло отъ рѣшенія вопроса, кто будетъ главнымъ наставникомъ Россіи: Римъ ли со своими отцами церкви и іезуитами, со своимъ латинскимъ нарѣчіемъ и схоластикою, или тѣ народы, которые упорно боролись противъ перевѣса Рима, Габсбурговъ, Испаніи, т. е. англичане, голландцы, нѣмцы, — тѣ народы, которыхъ умственное и политическое развитіе въ эпоху реформаціи было выраженіемъ всесторонняго прогресса человѣчества. Россія могла примкнуть или къ романскому, католическому міру, великому въ прошедшемъ, не забывавшему своихъ прежнихъ правъ и своего прежняго перевѣса, державшемуся отсталыхъ понятій о преимуществѣ имперіи и іерархіи, жившему давними воспоминаніями, сдѣлавшемуся анахронизмомъ, — или же къ другой, сѣверо-западной, обращенной къ океану части Европы, къ представителямъ новой идеи о государствѣ, новой политической системы, открывавшимъ новые пути въ областяхъ государственнаго и международнаго права, торговли, промышленности, науки, литературы и колонизаціи.

Россія рѣшила этотъ вопросъ въ пользу послѣднихъ народовъ: она предпочла учиться у новой Европы. Не малороссійскіе и польскіе монахи и богословы сдѣлались наставниками Петра, а обитатели «Нѣмецкой» слободы, находившейся у самой столицы и пред-

*

ставлявшей собою образчикъ западно-европейской рабочей силы, предпріимчивости и эрудиціи.

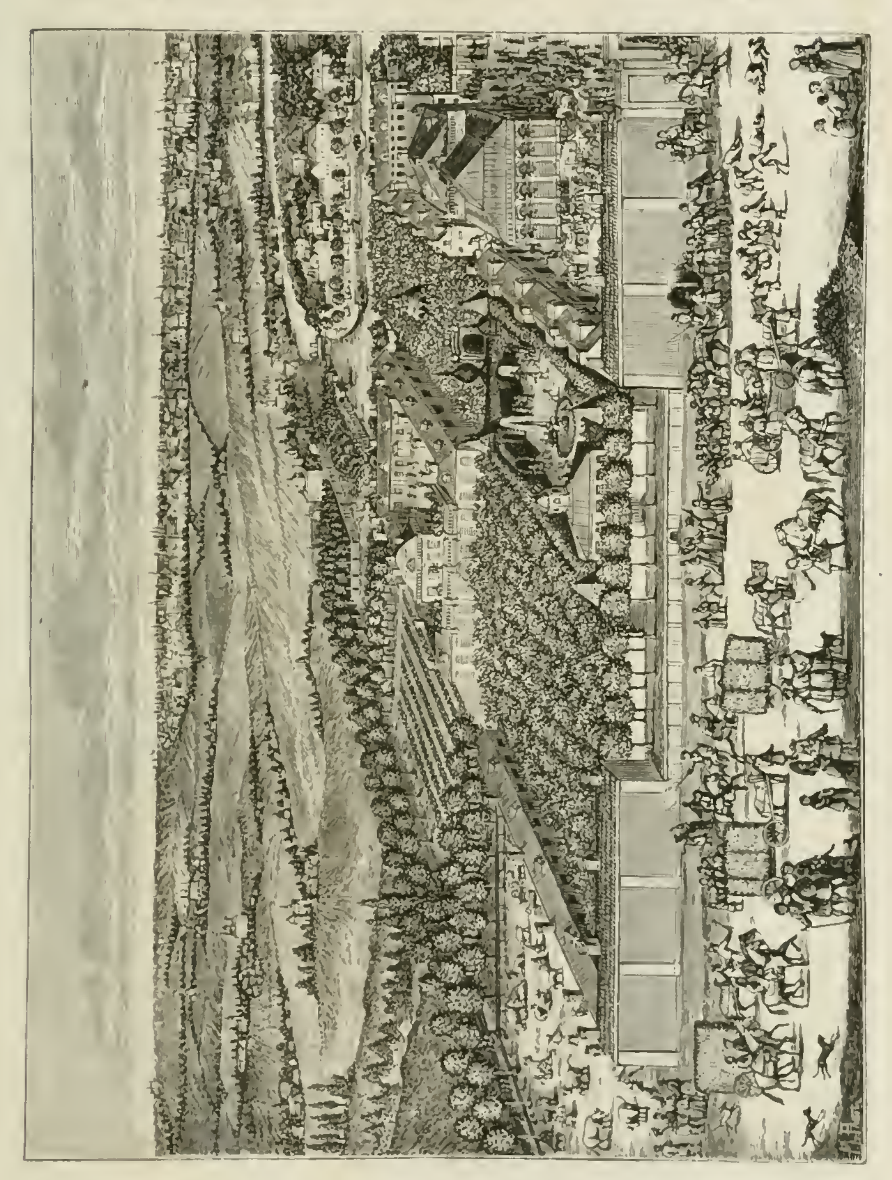

Нѣмецкая слобода.

Съ гравюры Генриха де-Виттъ, начала XVIII столѣтія.

Петръ выросъ не въ рутинѣ азіатскаго придворнаго этикета, онъ не получилъ латинско-схоластическаго воспитанія, которое вы-

пало на долю его брата, Θеодора; этимъ выигрышемъ онъ былъ обязанъ близости и значенію Нѣмецкой слободы, населеніе кото-

Нѣмецкая слобода.
Съ гравюры Генриха де-Витть, начала XVIII столѣтія.

рой состояло изъ разнородныхъ элементовъ, отличалось нѣкоторымъ космополитизмомъ и представляло собою нѣчто въ родѣ

микрокозма всевозможныхъ сословій, призваній, національностей и исповѣданій.

Уже въ XVI вѣкѣ у самой Москвы существовала Нѣмецкая слобода; она сгорѣла во время междуцарствія и польскаго нашествія, въ началѣ XVII столѣтія. Указомъ царя Алексѣя около половины XVII вѣка предмѣстье это было возобновлено. Религіозныя побужденія заставили царя выселить иностранцевъ, до того времени проживавшихъ въ самой столицѣ. Поэтому Нѣмецкую слободу можно сравнить съ такъ называемыми «ghetto», т. е. съ тѣми предмѣстьями нѣкоторыхъ западно-европейскихъ городовъ, гдѣ живутъ евреи. Тутъ въ XVII вѣкѣ сосредоточивалась жизнь иностранцевъ; тутъ были воздвигнуты лютеранскія и реформатскія церкви; тутъ жили врачи и негоціанты, пасторы и офицеры, инженеры и ремесленники. Населеніе Нѣмецкой слободы состояло главнымъ образомъ изъ шотландцевъ, англичанъ, голландцевъ, нѣмцевъ и пр. Здѣсь встрѣчались нѣсколько утонченные нравы, непринужденная обходительность, умственные интересы. То обстоятельство, что иностранцы жили особо, препятствовало ихъ обрусѣнію; они представляли собою своеобразный элементъ и служили другъ другу опорою при сохраненіи національныхъ и религіозныхъ особенностей, при удовлетвореніи нравственныхъ, научныхъ и литературныхъ потребностей.

До извѣстной степени здѣсь существовали національныя, религіозныя и политическія партіи; но такого рода антагонизмъ былъ смягченъ космополитизмомъ, свойственнымъ вообще колоніямъ. Слобода находилась подъ вліяніемъ умственнаго развитія западной Европы. Здѣсь было много знатоковъ латинскаго языка; англійскія дамы Нѣмецкой слободы выписывали изъ своей родины романы и драмы; шотландецъ Патрикъ Гордонъ, игравшій въ Нѣмецкой слободѣ втеченіе нѣсколькихъ десятилѣтій весьма важную роль, старался узнавать о всѣхъ усовершенствованіяхъ въ области механики, технологіи, картографіи на западѣ Европы, о разныхъ сообщеніяхъ, дѣлаемыхъ въ лондонской «Royal Society». Жители Нѣмецкой слободы находились въ чрезвычайно оживленной перепискѣ со своими родными и знакомыми на родинѣ; весьма часто они предпринимали поѣздки за-границу по разнымъ причинамъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ политическихъ событій на западѣ Европы, напр., за событіями англійской революціи, войны между Англіею и Голландіею и т. д. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что Нѣмецкая слобода могла содѣйствовать сближенію рус-

скихъ съ западною Европою и сообщать Россіи результаты западно-европейской культуры [1]).

Нѣмецкой слободѣ было суждено служить звеномъ между западною Европою и Петромъ во время его юношескаго развитія. На пути, пройденномъ Россіею отъ болѣе азіатской нежели европейской Москвы XVII вѣка до болѣе европейскаго нежели азіатскаго Петербурга XVIII вѣка, Нѣмецкая слобода была, такъ сказать, важнѣйшею станціею.

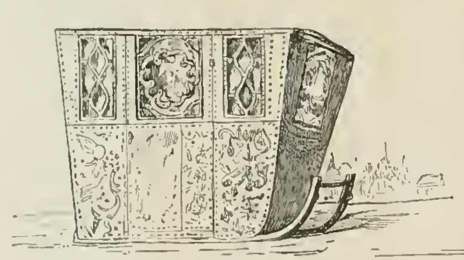
И до Петра уже было замѣтно вліяніе Нѣмецкой слободы на нѣкоторыхъ представителей русскаго общества. Были въ Россіи люди, которые не раздѣляли мнѣнія духовенства, ненавидѣвшаго иностранцевъ, какъ еретиковъ, и черни, оскорблявшей «нѣмцевъ» и иногда даже мечтавшей объ уничтоженіи всей Нѣмецкой слободы съ ея жителями; были въ Россіи люди, которые умѣли цѣнить превосходство западно-европейской культуры и были склонны къ ученію подъ руководствомъ иностранцевъ.

Такимъ представителемъ прогресса можетъ служить бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ. Онъ пользовался особеннымъ довѣріемъ царя Алексѣя, который часто посѣщалъ домъ Матвеева, гдѣ, по преданію, познакомился съ Натальею Кирилловною Нарышкиной, матерью Петра. Матвеевъ стоялъ у колыбели Петра, дарилъ ему разныя игрушки, въ томъ числѣ повозку съ маленькими лошадками. Когда Петру уже минуло десять лѣтъ, Матвеевъ, почти на глазахъ юнаго государя, былъ убитъ стрѣльцами. Его личность должна была принадлежать къ самымъ сильнымъ дѣтскимъ воспоминаніямъ Петра.

Отецъ Матвеева былъ когда-то русскимъ посломъ въ Константинополѣ и въ Персіи, а его сынъ втеченіе Сѣверной войны находился русскимъ дипломатомъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, въ Гагѣ и Лондонѣ. Онъ самъ оказалъ царю существенныя услуги во время пріобрѣтенія Малороссіи. При довольно затруднительныхъ обстоятельствахъ, онъ, въ качествѣ дипломата и полководца, отстаивалъ могущество и честь Россіи. Завѣдуя Посольскимъ Приказомъ, онъ былъ, такъ сказать, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Одинъ путешественникъ-иностранецъ прямо называетъ его «первымъ царскимъ министромъ». Довольно часто въ домѣ Матвеева, украшенномъ различными предметами роскоши, заимствованными у западной Европы, происходили переговоры съ иностранными дипломатами. При опасности, грозившей царству со стороны Стеньки

[1]) Brückner. Culturhistorische Studien. II. Die Ausländer in Russland. Riga, 1878, стр. 71—80.

Разина, онъ давалъ царю мудрые совѣты. Матвеевъ заботился объ интересахъ внѣшней торговли; завѣдуя Аптекарскимъ Приказомъ, онъ постоянно находился въ сношеніяхъ со многими иностранными хирургами, докторами и аптекарями, служившими въ этомъ вѣдомствѣ. Жена Матвеева, какъ говорятъ, была иностраннаго происхожденія. Его сынъ получилъ весьма тщательное воспитаніе, учился разнымъ языкамъ и пріобрѣлъ такую широкую эрудицію, что даже Лейбницъ съ особенною похвалою отзывался о его познаніяхъ [1]). Въ обществѣ хирурга Сигизмунда Зоммера, многолѣтнею практикою пріобрѣтшаго въ Россіи значеніе и состояніе, а также молдаванина Спафарія, который служилъ въ Посольскомъ Приказѣ и въ то же время училъ сына Матвеева греческому и латинскому языкамъ, любознательный бояринъ занимался естественными науками. Противники Артамона Сергѣевича воспользовались этимъ обстоятельствомъ въ первое время царствованія Ѳеодора Алексѣевича для того, чтобы погубить ненавистнаго боярина. Его обвиняли въ колдовствѣ, въ общеніи съ злыми духами. По случаю ссылки своей на крайній сѣверъ, Матвеевъ, въ письмѣ къ царю Ѳеодору, говорилъ о написанныхъ имъ историческихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ трактовалось о титулахъ и печатяхъ русскихъ государей, о вступленіи на престолъ царя Михаила и проч. [2]). Въ какой мѣрѣ царь Алексѣй любилъ Матвеева, видно изъ выраженія царя въ письмѣ къ послѣднему, въ которомъ Алексѣй проситъ находящагося въ отсутствіи сановника возвратиться скорѣе, такъ какъ царь и его дѣти безъ Матвеева осиротѣли.

Дѣтскій возокъ Петра Великаго.
Съ рисунка, находящагося въ книгѣ Говарда „The Russian empire“.

Разсказъ о томъ, какъ царь Алексѣй, овдовѣвъ, познакомился въ домѣ Матвеева съ Натальею Кирилловною Нарышкиной, на которой и женился, въ частностяхъ имѣетъ нѣсколько легендарный характеръ. Этотъ разсказъ основанъ на семейномъ преданіи; однако, само по себѣ, это преданіе кажется правдоподобнымъ: оно соотвѣтствуетъ близкимъ сношеніямъ царя съ Матвеевымъ и

[1]) Guerrier. Leibniz, S. 37 и 38.

[2]) Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвеева. Москва. 1785, стр. 39.

Матвеева съ Нарышкиными, а также и нѣкоторымъ намекамъ одного иностранца, во время свадьбы Алексѣя находившагося въ Москвѣ и немного позже издавшаго сочиненіе о Россіи [1]).

Извѣстно, что знакомиться съ невѣстою, какъ бы частнымъ человѣкомъ, въ частномъ домѣ было не въ обычаѣ у русскихъ царей. Правиломъ при женитьбахъ царей были торжественные смотры множества красавицъ, между которыми царь выбиралъ для себя

Бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ.

Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ его жизнеописанію, изд. въ 1776 г.

сожительницу. Извѣстно, какъ часто при подобныхъ случаяхъ между различными семействами происходили страшныя крамолы и даже преступленія. Невѣсты, удостоенныя выбора, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ были не разъ «испорчены» родными своихъ соперницъ, со всѣмъ своимъ семействомъ ссылаемы въ Сибирь; путемъ поклеповъ, доносовъ, разныя семейства преслѣдовали и губили другъ друга.

Что-то похожее происходило и при женитьбѣ царя Алексѣя на Натальѣ Кирилловнѣ. Какъ кажется, смотръ невѣстамъ, устроен-

[1]) Штелинъ. Анекдоты о Петрѣ Великомъ. Москва, 1830. I. 11—19. Reutenfels. De rebus Moscoviticis. Patavii, 1680. 97.

ный по обычаю, на этотъ разъ былъ пустою формальностью. Явились доносы на Матвеева; произведено слѣдствіе; дядя одной соперницы Натальи Кирилловны былъ подвергнутъ пыткѣ. Бумаги этого дѣла лишь отчасти сохранились, однако мы узнаемъ изъ нихъ о мѣрѣ гнѣва противниковъ Матвеева на выборъ царя Алексѣя [1]).

Свадьба царя была отпразднована 22-го января 1671 года; 30-го мая 1672 года родился Петръ.

Вскорѣ обнаружился антагонизмъ между родственниками первой супруги Алексѣя, Милославскими, и ихъ приверженцами, съ одной стороны, и Нарышкиными и Матвеевымъ—съ другой. Здѣсь, разумѣется, не было столкновенія политическихъ партій; антагонизмъ основывался на частныхъ, семейныхъ интересахъ. Началась борьба, окончившаяся паденіемъ Матвеева.

Сохранились кое-какія извѣстія, свидѣтельствующія о томъ, что и непричастные къ этимъ событіямъ современники не вполнѣ оправдывали образъ дѣйствій Матвеева. Такъ, напримѣръ, въ одной польской брошюрѣ о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года разсказано, что Матвеевъ преслѣдовалъ въ послѣднее время царствованія Алексѣя дѣтей отъ перваго брака царя. Театральныя представленія при дворѣ, какъ кажется, служили Матвееву иногда средствомъ для оскорбленія своихъ противниковъ. Когда давали пьесу «Юдиѳь и Олофернъ», въ Аманѣ, повѣшенномъ по приказанію Артаксеркса, хотѣли узнавать кого-то изъ Милославскихъ. Въ Мардохѣ примѣтенъ былъ Матвеевъ. Есѳирь напоминала царицу Наталью Кирилловну [2]).

Въ вышеупомянутой польской брошюрѣ разсказано также, что Матвеевъ, когда умиралъ царь Алексѣй, старался возвести на престолъ четырехъ-лѣтняго Петра, помимо Ѳеодора Алексѣевича. Едва-ли можно вѣрить этому слуху: по крайней мѣрѣ послѣ паденія Матвеева между обвиненіями, взведенными на него противниками, не встрѣчается ничего подтверждающаго этотъ разсказъ [3]).

Намъ неизвѣстно, какъ распорядился царь Алексѣй относительно престолонаслѣдія, но Ѳеодоръ Алексѣевичъ безъ всякаго затрудненія вступилъ на престолъ, и вліяніе и значеніе Матвеева и царицы Натальи вскорѣ кончились.

---

[1]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ. 225—267.

[2]) Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго. Погодинъ. Москва, 1875, стр. 12.

[3]) Соловьевъ. Ист. Р. XIII, 234. Устряловъ. Исторія Петра Великаго. I, 263.

Впрочемъ, Матвеевъ палъ не тотчасъ послѣ кончины Алексѣя, что также можетъ служить доказательствомъ невѣроятности обвиненія его въ преступной агитаціи въ пользу Петра. Нѣсколько мѣсяцевъ еще и при Өеодорѣ Алексѣевичѣ онъ завѣдывалъ внѣшнею политикою царства. Образъ дѣйствій противниковъ Матвеева, преслѣдовавшихъ и погубившихъ его путемъ коварства, скорѣе свидѣтельствуетъ о его невинности.

Безъ формальнаго обвиненія, безъ правильнаго судебнаго слѣдствія, Матвеевъ прежде всего былъ отрѣшенъ отъ должности начальника Аптекарскаго Приказа; затѣмъ лишился и званія завѣдующаго иностранными дѣлами; наконецъ былъ сосланъ. О мелочности крамолъ, направленныхъ противъ Матвеева, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что въ мѣрахъ, принятыхъ противъ павшаго боярина, занимаетъ весьма видное мѣсто жалоба датскаго резидента о долгѣ въ размѣрѣ 500 рублей за проданное Матвееву вино. Посыпались на Матвеева упреки въ томъ, что онъ будто занимался колдовствомъ, вызывалъ злыхъ духовъ и покушался отравить царя Өеодора. Главными доносчиками явились нѣкоторые слуги Матвеева.

Онъ старался оправдываться, указывалъ на противорѣчія въ обвиненіяхъ противниковъ, на несостоятельность показаній подвергнутыхъ пыткѣ лицъ, на недобрую репутацію одного изъ главныхъ обвинителей, датскаго резидента. Изъ сборника оправдательныхъ посланій боярина мы узнаемъ, что въ то время занятія естественными науками, чтеніе какой нибудь фармацевтической книги, могли считаться преступленіемъ;—при такихъ уголовныхъ случаяхъ и съ одной и съ другой стороны аргументація основывалась на теоріи о волшебствѣ и злыхъ духахъ, причемъ встрѣчались безчисленныя ссылки на Священное Писаніе и творенія Святыхъ Отцовъ [1]).

Мы не знаемъ, были-ли противники Матвеева убѣждены въ его винѣ, или нѣтъ. Какъ бы то ни было, но онъ лишился всего состоянія и былъ сосланъ сначала въ Пустозерскъ, затѣмъ въ Мезень.

Не одинъ Матвеевъ былъ обвиняемъ въ покушеніи на жизнь царя Өеодора. Допрашивали о томъ же и ближайшихъ родственниковъ царицы Натальи Кирилловны. Голландскій резидентъ Келлеръ все это считалъ «злостною выдумкою о мнимомъ заговорѣ» [2]).

Въ кружкахъ иностранцевъ разсказывали, что Матвеева обвиняли въ желаніи сдѣлаться царемъ [3]), что, послѣ отправленія братьевъ

[1]) Исторія о невинномъ заточеніи.

[2]) Posselt. Franz Lefort, I, 232—234.

[3]) «Lequel prétendait à la couronne», писалъ Лефортъ.

Натальи Кирилловны въ ссылку, можно ожидать заключенія въ монастырь самой царицы.

Однако еще при жизни Θеодора Алексѣевича произошла перемѣна въ пользу Матвеева.

Уже въ 1678-мъ году разсказывали, что князь Долгорукій, бывшій главнымъ воеводою въ Чигиринскихъ походахъ, старался

Царица Наталья Кирилловна.
Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

убѣдить царя въ необходимости возвращенія Матвеева изъ ссылки, что дворъ нуждался въ совѣтахъ опытнаго государственнаго дѣятеля и что при дворѣ по поводу этого происходили оживленныя пренія. Голландскій резидентъ, сообщающій нѣкоторыя частности этихъ событій, прибавляетъ, что, въ случаѣ возвращенія изъ ссылки Матвеева, можно ожидать весьма важныхъ перемѣнъ въ государствѣ [1]).

[1]) Posselt. I, 234 и 278.

Прошло, однако, два-три года до смягченія участи Матвеева и Нарышкиныхъ. Вторая супруга царя Өеодора, Марөа Апраксина, крестница Матвеева, хлопотала о его помилованіи. Ему дозволили возвратиться въ свое имѣніе, Лухъ, находившееся въ нынѣшней Костромской губерніи, въ 500 верстахъ отъ столицы. Здѣсь онъ получалъ отъ своихъ приверженцевъ ежедневно извѣстія о ходѣ дѣлъ въ столицѣ, гдѣ въ ближайшемъ будущемъ можно было ожидать кончины царя. Келлеръ писалъ Генеральнымъ Штатамъ,

Никита Моисеевичъ Зотовъ.

Съ гравированнаго портрета Осипова.

25 апрѣля 1682 года: «Въ случаѣ кончины его величества, безъ сомнѣнія, тотчасъ же будетъ отправленъ курьеръ къ Матвееву съ приглашеніемъ безъ замедленія пріѣхать въ столицу для отвращенія смутъ, безпорядковъ и несчастій, которыя могли-бы произойти при борьбѣ родственниковъ царя между собою. Намедни прибыли сюда отецъ и сынъ Нарышкины, а другого Нарышкина, еще болѣе обвиняемаго, ожидаютъ на дняхъ; такимъ образомъ, всѣ здѣшнія обстоятельства принимаютъ совершенно иной видъ».

Предсказанія Келлера сбылись. Царь умеръ, и въ Лухъ поскакалъ гонецъ за Матвеевымъ. Дворъ былъ раздѣленъ на двѣ враждебныя партіи. На одной сторонѣ находились дѣти отъ перваго

брака Алексѣя и ихъ родственники, Милославскіе, на другой— Петръ, Нарышкины и нѣкоторые дѣятели послѣдняго времени царствованія Ѳеодора, напр., Языковъ, Лихачевъ и др.

Таково было состояніе двора въ первые годы жизни Петра. Его судьба въ это время подвергалась многимъ превратностямъ. При жизни Алексѣя, онъ и мать его пользовались особенно выгоднымъ положеніемъ при дворѣ. Вмѣстѣ съ паденіемъ Матвеева многое измѣнилось и въ житьѣ-бытьѣ Натальи Кирилловны и Петра. Они жили въ Преображенскомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ двора. Нѣтъ сомнѣнія, что мать царевича страдала отъ такого пренебреженія къ ней; для ея сына бо́льшая свобода и отсутствіе строгаго придворнаго этикета въ Преображенскомъ могли считаться не малой выгодою. Обыкновенно царевичи на Руси до пятнадцати-лѣтняго возраста содержались какъ-бы узниками въ Кремлѣ. Петръ выросталъ на свѣжемъ воздухѣ, въ окрестностяхъ столицы.

О первыхъ годахъ жизни Петра сохранилось два рода источниковъ: архивныя дѣла и легендарныя сказанія. Послѣднія, повторяемыя безконечно впродолженіе XVIII вѣка и понынѣ, представляютъ исторію дѣтства Петра въ какомъ-то идеальномъ свѣтѣ, заключаютъ въ себѣ множество небылицъ о баснословныхъ дарованіяхъ царственнаго ребенка и не заслуживаютъ почти никакого вниманія. Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ кое-какіе документы, изданные въ послѣднее время и дающіе намъ довольно точное понятіе о нѣкоторыхъ подробностяхъ дѣтства Петра. Мы узнаемъ, что юный Петръ былъ окруженъ карлами и карлицами, что его первый наставникъ, подъячій Зотовъ, велѣлъ изготовлять для царевича такъ называемые «кунпты», т. е. картинки для нагляднаго обученія; мы узнаемъ, что между игрушками Петра занимало видное мѣсто разнаго рода оружіе и что для него писались иконы; все это не представляетъ собою ничего особеннаго и было обыкновеннымъ явленіемъ въ отроческой жизни царскихъ дѣтей.

Однако, число предметовъ, изготовленныхъ для обученія и увеселенія царевича, довольно значительно. Сохранились имена ремесленниковъ, токарей, маляровъ и проч., которые участвовали въ изготовленіи этихъ предметовъ, стрѣлъ, саблей и пушекъ. Особеннаго вниманія достойно то обстоятельство, что, какъ видно изъ архивныхъ данныхъ, въ то время, когда Петру исполнилось двѣнадцать лѣтъ, ко двору были поставляемы для царевича разныя ремесленныя орудія, какъ-то: инструменты для каменной работы, для печатанія и переплета книгъ, а также верстакъ и токарный станокъ. Впослѣдствіи, въ 1697 году, курфирстина Софія Шар-

лотта замѣтила, что Петръ можетъ считаться знатокомъ въ четырнадцати ремеслахъ; епископъ Бёрнетъ, въ Англіи, въ 1698 году,

СТРАНИЦА

изъ учебной тетради Петра Великаго.

(Со списка, приложеннаго къ „Исторіи Петра Велвкаго" Устрялова).

Минуты вынимаются такъ (въ радусе 60 минут) і буде минуты которыя солце покажет болше декълинациевых минутъ і их вынимат просто (сунстракциею) а будет декълинациевы минуты болше і тогъда занят одинъ градус і прибавит ктѣмъ минутом которыя солнце покажет и вынимать также (супъстракъцисю).

порицалъ Петра за особое пристрастіе его къ ремесленнымъ занятіямъ. Архивныя данныя, относящіяся къ дѣтству Петра, свидѣ-

тельствуютъ о томъ, что онъ уже въ раннихъ лѣтахъ особенно охотно занимался техникою ремеслъ и отличался направленіемъ реальнаго обученія въ противоположность брату Өеодору, получившему въ свое время главнымъ образомъ богословское образованіе. Зато разсказы тѣхъ собирателей анекдотовъ, которые обращаютъ особенное вниманіе на солдатскія игры царевича, не имѣютъ особеннаго значенія [1]).

Во всякомъ случаѣ, первоначальное обученіе Петра было какимъ-то случайнымъ, несистематическимъ и неосновательнымъ. Изъ учебныхъ тетрадей Петра, разсмотрѣнныхъ Устряловымъ и отчасти сообщенныхъ этимъ ученымъ въ приложеніяхъ къ своему труду, мы видимъ, что Петръ былъ уже юношею, когда началъ заниматься основаніями ариѳметики. Ошибки правописанія въ тысячахъ собственноручныхъ писемъ, набросковъ и выписокъ Петра, свидѣтельствуютъ также о недостаточности элементарнаго его обученія. Императрица Елизавета разсказывала Штелину, какъ ея отецъ, однажды, заставъ своихъ дочерей, Анну и Елизавету, за учебнымъ урокомъ, замѣтилъ, что онъ самъ въ свое время, къ сожалѣнію, не имѣлъ случая пользоваться выгодами основательнаго ученія [2]).

Имѣя четыре года, Петръ, черезъ ссылку Матвеева, лишился друга и покровителя, который лучше всякаго другого могъ бы позаботиться о воспитаніи царевича. Въ то время, когда кончина Өеодора открыла десятилѣтнему Петру путь къ занятію престола, можно было надѣяться, что Матвеевъ, опытный государственный дѣятель и многосторонне образованный западникъ, сдѣлается наставникомъ и руководителемъ молодого государя.

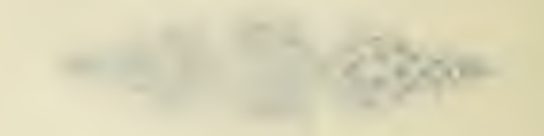
Вышло иначе. Въ ближайшемъ будущемъ Матвеева ожидала страшная катастрофа. Послѣдовали потрясающія событія весны 1682 года.

[1]) См. статью Астрова въ «Русск. Арх.». 1875. II, 470. Забѣлинъ. Опыты. Москва, 1872. I ч. и слѣд.

[2]) Чтенія М. Общ. И. и Др. 1866. IV. Смѣсь, стр. 80.

Коломенскій дворецъ.

Съ рѣдчайшей гравюры Гильфердинга (сдѣланной съ натуры за годъ до разрушенія дворца), находящейся въ коллекціи П. Я. Дашкова.

ГЛАВА II.

Кризисъ 1682 года.

Государственное право тогдашней Россіи заключало въ себѣ пробѣлъ: недоставало закона относительно престолонаслѣдія. Всего лишь нѣсколько десятилѣтій прошло со времени вступленія на престолъ дома Романовыхъ. До этого событія въ Россіи бывали неоднократно случаи нарушенія правильности въ порядкѣ наслѣдія престола. По смерти царя Өеодора Ивановича, Борисъ Годуновъ сдѣлался царемъ, благодаря коварству и искусственно устроеннымъ народнымъ демонстраціямъ. Лжедимитрій съ оружіемъ въ рукахъ пробилъ себѣ дорогу къ престолу. Василій Шуйскій былъ выкрикнутъ царемъ партіею бояръ, что̀ можетъ быть названо революціонною мѣрою, а отнюдь не правильнымъ выборомъ. Вступленіе на престолъ Михаила Өеодоровича Романова было также чрезвычайнымъ событіемъ, соотвѣтствовавшимъ неправильности предшествовавшихъ фактовъ. Котошихинъ замѣчаетъ, что даже при вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича происходило нѣчто въ родѣ выбора государя [1]). При вступленіи на престолъ Өеодора Алексѣевича ожидали также, что дѣло не обойдется безъ затрудненій.

[1]) Котошихинъ. О Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стр. 4 и 100.

Когда умеръ Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не было сдѣлано никакого предварительнаго распоряженія о престолонаслѣдіи. Въ 1682 году въ особенности обнаружилось неудобство отсутствія постановленій о престолонаслѣдіи; не было предусмотрѣно случая болѣзни, или несовершеннолѣтія тѣхъ лицъ, которыхъ можно было имѣть въ виду для возведенія на престолъ, и необходимаго при такомъ обстоятельствѣ регентства. Рѣшеніе вопроса о наслѣдникѣ и регентствѣ зависѣло отъ исхода упорной борьбы личныхъ, противоположныхъ одинъ другому интересовъ. Является раздоръ въ царской семьѣ. Дворъ дѣлится на партіи. Борьба Нарышкиныхъ съ Милославскими, невозможная при жизни царя Алексѣя, но начавшаяся уже при царѣ Ѳеодорѣ, запылала, вслѣдствіе упраздненія престола въ 1682 году.

Достойно вниманія, что за нѣсколько лѣтъ до этихъ событій извѣстный «Серблянинъ», Юрій Крижаничъ, въ своихъ сочиненіяхъ, писанныхъ для царей, Алексѣя и Ѳеодора, указывалъ на необходимость опредѣленія точныхъ правилъ о престолонаслѣдіи, какъ на единственное средство отвратить ужасную опасность, грозящую государству при каждой перемѣнѣ на престолѣ. Онъ говорилъ о несчастіяхъ, постигшихъ Россію въ началѣ XVII вѣка отъ недостатка точнаго и яснаго закона о престолонаслѣдіи, указывалъ на смуты, случившіяся на Западѣ послѣ кончины Людовика Благочестиваго (въ 840 году), причемъ старался обращать вниманіе читателей на опасность, заключающуюся въ предпочтеніи при замѣщеніи престола младшихъ братьевъ старшимъ. Крижаничъ выставляетъ на видъ, что нужно самымъ точнымъ образомъ предварительно опредѣлить мѣру умственной или физической слабости, исключающихъ для наслѣдника возможность вступленія на престолъ. Вся эта аргументація ученаго публициста обставлена примѣрами изъ исторіи различныхъ народовъ. Особенно любопытно замѣчаніе, что подобные пробѣлы въ государственномъ правѣ даютъ войску возможность вмѣшиваться въ рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи, причемъ указано на образъ дѣйствій янычаръ въ Турціи, преторіанцевъ въ Римѣ [1]).

Разсужденія Юрія Крижанича оказались какъ бы пророчествомъ событій 1682 года. Борьба за престолъ являлась неминуемою.

Въ первые годы жизни, положеніе Петра, при соперничествѣ Милославскихъ съ Нарышкиными, было очень невыгодно и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже опасно. Родные братья царицы На-

[1]) Изд. Безсонова. Русское государство въ половинѣ XVII вѣка. I, 322, 437 и 438.

талы Кирилловны находились въ ссылкѣ; сама она подвергалась всяческимъ оскорбленіямъ.

Тѣмъ не менѣе, въ первые же дни послѣ кончины царя Θеодора Алексѣевича дѣла необыкновенно быстро устроились въ пользу Петра.

Θеодоромъ Алексѣевичемъ, какъ мы уже сказали, не было сдѣлано никакого распоряженія касательно престолонаслѣдія. Быть можетъ, его до послѣдняго времени не покидала надежда имѣть сына. Теперь же приходилось рѣшить вопросъ, кому царствовать: пятнадцатилѣтнему, хворому, слабоумному, почти совершенно лишенному зрѣнія Ивану, или десятилѣтнему Петру?

Дворъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи. На одной сторонѣ группировались представители правительства при царѣ Θеодорѣ: Лихачевъ, Языковъ, Апраксинъ; они желали воцаренія Петра; на другой были Милославскіе, желавшіе перевѣса своихъ родственниковъ, дѣтей отъ перваго брака царя Алексѣя.

Хотя, какъ это видно изъ донесеній голландскаго резидента Келлера, и можно было ожидать скорой кончины царя Θеодора, все-таки подобное событіе, кажется, застало врасплохъ враждебныя другъ другу группы при дворѣ. Милославскіе оказались неприготовленными къ дѣйствіямъ; приверженцы же Петра думали, что при провозглашеніи новаго царя дѣло дойдетъ даже до ножей. По свидѣтельству одного современника, Долгорукіе и Голицыны, отправляясь во дворецъ на царское избраніе, поддѣли подъ платье панцыри [1]).

Какъ и прежде въ подобныхъ случаяхъ, такъ и въ 1682 году, рѣшеніемъ вопроса о престолонаслѣдіи руководилъ патріархъ. Какъ только скончался царь Θеодоръ, 27-го апрѣля, въ 4 часу по полудни, патріархъ съ архіереями и вельможами вышелъ въ переднюю палату и предложилъ вопросъ: кому изъ двухъ царевичей вручить скипетръ и державу? Присутствующіе отвѣчали, что этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ всѣхъ чиновъ людьми Московскаго государства. Весьма вѣроятно, что они имѣли въ виду придать этимъ бо́льшую силу избранію Петра. Патріархъ съ духовными лицами и вельможами вышелъ на крыльцо, велѣлъ народу собраться на площади и спросилъ: кому быть на царствѣ? Раздались крики: «Быть государемъ царевичу Петру Алексѣевичу!». Раздался голосъ и въ пользу Ивана, но тотчасъ же былъ заглушенъ.

Очевидно, дѣло было рѣшено раньше, до обращенія къ случайно собравшейся у крыльца толпѣ, названной «всѣхъ чиновъ

---

[1]) Сахаровъ. Записки русскихъ людей. Спб., 1841, стр. 5.

людьми Московскаго государства». Нѣтъ сомнѣнія, что приверженцы Нарышкиныхъ въ данную минуту были гораздо сильнѣе партіи Милославскихъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что ни въ оффиціальномъ документѣ, въ которомъ разсказано это событіе, ни въ подробномъ описаніи современника и свидѣтеля, а къ

Царь Иванъ Алексѣевичъ.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

тому же сторонника партіи Милославскихъ, Сильвестра Медвѣдева, ни слова не говорится, почему не было обращено вниманія на права Ивана [1]). Только нѣсколько позже, послѣ кровопролитія въ половинѣ мая, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, былъ составленъ другой оффиціальный разсказъ о событіи 27-го апрѣля, совсѣмъ не сходный съ первымъ [2]) и не заслуживающій довѣрія.

[1]) П. С. З. № 914. Зап. рус. людей. 1—5.
[2]) П. С. З. № 920.

Голосъ, крикнувшій въ пользу Ивана и тотчасъ же заглушенный, принадлежалъ Сумбулову, который, по разсказу одного современника, вскорѣ послѣ кризиса, въ маѣ, былъ удостоенъ за этотъ подвигъ званія думнаго дворянина. Показаніе это подтверждается архивными данными [1].

Такимъ образомъ, на этотъ разъ о правахъ Ивана не было рѣчи. Точно также и вопросъ о регентствѣ оставался открытымъ.

Присяга русскихъ въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

Вся Москва въ тотъ же день присягнула десятилѣтнему царю, а за Москвою и вся Россія безпрекословно. Было лишь одно исключеніе. Между бумагами, относящимися къ дѣлу присяги, мы находимъ слѣдующую замѣтку: «Того-жъ числа учинились сильны и креста не цѣловали стрѣльцы Александрова приказа Карандѣева; и Великій Государь указалъ къ нимъ послать уговаривать окольничаго князя Константина Осиповича Щербатова, да думнаго дворянина Веденихта Андреевича Змѣева, да думнаго дьяка Емельяна

[1]) Зап. Матвеева. О повышеніи Сумбулова 26-го іюня 1682 г. см. приложеніе къ XIV тому Соловьева, LIII. Анекдотъ о Сумбуловѣ, разсказанный Голиковымъ (Дѣянія Петра В. I, 155), имѣетъ характеръ легенды.

Украинцева, и ихъ уговорили, и они крестъ Великому Государю цѣловали» [1]).

Новое правительство — кажется, тутъ дѣйствовала главнымъ образомъ мать Петра — позаботилось прежде всего сообщить о случившемся Матвееву. Между тѣмъ, агитація въ пользу правъ Ивана усилилась. Черезъ двѣ недѣли послѣ избранія Петра вспыхнулъ мятежъ въ Москвѣ. Незадолго до этой смуты состоялся пріѣздъ Матвеева въ Москву и послѣдовало назначеніе брата царицы Натальи, Ивана Кирилловича Нарышкина, бояриномъ и оружейничимъ [2]).

Въ то же время выступаетъ на сцену старшая сестра юнаго Петра, царевна Софья Алексѣевна, родившаяся въ 1657 г. Если принять въ соображеніе чрезвычайно неблагопріятныя условія, при которыхъ вообще тогда въ Московскомъ государствѣ выростали царевны, если вспомнить о ничтожной роли, которую играли другія женщины царскаго семейства, то мы, судя по образу дѣйствій Софьи съ 1682 по 1689 годъ, не можемъ сомнѣваться въ ея способностяхъ и чрезвычайной смѣлости. Разсказы о ея красотѣ, встрѣчающіеся въ запискахъ такихъ путешественниковъ [3]), которые были въ Россіи нѣсколько позже, противорѣчатъ замѣчаніямъ людей, имѣвшихъ случай видѣть царевну [4]). Никто не отрицалъ въ ней дарованій и вмѣстѣ съ тѣмъ честолюбія и властолюбія. Андрей Артамоновичъ Матвеевъ замѣчаетъ, что героинею ея воображенія была греческая царевна Пульхерія, которая, взявши власть изъ слабыхъ рукъ брата своего, Ѳеодосія, такъ долго и славно царствовала въ Византіи [5]).

Можно считать вѣроятнымъ, что эпоха царствованія Ѳеодора Алексѣевича была полезною политическою школою для царевны Софьи. Она имѣла возможность сблизиться съ передовымъ, просвѣщеннымъ и широко образованнымъ русскимъ человѣкомъ того времени, княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, котораго страстно полюбила. Многому она могла научиться отъ князя Хованскаго и отъ своихъ родственниковъ, Милославскихъ. Довольно важное значеніе въ воспитаніи царевны имѣлъ извѣстный богословъ, Симеонъ Полоцкій. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ ея былъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, считавшійся глубоко ученымъ человѣкомъ и бывшій первымъ библіографомъ въ Россіи.

[1]) Соловьевъ, XIV. Приложенія, стр. XXVI.

[2]) Тамъ-же, XXXIII.

[3]) Перри, Штраленбергъ.

[4]) Шлейзингъ, Нёвиль.

[5]) Зап. рус. людей.

Люди, восхвалявшіе Софью, сравнивали ее съ Семирамидою и съ англійскою королевою Елизаветою. Средства, употребляемыя ею для достиженія желанныхъ цѣлей, для захвата власти и удержанія ея, не всегда соотвѣтствовали началамъ нравственности. Чѣмъ менѣе интересы партіи Милославскихъ вообще, и царевны Софьи въ особенности, были обезпечены законодательствомъ и положительнымъ правомъ, чѣмъ затруднительнѣе и опаснѣе было положеніе, въ которомъ находилась царевна и ея ближайшіе родственники, тѣмъ легче эти сторонники правъ Ивана, оскорбленные избраніемъ Петра въ цари, могли думать о разныхъ мѣрахъ для того, чтобы войти въ силу, получить вліяніе, занять положеніе въ государствѣ. При довольно подробныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыя мы имѣемъ объ образѣ дѣйствій Софьи и ея приверженцевъ, должно считать неудавшеюся сдѣланную недавно попытку оправдать во всѣхъ отношеніяхъ царевну [1]).

Въ разныхъ разсказахъ современниковъ встрѣчаются данныя о томъ, что Софья старалась возбудить волненіе въ народѣ и что въ день погребенія царя Ѳеодора она удивила всѣхъ, шествуя за гробомъ въ соборъ, вопреки обычаю, недопускавшему царевенъ участвовать въ подобныхъ церемоніяхъ. Напрасно отговаривали ее, доказывали неприличіе подобнаго поступка, — Софья никого не послушала и, говорятъ, обратила на себя вниманіе народа громкими воплями. Когда царица Наталья, съ сыномъ Петромъ, вышла изъ собора до окончанія службы, Софья отправила монахинь къ царицѣ съ выговоромъ за такое невниманіе къ памяти царя Ѳеодора. По окончаніи погребенія, Софья, идя изъ собора и горько плача, обращалась къ народу съ такими словами: «видите, какъ братъ нашъ, царь Ѳеодоръ, неожиданно отошелъ съ сего свѣта: отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами; нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ, Иванъ, не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ». Слова эти, по разсказу современника, произвели сильное впечатлѣніе на народъ [2]).

Какъ бы то ни было, антагонизмъ между Софьею и ея приверженцами, съ одной стороны, и Натальею Кирилловною, Петромъ

[1]) Такова была цѣль сочиненія г. Аристова: Московскія смуты въ правленіе Софьи. Варшава, 1871.

[2]) Diariusz zabóystwa tyrańskiego senatorow moskiewskich w Stolicy. Рукопись находится въ Имп. Библ. въ С.-Петербургѣ. Мы пользовались нѣмецкимъ переводомъ «Kurtze und gründliche Relation» и пр., напечатаннымъ въ 1686 г.

и ихъ сторонниками—съ другой, обнаружился тотчасъ же послѣ кончины Ѳеодора и избранія Петра. Несмотря на нѣкоторыя про-

Царевна Софья Алексѣевна.

Съ портрета, находящагося въ Романовской Галлереѣ.

тиворѣчія въ разсказахъ современниковъ и на пробѣлы въ историческомъ матеріалѣ, нельзя сомнѣваться въ томъ, что партія Милославскихъ употребляла разныя усилія, чтобы пріобрѣсти значеніе наряду съ господствующей партіей Нарышкиныхъ или даже, буде

возможно, вытѣснивъ послѣднихъ, занять первое мѣсто въ государствѣ. Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что Софья и ея ближайшіе родственники для этой цѣли воспользовались стрѣлецкою смутою, начавшеюся въ самое послѣднее время царствованія Өеодора. Не нужно было для устраненія противниковъ возбуждать бунтъ: оставалось лишь дать волненію уже и безъ этого раздраженнаго войска извѣстное направленіе и указать на тѣ жертвы, гибель которыхъ могла казаться выгодною для ищущихъ власти.

Волненіе въ стрѣлецкомъ войскѣ началось, какъ мы уже сказали, еще при жизни царя Өеодора. Нѣтъ сомнѣнія, что жалобы стрѣльцовъ на недостатки военной администраціи, на недобросовѣстность полковниковъ имѣли основаніе. Стрѣльцамъ не давали слѣдуемыхъ имъ денегъ; ихъ принуждали къ работамъ, не входившимъ въ кругъ ихъ обязанностей.

При этомъ, какъ довольно часто и прежде, обнаружилась изумительная слабость правительства. Не разъ, особенно въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, правительство предоставляло разъяренной толпѣ наказывать недобросовѣстныхъ сановниковъ, такъ что обвинители становились палачами. То же самое случилось и въ 1682 году. По распоряженію правительства, обвиняемые стрѣлецкіе полковники были наказаны отчасти самими стрѣльцами, отчасти въ присутствіи стрѣльцовъ, причемъ мѣра наказанія зависѣла главнымъ образомъ отъ послѣднихъ [1]).

Такой слабости правительства можно было удивляться тѣмъ болѣе, что уже и прежде происходили частые случаи нарушенія или, вѣрнѣе, отсутствія дисциплины въ стрѣлецкомъ войскѣ. Въ Чигиринскихъ походахъ при царѣ Өеодорѣ, какъ и потомъ въ Азовскихъ походахъ, стрѣльцы оказались плохими воинами. И во время бунта Стеньки Разина стрѣлецкое войско обнаруживало нѣкоторую склонность къ своеволію и непослушанію. Стрѣльцы, благодаря своимъ привилегіямъ, составляли касту въ государствѣ и, не будучи воинами по призванію, гораздо болѣе обращали вниманія на занятія торговлею и промышленностью, нежели на ратное дѣло; между ними были люди знатные и зажиточные; они сплотились въ организованную корпорацію, они черезъ депутатовъ привыкли заявлять о своихъ нуждахъ и жалобахъ. Все это легко могло сдѣлаться весьма опаснымъ во время неопредѣленнаго положенія правительства, въ минуту перемѣны на престолѣ. Недаромъ Юрій

[1]) Разсказъ свидѣтеля, датскаго резидента Бутенанта фонъ-Розенбуша, въ соч. Устрялова, I, 330.

Крижаничъ за нѣсколько лѣтъ до 1682 года говорилъ о революціонныхъ дѣйствіяхъ преторіанцевъ и янычаръ. Недаромъ одинъ изъ иностранцевъ-современниковъ называлъ стрѣльцовъ русскими янычарами.

Наказаніе нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ полковниковъ совершилось въ первые дни царствованія юнаго Петра. Страсти разгорѣлись. Произошло убіеніе нѣсколькихъ полковниковъ любимымъ тогда способомъ: несчастныхъ встаскивали на башни и оттуда сбрасывали на землю. Главный начальникъ стрѣлецкаго войска, князь Долгорукій, не былъ въ состояніи успокоить мятежниковъ. Въ такое время орудіе, которымъ до того располагало правительство для сохраненія тишины и порядка, легко могло обратиться противъ самой власти. Сила была въ рукахъ войска. Отъ него зависѣло, кого признать настоящимъ правительствомъ. Для лицъ, недовольныхъ избраніемъ Петра въ цари, стрѣльцы могли сдѣлаться лучшими союзниками.

Трудно рѣшить вопросъ: родилось-ли въ рядахъ стрѣльцовъ, независимо отъ какихъ либо внушеній со стороны Милославскихъ. сомнѣніе въ законности новаго правительства, или же справедливо показаніе Матвеева, утверждающаго, что Милославскіе распространеніемъ разныхъ ложныхъ слуховъ старались вооружить стрѣльцовъ противъ Нарышкиныхъ? Мы видѣли, что уже въ первый день царствованія Петра одинъ полкъ не хотѣлъ присягать младшему царевичу [1]).

Петръ самъ впослѣдствіи указывалъ на Ивана Милославскаго, какъ на главнаго виновника кровопролитія, начавшагося 15-го мая. Это мнѣніе соотвѣтствуетъ подробнымъ разсказамъ Андрея Артамоновича Матвеева о крамолахъ Ивана Милославскаго, о гнусныхъ средствахъ, употребленныхъ имъ съ цѣлью погубить Нарышкиныхъ и вообще сторонниковъ исключительныхъ правъ Петра. Нельзя не считать разсказъ Матвеева правдоподобнымъ: и прежде при такихъ случаяхъ отчаянной вражды между различными семействами или отдѣльными лицами распространяемы были ложные слухи о дѣйствіяхъ людей, обреченныхъ на гибель. Доносы и поклепы весьма часто бывали въ ходу въ Московскомъ государствѣ. Не мудрено, что въ 1682 году были выдумываемы и тщательно распространяемы разныя небылицы объ отравленіи царя Θеодора, о стараніяхъ Нарышкиныхъ убить царевича Ивана, о желаніи Ивана

[1]) Г. Аристовъ, возставая противъ достовѣрности разсказа Матвеева, не сомнѣвается въ томъ, что самимъ стрѣльцамъ пришло въ голову ходатайствовать за права Ивана; стр. 71.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Стрѣлецкій бунтъ въ 1683 году.

Съ картины Дмитріева. Гравюра Павнемакера въ Парижѣ.

Нарышкина вступить на престолъ и пр. Если-бы даже нѣкоторыя подробности въ запискахъ Матвеева о ночныхъ сходкахъ у Ивана Милославскаго, о появленіи разныхъ агентовъ въ Стрѣлецкой слободѣ и т. п. и подлежали сомнѣнію, то все таки можно считать вѣроятнымъ, что стрѣльцы, поднимая знамя бунта 15-го мая, находились подъ вліяніемъ высокопоставленныхъ лицъ придворной партіи. Мы не знаемъ, какимъ образомъ появился въ рукахъ стрѣльцовъ списокъ тѣмъ лицамъ, которыя должны были погибнуть. Одною изъ первыхъ и главныхъ жертвъ былъ другъ и совѣтникъ царицы Натальи, бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвеевъ.

Можно полагать, что царица Наталья Кирилловна съ нетерпѣніемъ ждала прибытія Матвеева. Его пріѣздъ 11-го мая не столько былъ средствомъ спасенія многихъ жертвъ, сколько сигналомъ начала кровопролитія. Первый пріемъ, оказанный знаменитому государственному дѣятелю, прожившему нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ, былъ благопріятенъ. Съ разныхъ сторонъ ему оказывали уваженіе. Даже стрѣльцы всѣхъ полковъ поднесли ему хлѣбъ-соль, «сладкаго меду на остромъ ножѣ», какъ выражается сынъ Артамона Сергѣевича въ своихъ «Запискахъ». На дорогѣ въ Москву встрѣтили его семеро стрѣльцовъ, которые нарочно шли на встрѣчу къ нему, чтобъ разсказать о волненіяхъ товарищей и объ опасности, которая грозитъ ему отъ нихъ. Тѣмъ болѣе удивительно, что Матвеевымъ, сколько мы знаемъ, не было принято никакихъ мѣръ для предупрежденія мятежа. Можно думать, что событія 15—17 мая были результатомъ систематически задуманнаго, тайно подготовленнаго заговора.

15 мая, утромъ, мятежъ вспыхнулъ. Стрѣльцы въ полномъ вооруженіи побѣжали со всѣхъ сторонъ къ Кремлю. Начались убійства, при которыхъ мятежники дѣйствовали, очевидно, по предварительно составленному плану, руководствуясь спискомъ жертвъ, на которомъ было обозначено не менѣе 46 лицъ. Многочисленною толпою стрѣльцы явились у Краснаго Крыльца передъ Грановитою Палатою и громко требовали головы Нарышкиныхъ, погубившихъ будто-бы царевича Ивана. Напрасно имъ былъ показанъ царевичъ Иванъ въ доказательство, что онъ живъ и здоровъ и что никто его не «изводилъ»; напрасно выходили къ толпѣ, стараясь ее успокоить, Матвеевъ и царица Наталья, съ юнымъ царемъ Петромъ. Когда начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, грозно крикнулъ на стрѣльцовъ и велѣлъ имъ немедленно удалиться, его схватили, сбросили съ крыльца внизъ на подставленныя копья и изрубили бердышами. Тотчасъ-же послѣ этого и Матвеевъ погибъ подобною-же смертью. Царица Наталья

спѣшила укрыться съ царевичами во внутреннихъ покояхъ Кремля. Всякая дѣятельность правительства прекратилась. Не было никого, кто-бы могъ или захотѣлъ принять какія либо мѣры противъ мятежниковъ. Жизнь всѣхъ сановниковъ оказалась въ крайней опас-

Стрѣльцы-начальники.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

ности. Судьи, подъячіе, приказные люди спрятались, кто гдѣ могъ. Присутственныя мѣста опустѣли [1]).

Такимъ образомъ, стрѣльцы могли свирѣпствовать безнаказанно. Они ворвались во дворецъ и обыскивали въ немъ всѣ палаты. Въ этотъ день были убиты еще нѣкоторые вельможи, между ними братъ царицы Натальи, Аѳанасій Кирилловичъ Нарышкинъ. Другимъ родственникамъ ея удалось до поры до времени спрятаться въ какомъ-то чуланѣ. Тамъ же находился и молодой сынъ боярина

[1]) Разсказъ Медвѣдева въ изд. Сахарова, стр. 16.

Матвеева, Андрей Артамоновичъ, которому мы обязаны подробнымъ разсказомъ объ этихъ событіяхъ. И внѣ стѣнъ Кремля происходили убійства. Погибли извѣстный бояринъ Ромодановскій, думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, управлявшій Посольскимъ Приказомъ при царѣ Өеодорѣ, и другіе.

Стрѣльцы-рядовые.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“.

На другой день убійства продолжались. Съ особеннымъ упорствомъ искали Ивана Нарышкина и иностранца-врача Даніила фонъ-Гадена, обвиняемаго въ отравленіи царя Өеодора Алексѣевича. Обоихъ отыскали не ранѣе какъ на третій день бунта и убили самымъ мучительнымъ образомъ. Подробности этихъ происшествій, въ особенности гибель Ивана Нарышкина, который, по просьбѣ нѣкоторыхъ бояръ, опасавшихся гнѣва черни, а также царевны Софьи, былъ отданъ стрѣльцамъ на растерзаніе, разсказаны въ за-

пискахъ Матвеева и другихъ современниковъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы эти частности заключали въ себѣ что либо прямо служащее къ обвиненію царевны Софьи.

Зато заслуживаетъ вниманія слѣдующее обстоятельство, передаваемое въ разсказѣ современника-очевидца, датскаго резидента, дающее намъ возможность составить себѣ понятіе о способѣ вліянія придворной партіи на стрѣльцовъ. Когда резидентъ, жизнь котораго также находилась въ опасности, стоялъ, окруженный толпою мятежниковъ у Краснаго Крыльца. князь Хованскій, принадлежавшій, безъ сомнѣнія, къ приверженцамъ царевны Софьи, вышелъ изъ дворца и обратился къ стрѣльцамъ съ вопросомъ, не пожелаютъ ли они удаленія царицы Натальи отъ двора? Въ отвѣтъ, разумѣется, раздались неистовые крики, что удаленіе царицы желательно [1]).

Изъ слѣдующихъ данныхъ можно видѣть, что 16-го мая началось фактическое царствованіе царевны Софьи. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ въ этотъ день былъ назначенъ начальникомъ Посольскаго Приказа; начальникомъ Стрѣлецкаго Приказа сдѣлался князь Иванъ Андреевичъ Хованскій; начальникомъ Приказовъ: Иноземскаго, Рейтарскаго и Пушкарскаго, былъ назначенъ родной дядя царевны, бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій [2]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мятежники дѣйствовали, безъ сомнѣнія, по собственной волѣ. Подобно тому, какъ во время бунта Стеньки Разина, въ маѣ 1682 года были разграблены правительственные архивы и сожжены въ особенности бумаги, относящіяся къ крестьянскимъ дѣламъ. Въ стараніи уничтожить граматы, на основаніи которыхъ богатые люди владѣли крестьянами, можно видѣть попытку дать толчокъ движенію низшаго класса. Попытка осталась тщетною. Крестьянской войны не было. Но цѣлый рядъ чрезвычайно строгихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ противъ крестьянъ послѣ возстановленія порядка и тишины, свидѣтельствуетъ о мѣрѣ опасности, въ которой находились государство и общество въ этомъ отношеніи [3]).

Послѣ кровопролитія еще нѣсколько дней Петръ оставался царемъ одинъ. Пока объ Иванѣ не было рѣчи. На дѣлѣ, однакожь, съ самаго начала бунта вся власть находилась въ рукахъ царевны Софьи. Нарышкины были устранены совершенно. Родственники

---

[1]) Устряловъ, I, 344.

[2]) Соловьевъ, XIV. Приложенія, стр. XXXVI.

[3]) Разсказъ Бутенанта фонъ-Розенбуша, у Устрялова. I. 341. На строгія мѣры указано было Аристовымъ.—П. С. З. № 992.

царицы Натальи или были убиты, или, переодѣтые въ крестьянское платье, бѣжали изъ Москвы. Относительно отца царицы въ дѣлахъ встрѣчается слѣдующее замѣчаніе: «мая въ 18-й день приходили всѣхъ приказовъ выборные люди безъ ружья и били челомъ Великому Государю и Государынямъ Царевнамъ, чтобы боярина Кириллу Полуектовича Нарышкина указалъ Великій Государь постричь. И Великій Государь указалъ его постричь въ Чудовѣ монастырѣ» и проч. [1]). Такимъ образомъ, мать Петра оставалась въ одиночествѣ, въ безпомощномъ положеніи. Многіе вельможи, которые могли бы сдѣлаться совѣтниками царицы, пали жертвою мятежа. Торжество Софьи и ея приверженцевъ было полное.

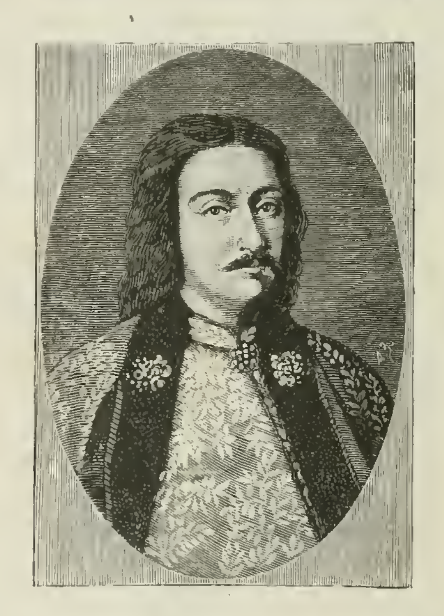
Приходилось наградить мятежниковъ, которые во время бунта «положили межъ собою ничьихъ домовъ не грабить» и казнили тѣхъ, которые нарушали это правило. 19-го мая солдаты и стрѣльцы пришли къ дворцу и просили выдать слѣдуемыя имъ деньги, въ количествѣ 240,000 рублей. Затѣмъ они требовали, чтобы имѣнія убитыхъ вельможъ были конфискованы и розданы мятежникамъ. Наконецъ, они указали на нѣкоторыхъ вельможъ, которыхъ должно сослать [2]).

Желанія стрѣльцовъ были отчасти исполнены. Каждому изъ нихъ дано по 10 рублей. Кромѣ того, было велѣно «животы боярскіе и остатки опальные цѣнить и продавать стрѣльцамъ самою дешевою цѣною, а кромѣ стрѣльцовъ никому купить не велѣно» [3]). Эти мѣры производятъ впечатлѣніе сдѣлки, заключенной между новымъ правительствомъ и мятежниками. Царевна, такимъ образомъ, наградила стрѣльцовъ за оказанныя ей услуги.

Теперь Софья стояла на первомъ планѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1697 году, полковникъ Цыклеръ разсказывалъ, какъ въ 1682 году, послѣ побіенія бояръ и ближнихъ людей стрѣльцами, царевна призывала его и приказывала, чтобы онъ говорилъ стрѣльцамъ, чтобъ они отъ смущенія унялись «и по тѣмъ словамъ онъ стрѣльцамъ говаривалъ» [4]). Впродолженіе всей смуты Софья отличалась хладнокровіемъ и рѣшимостью, не разъ говорила со стрѣльцами и заставила ихъ очистить улицы и площади столицы отъ труповъ. Стрѣлецкое войско, начальникомъ котораго сдѣлался Иванъ Андреевичъ Хованскій, было удостоено почетнаго названія Надворной пѣхоты.

[1]) Соловьевъ, XIV. Приложенія XL.
[2]) Тамъ-же, XIV. Приложенія XL.
[3]) Желябужскій. Записки, 2.
[4]) Соловьевъ, XIV, 248.

При такихъ условіяхъ скоро должно было кончиться единодержавіе Петра. Перемѣна произошла, повидимому, по требованію стрѣльцовъ; едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, что на нихъ было произведено давленіе со стороны партіи Милославскихъ. Смута началась съ распространенія слуха объ опасности, угрожавшей жизни Ивана. Теперь же стрѣльцы вздумали отстаивать право

Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ.

Съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова.

Ивана на престолъ. 23-го мая, они прислали во дворецъ выборныхъ, которые чрезъ князя Хованскаго объявили царевнамъ, что всѣ стрѣльцы и многіе чины Московскаго государства хотятъ видѣть на престолѣ обоихъ братьевъ, Петра и Ивана. «Если же кто воспротивится тому, они придутъ опять съ оружіемъ и будетъ мятежъ немалый». Царевны собрали бояръ, окольничихъ и думныхъ людей въ Грановитой Палатѣ. Всѣ согласились съ требованіемъ стрѣльцовъ. Тогда послали за патріархомъ и властями, призвали также выборныхъ чиновъ отъ всѣхъ сословій и образовали соборъ. Нѣкоторые члены рѣшились сказать, что двумъ царямъ быть трудно; но другіе возразили, что государство получитъ отъ того великую пользу, особенно въ случаѣ войны: одинъ царь пойдетъ съ войскомъ, другой останется въ Москвѣ для управленія государствомъ; люди грамотные приводили и примѣры изъ древнихъ временъ; сы-

лались на Фараона и Іосифа, на Аркадія и Гонорія, на Василія и Константина, царствовавшихъ совокупно [1]). Соборъ опредѣлилъ: «быть обоимъ братьямъ на престолѣ». Послѣ этого въ Успенскомъ соборѣ совершено благодарственное молебствіе съ возглашеніемъ многолѣтія царямъ Ивану и Петру. Оба они стояли на царскомъ мѣстѣ рядомъ [2]).

Но главная цѣль еще не была достигнута. Нужно было идти дальше. Стрѣльцовъ извѣстили, что царь Иванъ болѣзнуетъ о

Стрѣлецкое знамя 1684 года.

Съ фотографіи, сдѣланной съ подлинника, хранящагося въ Оружейной Палатѣ.

своемъ государствѣ, да и царевны сѣтуютъ, давая тѣмъ понять, что между царями происходятъ распри. Опять выборные отъ стрѣльцовъ явились во дворецъ, сказали: «чтобы не было въ государскихъ палатахъ смятенія», и требовали, чтобы Иванъ былъ первымъ, а Петръ вторымъ царемъ. Опять былъ созванъ соборъ (26-го мая) и опять всѣ присутствовавшіе согласились исполнить требованіе стрѣльцовъ. Иванъ сдѣлался первымъ царемъ, Петръ вторымъ. Цари угощали по два полка стрѣльцовъ ежедневно въ своихъ палатахъ.

Наконецъ, 29-го мая, стрѣльцы объявили боярамъ, чтобы «правительство, ради юныхъ лѣтъ обоихъ государей, вручить сестрѣ

[1]) Не странно ли, что не вспомнили о двоевластіи Михаила и Филарета?
[2]) По рукописному созерцанію Медвѣдева, у Устрялова, I, 42.

ихъ». По разсказу современника, цари, царицы, патріархъ и бояре обратились къ Софьѣ съ просьбами принять на себя бремя правленія. Она, какъ и слѣдовало въ подобныхъ случаяхъ, долго отказывалась, но наконецъ изъявила готовность сдѣлаться правительницею. «Для совершеннаго же во всемъ утвержденія и постоянной крѣпости», она повелѣла во всѣхъ указахъ имя свое писать вмѣстѣ съ именами царей, не требуя, впрочемъ, другого титула, кромѣ «великой государыни, благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣевны» [1]).

Всѣ эти событія оказались возможными лишь при отсутствіи государственныхъ постановленій относительно права престолонаслѣдія. Они доказывали слабость авторитета патріарха и ничтожность такъ называемыхъ «соборовъ». Дворъ вообще, вельможи, высшее духовенство, представители власти и общества играли жалкую роль орудія въ рукахъ стрѣльцовъ; стрѣльцы же дѣйствовали очевидно подъ вліяніемъ партіи царевны Софьи.

Смута кончилась торжественнымъ объявленіемъ заслугъ стрѣльцовъ. Они сами требовали такого объявленія. 6-го іюня, жалованною грамотою, за красною печатью, отъ имени обоихъ царей, злодѣйства стрѣльцовъ были объявлены «побіеніемъ за домъ Пресвятыя Богородицы», и въ честь полковъ надворной пѣхоты велѣно было на Красной Площади, близъ Лобнаго Мѣста, воздвигнуть каменный столбъ съ прописаніемъ мнимыхъ преступленій несчастныхъ жертвъ трехдневнаго бунта, при строжайшемъ запрещеніи попрекать стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками. О Долгорукихъ было сказано, что они не слушались указовъ государя; Ромодановскій былъ обвиненъ въ измѣнническои отдачѣ Чигиринской крѣпости туркамъ; Матвеевъ названъ «отравщикомъ» и проч. Кромѣ того, стрѣльцамъ дарованы разныя льготы, прибавлено жалованье, ограничена служба; запрещено полковникамъ употреблять стрѣльцовъ въ свои работы или наказывать ихъ тѣлесно безъ царскаго разрѣшенія [2]).

Какъ видно, Софья должна была исполнить всѣ требованія стрѣльцовъ. Полковникамъ Цыклеру и Озерову было поручено наблюдать за тѣмъ, чтобы столбъ былъ воздвигнутъ очень скоро. Памятникъ не имѣлъ монументальнаго характера. Надписи были сдѣланы на жестяныхъ доскахъ. Столбъ этотъ простоялъ недолго.

---

[1]) Созерцаніе Медвѣдева, у Устрялова, I, 44 и 279.
[2]) Жалованная грамота въ Актахъ Арх. Экспед. IV, 361.

Единодержавіе Петра продолжалось не болѣе четырехъ недѣль. О занятіяхъ десятилѣтняго отрока въ то время сохранились нѣкоторыя документальныя данныя, изъ которыхъ видно, что (до кровопролитія) дядя царя, Иванъ Кирилловичъ Нарышкинъ, въ качествѣ оружейничаго, велѣлъ доставлять ему для игры въ солдаты копья, два лука, пищали, карабины, древки, тафты для знаменъ и т. под. [1]). 15-го мая Петръ былъ свидѣтелемъ убіенія боярина Матвеева. Въ ту минуту, когда началось кровопролитіе, онъ вмѣстѣ съ матерью находился на Красномъ Крыльцѣ.

Все то, что впослѣдствіи было разсказываемо о какомъ-то геройскомъ мужествѣ юнаго царя, не заслуживаетъ вниманія. Черезъ 15 лѣтъ послѣ смуты, русскіе послы въ Голландіи говорили одному миссіонеру, что среди убійствъ Петръ не обнаруживалъ ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ и своимъ безстрашіемъ изумилъ стрѣльцовъ. До чего доходили легендарные разсказы объ этихъ событіяхъ, видно изъ сообщаемаго Штелиномъ анекдота, что во время смуты Петръ съ матерью бѣжалъ въ Троицу, что тамъ нѣсколько стрѣльцовъ ворвались въ церковь и увидѣли отрока-царя въ объятіяхъ матери въ алтарѣ, что одинъ изъ стрѣльцовъ замахнулся на царя ножомъ и пр. Этотъ разсказъ лишенъ всякаго основанія. Петръ во время смуты 1682 года не оставлялъ столицы и въ достовѣрныхъ источникахъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какого либо покушенія на жизнь царя въ это время [2]).

[1]) Погодинъ, 37—38.

[2]) См. замѣчанія Устрялова, I, 279—281.

ГЛАВА III.

Начало регентства Софьи.

ТОЛЬКО два раза до 1682 года женщины управляли государственными дѣлами въ Россіи. Добрую память по себѣ оставила великая княгиня Ольга, мудро царствовавшая въ X вѣкѣ. Зато регентство матери Ивана Грознаго, Елены Глинской, было тяжелымъ временемъ смутъ, придворныхъ крамолъ, упорной борьбы боярскихъ партій. Послѣ Петра, въ продолженіе большей части XVIII вѣка, царствовали женщины. Семилѣтнее правленіе Софьи (1682—1689) было какъ бы вступленіемъ въ эту эпоху преобладанія женскаго элемента въ правительствѣ.

Дочери царя Алексѣя во время его царствованія воспитывались и жили, по обычаю, въ строгомъ уединеніи скромнаго терема. При царѣ Ѳеодорѣ имъ жилось гораздо свободнѣе и привольнѣе. Молодая мачиха, царица Наталья, не имѣла никакого на нихъ вліянія, не могла сдерживать ихъ. Онѣ начали обращать вниманіе на государственныя дѣла, полюбили польскія моды, подумывали о свѣтской жизни, въ противоположность существовавшему до этого затворничеству царевенъ. Всѣхъ способнѣе, образованнѣе, предпріимчивѣе была Софья. Ей удалось забрать въ свои руки бразды правленія. Наравнѣ съ

нею могли имѣть право на регентство другія женщины царской семьи: мать Петра, супруга царя Феодора, дочери царя Михаила, Анна и Татьяна. О нихъ, однако, при смѣлости и силѣ воли Софьи, не было и рѣчи.

Спрашивалось: съумѣеть-ли правительница, при чрезвычайно неблагопріятныхъ условіяхъ развитія политическихъ способностей

Пренія раскольниковъ въ Грановитой Палатѣ.
С ъ рисунка художника Дмитріева.

женщинъ въ то время, рѣшить предстоявшія ей трудныя задачи, избрать совѣтниковъ и сотрудниковъ, сдѣлать кое-что полезное для государства до достиженія Петромъ совершеннолѣтія? Чѣмъ успѣшнѣе бы она управляла, тѣмъ легче можно было забыть о томъ насиліи и кровопролитіи, которому она была обязана своимъ положеніемъ во главѣ правительства.

Прежде всего, нужно было думать о средствахъ для успокоенія государства послѣ смуты. Буря утихала мало-по-малу; однако существовало еще много революціонныхъ элементовъ, устраненіе которыхъ лежало на обязанности правительства. Для этого была необходима чрезвычайная сила воли, диктаторская власть. Впродолженіе первыхъ мѣсяцевъ правленія Софьи, опасности, грозившія государству, не прекращались. Нельзя отрицать, что правительница дѣйствовала при этомъ смѣло и цѣлесообразно.

Анархическіе элементы, съ которыми приходилось бороться новому правительству и впослѣдствіи, въ царствованіе Петра, довольно часто дѣлались весьма опасными. То были: крестьянское движеніе, расколъ, мятежи войска. И при Софьѣ, и потомъ при Петрѣ, эти опасныя явленія вызывали со стороны правительства строгія мѣры.

Прежде всего оказались опасными раскольники.

Двадцать лѣтъ съ небольшимъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ при патріархѣ Никонѣ распространеніе раскола приняло большіе размѣры. Въ послѣдніе годы царствованія царя Алексѣя раскольники возставали съ оружіемъ въ рукахъ противъ правительства. Несмотря на казни, пытки и ссылку, зло не прекращалось. Религіозная борьба находилась въ тѣсной связи съ противогосударственными элементами въ народѣ. Раскольники соединялись охотно и легко съ людьми, ненавидѣвшими усиленную государственную власть, съ противниками недобросовѣстнаго чиновнаго люда, съ казачествомъ. Каждый случай столкновенія съ властью легко получалъ нѣкоторый религіозный оттѣнокъ. Общество, мало заботившееся о чисто политическихъ вопросахъ, всегда было склонно къ богословскимъ разсужденіямъ; фарисейство замѣняло настоящую религіозность. Довольно часто взбунтовавшіеся крестьяне, солдаты и казаки, оправдывали свой образъ дѣйствій тѣмъ, что они стоятъ за домъ святой Богородицы. Мы видѣли, что и стрѣльцы въ 1682 году употребляли это выраженіе. Чѣмъ менѣе образованіе вообще проникало въ народъ, тѣмъ болѣе онъ былъ доступенъ теоріямъ ограниченнаго византинизма и фарисейскаго застоя. Чѣмъ большее вниманіе обращалось на обрядность раскольниками, на внѣшнее благочестіе, тѣмъ сильнѣе они дѣйствовали противъ новшествъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ. Между тѣмъ какъ правительство сознавало необходимость сближенія съ западною Европою, раскольники, коснѣвшіе въ своей старинной исключительности и односторонности, считали такое стремленіе къ Западу религіозною измѣною. Масса народа, сознаніе котораго было устрем-

лепо не впередъ, а назадъ, сочувствовала воззрѣніямъ раскольниковъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ знатоковъ раскола последній былъ справедливо сравненъ съ Лотовою женою, обернувшеюся назадъ и оставшеюся неподвижною.

Расколъ былъ въ одно и то же время элементомъ анархическимъ и ультра-консервативнымъ. Анархическимъ — по готовности каждую минуту возставать противъ власти, консервативнымъ — по склонности къ протесту противъ всякаго нововведенія и всякой реформы. Чѣмъ болѣе склонно къ преобразованіямъ было правительство, тѣмъ сильнѣе оно должно было столкнуться съ расколомъ. Недаромъ между приверженцами Стеньки Разина, незадолго до 1682 года, находилось много раскольниковъ. Немного позже, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, приходилось осаждать Соловецкій монастырь, сдѣлавшійся притономъ раскола. Многіе современники и соучастники этихъ событій еще были въ живыхъ: они ожидали случая для возобновленія враждебныхъ дѣйствій противъ власти.

Когда во время стрѣлецкой смуты авторитетъ правительства исчезъ совершенно, раскольники надѣялись, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, поправить свое положеніе. При этомъ они могли разсчитывать на покровительство нѣкоторыхъ вельможъ. Начальникъ стрѣлецкаго приказа, князь Хованскій, былъ староверъ. Нѣсколько дней спустя послѣ кровопролитія, въ разныхъ мѣстахъ столицы появились расколоучители, требовавшіе мѣръ и средствъ къ возстановленію истинной, старой вѣры; началась агитація противъ государственной церкви; посыпались обвиненія на образъ дѣйствій патріарха; началось составленіе челобитенъ, въ которыхъ раскольники, жалуясь на притѣсненіе истинной вѣры, требовали доставленія имъ возможности защищать ее въ публичныхъ преніяхъ о вопросахъ церкви и религіи. Во всемъ этомъ проявлялась ненависть къ высшимъ классамъ общества, зараженнымъ, по мнѣнію массы, латинскою ересью.

Хованскій покровительствовалъ этому движенію, принималъ у себя нѣкоторыхъ вожаковъ раскола и давалъ имъ совѣты.

Старообрядцы требовали, чтобы при предстоявшемъ тогда вѣнчаніи Ивана и Петра на царство литургію служили по старому обряду и при этомъ случаѣ были употреблены просфоры съ старымъ крестомъ. Главнымъ агитаторомъ былъ единомышленникъ извѣстнаго Аввакума, Никита Пустосвятъ, который, написавъ сочиненіе въ защиту раскола, былъ сосланъ въ 1667 году, а затѣмъ помилованъ, за свое мнимое отвлеченіе отъ раскола. Онъ-то именно находился въ сношеніяхъ съ княземъ Хованскимъ. Ко дню

вѣнчанія царей, Никита Пустосвятъ напекъ просфоры по своему толкованію и въ самый день коронаціи отправился въ Успенскій соборъ, но, за несмѣтнымъ множествомъ народа на площади, не могъ пробраться въ церковь. Между тѣмъ вѣнчаніе совершилось по установленному чину, съ обычными обрядами и торжественнымъ величіемъ. Это было 25-го іюня [1]).

Царевна Софья угощаетъ стрѣльцовъ.
Съ рисунка художника Дмитріева.

Въ слѣдующіе дни волненіе возросло. Съ разныхъ сторонъ раскольники собрались въ большомъ числѣ въ Москву; происходили сходки. Агитація была въ полномъ разгарѣ, особенно въ частяхъ города, обитаемыхъ стрѣльцами. Расколоучители являлись на улицахъ и площадяхъ, наставляли народъ, возбуждали толпу къ мятежнымъ дѣйствіямъ. Впрочемъ, стрѣльцы далеко не всѣ были за расколъ. Сторонники различныхъ мнѣній спорили горячо и упорно; съ обѣихъ сторонъ сыпались нареканія и угрозы.

При посредничествѣ князя Хованскаго, фанатики достигли того, что 5-го іюля въ Кремлѣ, въ Грановитой Палатѣ, происходилъ

[1]) Устряловъ, I, 53—60

между раскольниками и архіереями диспутъ о вѣрѣ и религіи. Трудно понять, какимъ образомъ правительство могло согласиться на эти публичныя пренія. Къ тому же, каждую минуту можно было ожидать открытаго мятежа, потому что взволновавшая чернь, толпившаяся около дворца, требовала, чтобы споръ о вѣрѣ происходилъ въ присутствіи всего народа, на Красной Площади.

Согласившись на устройство преній, правительница требовала, чтобы послѣднія происходили въ ея присутствіи. Весь дворъ, царевны, патріархъ, высшее духовенство, собрались для выслушанія жалобъ раскольниковъ. Толпа, ворвавшаяся во дворецъ, тутъ же у дверей Грановитой Палаты столкнулась съ нѣкоторыми духовными лицами. Произошла схватка, такъ что Хованскій вооруженною рукою долженъ былъ возстановлять тишину.

Пѣшій жилецъ.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ“.

Засѣданіе открылось вопросомъ, съ которымъ Софья обратилась къ раскольникамъ: «Зачѣмъ они такъ дерзко и нагло пришли во дворецъ?». Послѣ этого началъ говорить Никита Пустосвятъ, которому возражали патріархъ и Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій. Никита разгорячился и бросился къ Аѳанасію съ неистовствомъ. Выборные стрѣльцы должны были защитить архіепископа. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ царевна порицала образъ дѣйствій Никиты, особенно когда онъ осмѣлился нападать на ученіе Симеона Полоцкаго, бывшаго наставника Софьи. Затѣмъ спорили нѣкоторое время о разныхъ пунктахъ раскольничьей челобитной. Нѣсколько разъ говорила и царевна, съ особеннымъ раздраженіемъ, когда старовѣры стали доказывать свою любимую мысль, что еретикъ Никонъ поколебалъ душою царя Алексѣя Михайловича. Споръ превратился въ сильный шумъ. Въ гнѣвѣ Софья сошла съ трона. «Намъ ничего болѣе не остается, какъ оставить царство!» сказала она. Въ мятежной толпѣ заговорили: «пора, государыня, давно вамъ въ монастырь; полно-де царствомъ мутить; намъ бы здоровы цари-государи были, а безъ васъ-де пусто не будетъ». Но бояре и выборные стрѣльцы, окруживъ царевну, клялись положить свои

головы за царскій домъ и уговорили ее возвратиться на прежнее мѣсто. Пренія продолжались; но когда Никита Пустосвятъ назвалъ архіереевъ «плутами», царевна велѣла объявить раскольникамъ, что за позднимъ временемъ нельзя продолжать спора. Царскія особы и патріархъ удалились. Выходя къ народу, раскольники торжествовали, показывая видъ, что одержали побѣду надъ архіереями.

Правительница рѣшилась принять энергическія мѣры. Она призвала выборныхъ стрѣльцовъ отъ всѣхъ полковъ, обласкала ихъ, сулила имъ награды, угостила ихъ изъ царскихъ погребовъ, раздала имъ деньги. «Намъ нѣтъ дѣла до старой вѣры», сказали они, возвратившись въ слободы.

Смятеніе продолжалось около недѣли. Носилась молва, что опять будетъ кровопролитіе, что стрѣльцы собираются идти къ Кремлю. Однако, царевна велѣла схватить главныхъ предводителей раскола. Никита Пустосвятъ былъ казненъ на Красной Площади. Мало по малу волненіе утихало. Оставалась лишь опасность, что начальникъ стрѣлецкаго войска, князь Хованскій, благопріятствовалъ движенію раскольниковъ [1]).

Изъ этихъ событій видно, какъ легко можно было вліять на стрѣльцовъ. Съ одной стороны, они были доступны вліянію расколоучителей, съ другой—ихъ задобрила безъ труда царевна, нуждавшаяся въ ихъ помощи для расправы съ старовѣрами. Эта черта имѣетъ значеніе и для оцѣнки событій въ маѣ 1682 г.

Свѣтская власть, позаботившаяся о защитѣ церкви, должна была принять строгія мѣры противъ раскола вообще. Послѣ наказанія главныхъ расколоучителей въ столицѣ, ихъ приверженцы, прибывшіе въ Москву во время волненія, спасались въ разныя мѣста. Приходилось слѣдить за ними и въ отдаленныхъ отъ столицы областяхъ, для предупрежденія и тамъ мятежныхъ дѣйствій. Такимъ образомъ, объясняется цѣлый рядъ крутыхъ мѣръ, принятыхъ въ это время. Преимущественно берега Волги и Дона сдѣлались убѣжищемъ старовѣровъ. Въ ноябрѣ 1682 года разосланы были граматы ко всѣмъ архіереямъ о повсемѣстномъ сыскѣ и преданіи суду раскольниковъ. Правительство, и духовное и гражданское, вооружилось противъ раскола грозными средствами, когда почувствовало свою силу. Благодаря этимъ мѣрамъ, сдѣлалось очевиднымъ, что борьба противъ новой церкви, противъ государства, противъ «антихриста» въ массѣ народа была въ полномъ разгарѣ. Со-

[1]) Главными источниками для исторіи этого эпизода служатъ записки Медвѣдева и Саввы Романова. См. Устрялова, I, 46—77, и приложенія I, 284.

хранились данныя о слѣдствіяхъ, произведенныхъ по этимъ дѣламъ. Пытки и казни, ссылка и костры не помогали. Были случаи самосожженія раскольниковъ, осаждаемыхъ въ деревняхъ и монастыряхъ царскими войсками. Многіе старовѣры спасались за-границу, въ Польшу, или въ Швецію, или къ казакамъ на крайнемъ юговостокѣ, гдѣ борьба съ ними приняла впослѣдствіи, при Петрѣ Великомъ, широкіе размѣры [1]).

Едва правительство успѣло избавиться отъ опасности, грозившей ему отъ раскола, возникъ новый кризисъ. То была опасность военной диктатуры князя Хованскаго.

Хованскій самъ выводилъ свой родъ отъ Гедимина, но предки его не были извѣстны въ старину. Онъ не пользовался хорошею репутаціею относительно своихъ способностей, такъ что царь Алексѣй Михайловичъ могъ говорить ему: «я тебя взыскалъ и вызвалъ на службу, а то тебя всякъ называлъ дуракомъ». Его считали человѣкомъ запосчивымъ, неумѣющимъ сдерживать себя, непостояннымъ, слушающимся чужихъ внушеній. Народъ далъ ему прозваніе «Тараруя» [2]).

Сдѣлавшись начальникомъ стрѣлецкаго войска, Хованскій обнаруживалъ непріязнь къ боярамъ. Ходили слухи о стараніи его вооружить стрѣльцовъ противъ бояръ. Опасаясь сдѣлаться жертвою бунта въ пользу Хованскаго, Иванъ Милославскій уѣхалъ изъ Москвы, укрывался, переѣзжая изъ одной подмосковной въ другую, «какъ подземный кротъ», по выраженію современника, Андрея Артамоновича Матвеева. Стрѣльцамъ же въ это время старались внушить, что бояре замышляли перевести стрѣлецкое войско. Волненіе усиливалось. Разносились слухи о немедленно предстоявшемъ бунтѣ противъ государей и царевны. Поэтому 20-го августа царское семейство удалилось въ Коломенское. Москва опустѣла. Вельможи или также уѣхали въ Коломенское, или отправились въ свои деревни. На торжествѣ новолѣтія (1-го сентября), всегда совершаемомъ съ пышностью, въ присутствіи всего двора, никто изъ вельможъ не участвовалъ, къ досадѣ патріарха и къ общему изумленію жителей столицы. Народъ ждалъ большихъ бѣдъ.

Стрѣльцы отправили въ Коломенское выборныхъ съ увѣреніями, что они не имѣютъ никакого умысла, и съ просьбою, чтобы дворъ возвратился въ столицу. Самъ Хованскій поѣхалъ въ Коломенское и разсказывалъ здѣсь, будто новгородское дворянство замышляетъ

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 89. Аристовъ, 115.

[2]) Тамъ-же, XII, 349—350.

нападеніе на Москву, гдѣ станутъ сѣчь всѣхъ, безъ разбора и безъ остатка. Когда правительница потребовала отъ Хованскаго, чтобы онъ отпустилъ въ Коломенское Стремянной полкъ, на привязанность котораго дворъ могъ разсчитывать безусловно, онъ сначала ослушался. Нужно было повторить указъ нѣсколько разъ, и тогда только онъ отпустилъ этотъ полкъ.

Между тѣмъ, явилось подметное письмо, въ которомъ заключался извѣтъ на Хованскаго и сына его, Андрея, въ замышленіи цареубійства. Хованскіе, говорилось въ письмѣ, хотятъ убить ца-

Конный жилецъ.

Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

рей, Ивана и Петра, царицу Наталью, царевну Софью, патріарха и множество бояръ, вооружить крестьянъ противъ господъ, избрать старовѣра въ патріархи и проч.

Мы не знаемъ, дѣйствительно ли повѣрила правительница этому доносу, или показывала только видъ, что вѣритъ ему, но какъ бы то ни было, дворъ удалился еще дальше отъ Москвы, переѣхавъ, 2-го сентября, въ село Воробьево, оттуда, 4-го, въ Павловское, затѣмъ, 6-го, въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь, затѣмъ еще дальше, въ Воздвиженское. Отсюда 14-го сентября былъ посланъ царскій указъ «быть въ походъ въ село Воздвиженское изъ Москвы всѣмъ боя-

рамъ, окольничимъ, думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ московскимъ и жильцамъ къ 18-му сентября». Въ окружныхъ граматахъ, отправленныхъ во Владиміръ, Суздаль и другіе города, Софья говорила объ открытіи страшнаго заговора Хованскаго и стрѣльцовъ, осуждала образъ дѣйствій послѣднихъ въ половинѣ мая, обвиняла ихъ въ совмѣстномъ дѣйствіи съ раскольниками. «Спѣшите», обращалась царевна въ своемъ призывѣ къ дворянамъ и всякаго званія ратнымъ людямъ, «спѣшите, всегда, вѣрные защитники престола, къ намъ на помощь: мы сами пове-

Старинная церковь въ селѣ Воздвиженскомъ.
Съ рисунка, находящагося въ „Русской Старинѣ", изд. Мартыновымъ.

демъ васъ къ Москвѣ, чтобы смирить бунтующее войско и наказать мятежнаго подданнаго» [1]).

Напомнимъ, что правительство въ жалованной граматѣ отъ 6-го іюня запрещало всѣмъ и каждому попрекать стрѣльцовъ измѣнниками и бунтовщиками. Теперь же само правительство сдѣлалось ихъ обвинителемъ. Та же самая царевна, которая въ маѣ угощала стрѣльцовъ виномъ, давала имъ денегъ и приказала воздвигнуть въ честь ихъ памятникъ, теперь, въ надеждѣ на помощь и защиту

---

¹) Акты Арх. Эксп. IV. №№ 268 и 289.

ратныхъ людей всякаго званія въ борьбѣ съ стрѣлецкимъ войскомъ, начала говорить о дѣйствіяхъ стрѣльцовъ, какъ о преступленіяхъ; тотъ самый Хованскій, который въ маѣ дѣйствовалъ въ качествѣ сообщника царевны, теперь считался преступникомъ именно потому, что льстилъ стрѣльцамъ и считалъ ихъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей.

На пути къ Троицкому монастырю, который легко могъ превратиться въ неприступную крѣпость, дворъ и бояре остановились въ селѣ Воздвиженскомъ. Сюда правительница пригласила Хованскаго, чтобы выманить его изъ столицы, ласково похваливъ его за вѣрную службу, какъ бы для совѣщанія по дѣламъ малороссійскимъ. Хованскій поѣхалъ съ сыномъ Андреемъ и съ небольшимъ отрядомъ стрѣльцовъ въ Воздвиженское. Тамъ, однако, до пріѣзда князей Хованскихъ происходило у царевны «сидѣнье» съ боярами о важномъ дѣлѣ: обсуждались вины Хованскихъ; обвиненіе основывалось главнымъ образомъ на подметномъ письмѣ и состоялся приговоръ: «по подлинному розыску и по явнымъ свидѣтельствамъ и дѣламъ и тому извѣтному письму согласно, казнить смертью».

Бояринъ князь Лыковъ былъ отправленъ съ большимъ отрядомъ придворныхъ по Московской дорогѣ — схватить Хованскихъ. Ихъ привезли въ село Воздвиженское и прочитали имъ приговоръ. Когда Хованскіе стали оправдываться и слезно просить, чтобы ихъ выслушали, было приказано немедленно исполнить приговоръ. Хованскихъ, отца и сына, казнили тотчасъ же у большой Московской дороги.

Судить о мѣрѣ преступности Хованскаго не легко; но ясно, что опасность военной диктатуры грозила ужасными послѣдствіями. Власть стрѣльцовъ и ихъ начальника могла уничтожить разомъ весь дворъ, правительство, бояръ. Нужно было дѣйствовать быстро, рѣшительно, даже пренебрегая правилами нравственности. Казнь Хованскаго была спасеніемъ. О громадномъ значеніи его, какъ начальника войска, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что послѣ его казни оказалось вовсе не труднымъ справиться съ этимъ такъ называемымъ вторымъ стрѣлецкимъ бунтомъ. И въ 1698 году стрѣльцы не были особенно опасны именно потому, что не имѣли начальника [1]).

Что правительница придавала очень серьезное значеніе бунту Хованскаго, видно изъ ея признательной памяти къ Саввину-Сторожевскому монастырю. Тамъ была построена церковь, освященная

[1]) Подробности этого событія по разсказамъ Матвеева и Медвѣдева, у Устрялова, I, 83 и слѣд. Сидѣнье Софіи съ боярами до казни Хованскихъ см. у Соловьева, XIII, 376 и слѣд. Приговоръ въ П. С. З. № 954.

въ 1693 году, въ память спасенія царей и царевны, «когда Хованскій со стрѣльцами на жизнь обоихъ государей и ея покушался» [1]).

Хованскаго обвиняли въ намѣреніи убить царей Ивана и Петра. Однако младшій сынъ Хованскаго, Иванъ, сосланный при Софьѣ, послѣ государственнаго переворота 1689 года занялъ довольно видное мѣсто. Можно думать, что Петръ вовсе не былъ убѣжденъ въ преступныхъ умыслахъ Хованскихъ.

Этотъ младшій сынъ князя Хованскаго, бывшій въ селѣ Воздвиженскомъ свидѣтелемъ казни отца и брата, ускакалъ въ Москву и сообщилъ стрѣльцамъ о случившемся. Стрѣльцы заняли Кремль и захватили запасы военныхъ снарядовъ. Патріархъ не былъ въ состояніи остановить движеніе стрѣльцовъ: они грозили убить его и перебить всѣхъ бояръ. Можно было ожидать отчаянной борьбы между различными классами общества.

Между тѣмъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ позаботился объ укрѣпленіи Троицкаго монастыря; сюда собрались со всѣхъ сторонъ ратные люди на помощь правительству. Достойно вниманія, что сюда были призваны и иноземцы — воины, проживавшіе въ Нѣмецкой слободѣ, близъ Москвы. Правительство довѣряло имъ вполнѣ. И въ 1662 году, по случаю Коломенскаго бунта, царь Алексѣй пригласилъ иноземцевъ на помощь; позже, въ 1689 году, когда происходила развязка борьбы между Софьею и Петромъ, иноземцы также явились въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ и этимъ содѣйствовали побѣдѣ Петра надъ Софьею.

Видя военныя приготовленія въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, стрѣльцы, лишившіеся начальника, рѣшились отказаться отъ дальнѣйшихъ мятежныхъ дѣйствій. По приглашенію правительницы, они отправили въ Троицу выборныхъ, которые, отъ имени стрѣлецкаго войска, изъявили раскаяніе.

Какъ видно, стрѣльцы плохо надѣялись на свою силу и свое военное искусство. Только-что поднявъ знамя бунта, они мгновенно превратились въ покорныхъ рабовъ. Не только въ запискахъ современниковъ, переполненныхъ анекдотическими и легендарными чертами, но и въ архивныхъ дѣлахъ встрѣчается замѣчаніе, что стрѣльцы прибыли въ Лавру съ плахою и топоромъ, въ знакъ того, что они достойны смертной казни и отдаютъ себя во власть правительства [2]).

Немногіе стрѣльцы были казнены; — вообще же мятежниковъ помиловали. Между условіями, на которыхъ имъ даровалось про-

[1]) См. Аристова, приложеніе XXIV.

[2]) Крекшинъ. — Соловьевъ, XIV. Приложеніе XLIII.

щеніе, встрѣчаются слѣдующія: къ раскольникамъ не приставать, въ чужія дѣла не мѣшаться (т. е. не поднимать вопроса о крестьянахъ), за казнь Хованскаго не вступаться ни подъ какимъ видомъ [1]). Челобитчики на все согласились безпрекословно.

Немного позже стрѣльцы, очевидно, по внушенію правительства, подали челобитную, въ которой отказывались хвалиться преступленіями, совершенными ими въ маѣ, увѣряя, что лишь по злоумышленію Хованскихъ просили тогда поставить на Красной

Саввинъ-Сторожевскій монастырь въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной гравюры.

Площади столбъ. «И нынѣ мы», сказано было въ челобитной, «видя свое неправое челобитье, что тотъ столпъ учиненъ не къ лицу, просимъ: пожалуйте насъ, виноватыхъ холопей вашихъ, велите тотъ столпъ съ Красной Площади сломать, чтобъ отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ зазору никакого не было» [2]).

Столбъ былъ сломанъ 2-го ноября; 6-го—дворъ возвратился въ Москву. Мятежный духъ еще продолжалъ, по временамъ, обнаруживаться въ стрѣлецкомъ войскѣ, но думный дьякъ Ѳеодоръ Леонтье-

[1]) Устряловъ, I, 94.
[2]) Соловьевъ, XIII, 383.

вичъ Шакловитый, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ правительницы и сдѣлавшійся теперь начальникомъ стрѣлецкаго войска, умѣлъ сдерживать стрѣльцовъ.

Оказывались необходимыми нѣкоторыя строгія мѣры въ отношеніи къ крестьянамъ, между которыми господствовало также сильное волненіе. Недаромъ правительство требовало отъ стрѣльцовъ, чтобы они не вмѣшивались въ чужія дѣла. Разграбленіе во время майскаго кровопролитія Судпаго и Холопьяго Приказовъ, въ которыхъ находились крѣпостныя книги, было именно такимъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла. Теперь же, 13-го февраля 1683

Троицкая-Сергіева лавра въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ рѣдкой современной гравюры Малютина.

года, изданъ былъ указъ: «Которые холопи взяли у бояръ отпускныя въ смутное время за страхованіемъ и съ тѣми отпускными били челомъ кому-нибудь во дворы и дали на себя кабалы, тѣхъ отдать прежнимъ ихъ боярамъ, и впредь такимъ отпускнымъ не вѣрить, потому что они ихъ взяли въ смутное время, неволею, за смутнымъ страхованіемъ; да этимъ же холопямъ при отдачѣ ихъ чинить жестокое наказаніе, бить кнутомъ нещадно; если же прежніе господа не возьмутъ ихъ, то ссылать ихъ въ Сибирскіе и другіе дальные города на вѣчное житье» [1]).

Въ Москвѣ узнали, что въ разныхъ областяхъ и городахъ «тамошніе жители и прохожіе люди про бывшее смутное время гово-

[1]) П. С. З. № 992.

рять похвальныя и другія многія непристойныя слова, на смуту, страхованье и соблазнъ людямъ». Вслѣдствіе этого, въ маѣ 1683 года, былъ объявленъ указъ, которымъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещено хвалить прошлое смутное время [1]). Оказалось, что въ областяхъ скрывалось множество бѣглыхъ стрѣльцовъ въ крестьян-

Воинъ-иноземецъ въ русской службѣ въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка, находящагося въ „Описаніи одеждъ и вооруженія русскихъ войскъ".

скомъ платьѣ. Особенно въ Путивлѣ, Конотопѣ, въ Переяславлѣ и въ другихъ мѣстахъ малороссійскихъ, а также на Дону, вѣроятно, не безъ вліянія московскихъ стрѣльцовъ, разсѣевались разные ложные слухи, происходили волненія. Противъ всего этого правительствомъ были приняты разныя мѣры [2]). На Дону было столько недовольныхъ, что тамошніе представители власти просили не ссы-

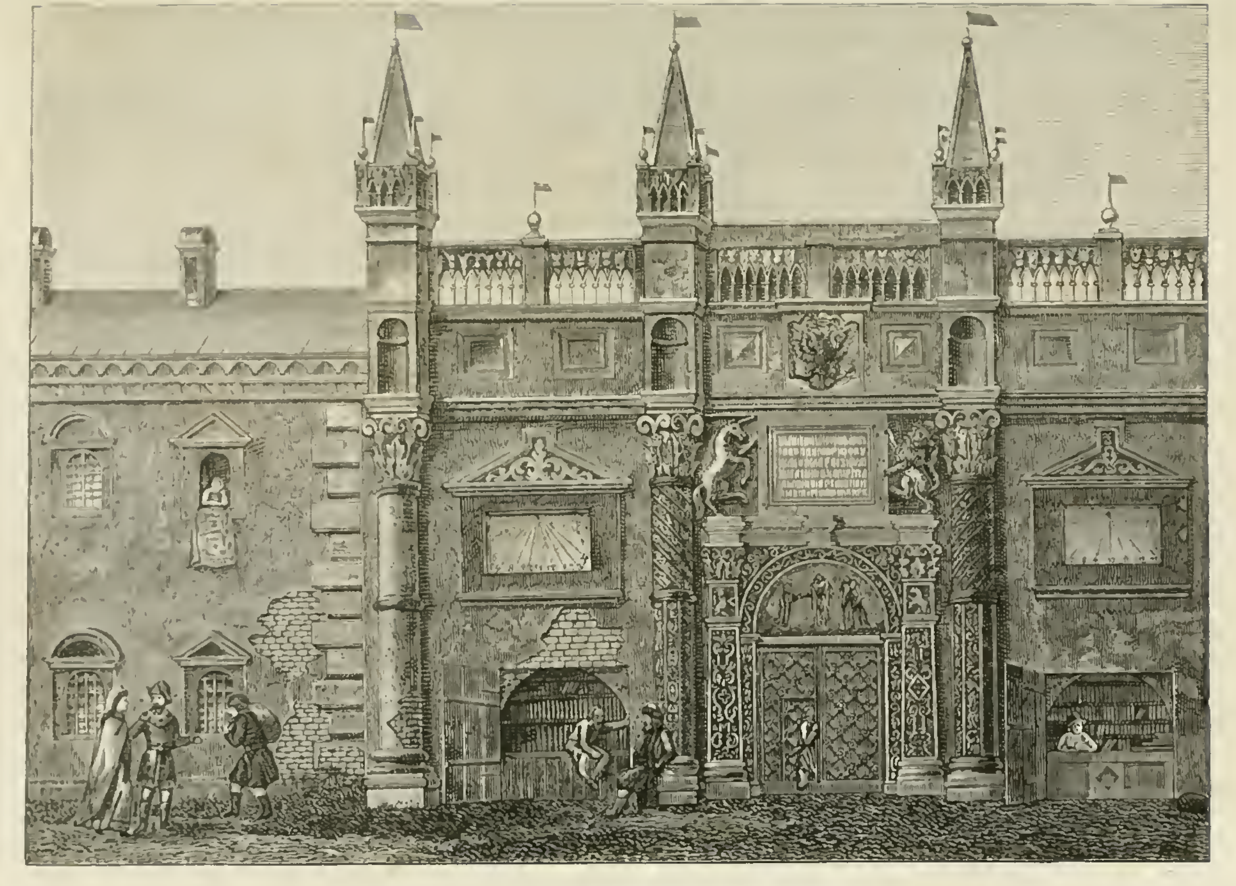
[1]) Собр. гос. гр. и дог. IV № 160.
[2]) См. подробности въ соч. Аристова, 107 и слѣд.

[illegible] XVII [illegible]

[illegible]

Печатный дворъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

Съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго государства“.

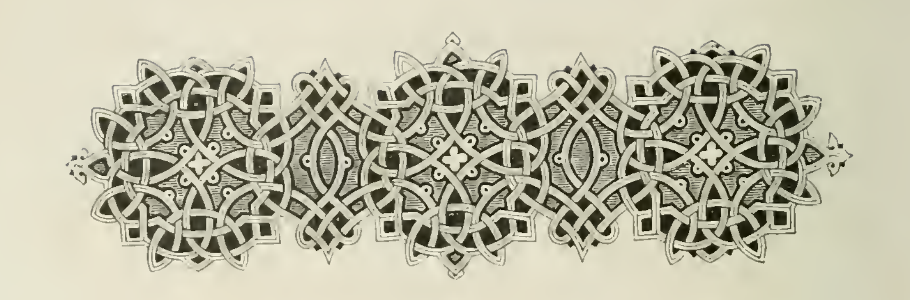
лать болѣе въ донскіе города преступниковъ, потому что они возбуждаютъ смуты. На Дону, между прочимъ, ходило по рукамъ мнимое посланіе царя Ивана Алексѣевича, въ которомъ приказывалось казакамъ идти на Москву, гдѣ бояре не слушаются его, царя и пр. Каждую минуту можно было ожидать повторенія времени Стеньки Разина [1]).

За границею думали, что возстановленіе порядка въ Московскомъ государствѣ окажется невозможнымъ. Въ Польшѣ надѣялись воспользоваться этими смутами для пріобрѣтенія вновь Малороссіи. Такъ что и для сохраненія авторитета правительства въ области внѣшней политики нужно было заботиться о подавленіи во что бы то ни стало всякаго мятежнаго духа въ Россіи.

Изъ всего сказаннаго видно, что въ первое время правленія Софьѣ приходилось бороться съ странными затрудненіями. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока новое правительство получило возможность настоящимъ образомъ направить свою дѣятельность. Нельзя отрицать, что сила воли правительницы и ея способности содѣйствовали спасенію авторитета власти въ это время.

[1]) Соловьевъ, XIII, 387.

ГЛАВА IV.

Правленіе Софьи.

Семь лѣтъ управляла царевна Софья дѣлами. Нельзя сказать, чтобы это время было особенно богато какими нибудь важными событіями или правительственными распоряженіями. Однако, характеръ внѣшней политики въ правленіе Софьи, именно война съ татарами на югѣ, а также программа преобразованій внутри государства, приписываемая князю Василію Васильевичу Голицыну, вполнѣ соотвѣтствуютъ тому направленію, въ которомъ впослѣдствіи шелъ впередъ Петръ и относительно Восточнаго вопроса, и относительно реформъ въ духѣ западно-европейскаго просвѣщенія.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ, человѣкъ, замѣчательный умомъ, образованіемъ и опытностью въ дѣлахъ, сторонникъ западно-европейской культуры, восхищавшій иностранныхъ дипломатовъ утонченностью и любезностью обращенія съ ними,—можетъ быть названъ въ отношеніи смѣлости своихъ намѣреній въ духѣ реформы предшественникомъ Петра. Хотя Голицынъ и не отличался особенною независимостью мнѣній или силою воли, но долженъ считаться однимъ изъ самыхъ достойныхъ представителей эпохи преобразованія Россіи.

Голицынъ былъ знатнаго происхожденія и родился въ 1643 г. Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ онъ занималъ довольно важные посты при дворѣ. Въ царствованіе Θеодора, онъ участвовалъ въ Чигиринскихъ походахъ. Особенно важную услугу оказалъ онъ государству своимъ содѣйствіемъ отмѣнѣ мѣстничества. Этою мѣрою, главнымъ образомъ, обусловливалось преобразованіе войска.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.
С̆ъ рѣдчайшаго современнаго гравированнаго портрета Тарасевича.

При этомъ случаѣ Голицынъ оказался истымъ сторонникомъ прогресса; имѣя въ виду государственную выгоду, онъ упорно боролся съ сословными предразсудками и отказывался отъ личныхъ выгодъ въ пользу усиленія власти.

Уже во время царствованія Θеодора, Голицынъ, какъ разсказываютъ современники, находился въ близкой связи съ царевною Софьею. Въ теченіи смуты 1682 года, онъ оставался на заднемъ планѣ. По крайней мѣрѣ ничего неизвѣстно о его участіи въ май-

скихъ событіяхъ. Мы только знаемъ, какъ уже было сказано выше, что въ самый разгаръ стрѣлецкаго бунта онъ сдѣлался начальникомъ Посольскаго Приказа. 19-го октября 1683 года, онъ получилъ званіе «Царственныя большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ оберегателя» [1]) и завѣдывалъ иностранными дѣлами до паденія Софьи, т. е. до осени 1689-го года. Какъ преемникъ Матвеева въ этомъ званіи и какъ предшественникъ Петра, онъ дѣйствовалъ въ пользу сближенія съ западною Европою. Въ бесѣдахъ съ иностранными дипломатами онъ могъ обойтись безъ помощи толмачей, такъ какъ вполнѣ владѣлъ латинскимъ языкомъ. Особенно понравился онъ представителямъ католическихъ державъ изъявленіемъ готовности предоставить іезуитамъ нѣкоторыя права и вообще обезпечить существованіе и развитіе католицизма въ Россіи. Изъ дневника Патрика Гордона мы узнаёмъ, какъ охотно и какъ часто Голицынъ находился въ обществѣ иностранцевъ и какъ старался составить себѣ точное понятіе о дѣлахъ въ западной Европѣ. Голицынъ былъ покровителемъ Лефорта, сдѣлавшагося, послѣ государственнаго переворота 1689 года, другомъ царя Петра. Баронъ фонъ-Келлеръ, нидерландскій посланникъ, въ своихъ донесеніяхъ Генеральнымъ Штатамъ упоминалъ не разъ о томъ, что пользуется расположеніемъ князя. Иногда Голицынъ съ многочисленною свитою бывалъ въ гостяхъ у Келлера и за столомъ, въ торжественныхъ рѣчахъ на латинскомъ языкѣ, восхвалялъ Нидерландскую республику [2]).

Особенно высоко ставилъ Голицына французско-польскій дипломатическій агентъ Нёвиль; Голицынъ, разсказываетъ онъ, принялъ его такъ, какъ принимали въ то время у себя пріѣзжающихъ итальянскіе государи, то-есть съ утонченностью опытнаго придворнаго и съ ловкою учтивостью государственнаго дѣятеля, привыкшаго вращаться въ кругу высшаго общества. Когда, напримѣръ, по тогдашнему обычаю, гостю подали водку, самъ хозяинъ совѣтовалъ ему не пить ея. Онъ съ необычайнымъ знаніемъ дѣла бесѣдовалъ съ Нёвилемъ о дѣлахъ въ западной Европѣ. Бесѣда происходила на латинскомъ языкѣ. О томъ, что̀ онъ предполагалъ сдѣлать для Россіи, о разныхъ реформахъ, которыя имѣлъ въ виду, Голицынъ говорилъ съ такимъ жаромъ и столь краснорѣчиво, что Нёвиль былъ въ восхищеніи. Ему казалось, что съ преобразованіями Голицына для Россіи настанетъ новая эпоха. Голицынъ мечталъ о распространеніи просвѣщенія, о разныхъ мѣрахъ для под-

[1]) Соловьевъ, XIV, 8.
[2]) Posselt. Lefort, I, 341—370.

нятія матеріальнаго благосостоянія народа. Онъ говорилъ Нёвилю о своемъ намѣреніи содержать постоянныхъ резидентовъ при иностранныхъ дворахъ, отправлять русскихъ для ученія за-границу, преобразовать войско, превратить преобладающее тогда въ управленіи финансами натуральное хозяйство въ денежное, развить торговлю съ Китаемъ и пр. Даже о своемъ намѣреніи освободить крестьянъ и обезпечить ихъ матеріальное благосостояніе достаточнымъ надѣломъ Голицынъ разсказывалъ собесѣднику-иностранцу, который послѣ паденія Голицына замѣтилъ, что Россія, вмѣстѣ съ этимъ геніальнымъ человѣкомъ, лишилась будущности [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что у Голицына были обширные планы и что онъ умѣлъ говорить о нихъ съ жаромъ и увлеченіемъ, но Нёвиль черезчуръ уже превозноситъ его способности. Нёвиль писалъ свою записку о Россіи очевидно вскорѣ послѣ государственнаго переворота 1689 года, когда еще нельзя было предвидѣть широкой и плодотворной дѣятельности Петра, а потому онъ могъ сожалѣть о несчастіи, будто бы постигшемъ Россію. Большая разница между намѣреніями Голицына и дѣйствительными результатами его управленія дѣлами представляется страннымъ противорѣчіемъ. Исторія не можетъ указать ничего выдающагося въ законодательствѣ и администраціи во время семилѣтняго регентства Софьи. Были произведены нѣкоторыя перемѣны въ уголовномъ судопроизводствѣ и сдѣланы неважныя полицейскія распоряженія; можно упомянуть еще о нѣсколькихъ постройкахъ. Вызванные въ концѣ царствованія царя Өеодора выборные со всего государства для разборовъ и уравненія всякихъ службъ и податей были распущены по домамъ. Съ тѣхъ поръ не было уже болѣе никакихъ земскихъ соборовъ [2]).

При всей ничтожности эпохи правленія царевны Софьи и князя Голицына, все-таки любопытно, что послѣдній былъ такимъ же ученикомъ западно-европейской культуры, какимъ сдѣлался позже Петръ.

До насъ дошло описаніе великолѣпнаго дома, въ которомъ жилъ Голицынъ. Тутъ находились разные астрономическіе снаряды, прекрасныя гравюры, портреты русскихъ и иностранныхъ государей, зеркала въ черепаховыхъ рамахъ, географическія карты, статуи, рѣзная мебель, стулья, обитыя золотными кожами, кресла, обитыя бархатомъ, часы боевые и столовые, шкатулки со множествомъ

---

[1]) De la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie. A la Haye. 1699, стр. 16, 55, 175, 215.

[2]) Соловьевъ, XIV, 78.

выдвижныхъ ящиковъ, чернилицы янтарныя и пр. Сохранился также списокъ книгамъ, принадлежавшимъ Голицыну. Между ними встрѣчаются книги латинскія, польскія и нѣмецкія, сочиненія, относящіяся къ государственнымъ наукамъ, богословію, церковной исторіи, драматургіи, ветеринарному искусству, географіи, зоологіи и пр. Въ спискѣ упоминается «рукопись Юрія Сербинина». Нѣтъ

Царевна Софья Алексѣевна.

Съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова.

сомнѣнія, что это было одно изъ сочиненій Крижанича, проектировавшаго за нѣсколько лѣтъ до царствованія Петра цѣлую систему реформъ и отличавшагося громадною ученостью, начитанностью и необычайнымъ знакомствомъ съ учрежденіями и бытомъ западной Европы [1]).

[1]) Соловьевъ, XIV, 97—99. Изъ приказныхъ дѣлъ архива Мин. Ин. Дѣлъ, 1674 г., видно, что между книгами, которыя переплеталъ иноземецъ Яганъ Энкузъ, былъ списокъ съ «Книжицы Юрія Сербинина». Соловьевъ, XIII, 194—195.

По этимъ даннымъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о вкусѣ, наклонностяхъ и кругозорѣ князя Голицына. Говоря о необычайномъ образованіи его, одинъ изъ иностранцевъ-нѣмцевъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ, замѣчаетъ, что такая эрудиція должна была въ Россіи считаться «диковиною» [1]). Однако примѣръ князя

Посольскій домъ въ Москвѣ въ XVII столѣтіи.

Съ современной гравюры.

Голицына свидѣтельствуетъ о томъ, что Россія уже до Петра находилась на пути прогресса въ духѣ западно-европейской культуры.

Голицынъ, подобно Петру, любилъ иностранцевъ и иноземные обычаи. Любопытно, что іезуиты хвалили Голицына за расположеніе къ Франціи и къ католицизму, а Петръ не любилъ ни Франціи, ни іезуитовъ. Иностранцы разсказывали, что Голицынъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія о королѣ Людовикѣ XIV и что его сынъ носилъ на груди портретъ послѣдняго [2]).

---

[1]) Schleusing: «ein seltenes Wildbret».

[2]) Voyage en divers états d'Europe et d'Asie, стр. 216, у Соловьева, XIV, 97.

Голицынъ, такъ же какъ и Петръ, былъ ненавидимъ многими, очевидно, за свою склонность къ иноземнымъ обычаямъ. Изъ его переписки съ Шакловитымъ мы знаемъ, что онъ и между сановниками имѣлъ сильныхъ и вліятельныхъ противниковъ [1]). Бывали покушенія и на жизнь Голицына, причемъ виновниками оказывались фанатики изъ черни, ненавидѣвшей иностранцевъ; но правительство старалось держать въ тайнѣ подобные эпизоды. Во всякомъ случаѣ, Голицынъ не пользовался популярностью въ народѣ. Страстно любившая его царевна Софья видѣла въ немъ героя. Судьба князя была тѣсно связана съ судьбою правительницы. Подробности отношеній послѣдней къ Голицыну мало извѣстны, хотя объ этомъ предметѣ ходили разные слухи, разсказанные, между прочимъ, въ запискахъ Нёвиля.

Кромѣ Голицына, замѣчателенъ во время регентства Софьи молдавскій бояринъ Спафарій. Онъ, какъ уже было сказано, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ бояриномъ Артамономъ Сергѣевичемъ Матвеевымъ и вмѣстѣ съ послѣднимъ занимался разными науками. Онъ прибылъ въ Россію изъ Молдавіи послѣ разныхъ превратностей судьбы и послѣ пребыванія въ Польшѣ и Бранденбургіи. Въ Москвѣ онъ былъ хорошо принятъ, такъ какъ могъ оказывать великую пользу знаніемъ разныхъ языковъ, переводомъ книгъ, опытностью въ дѣлахъ. Въ качествѣ дипломата онъ совершилъ путешествіе въ Китай, гдѣ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ іезуитами. Съ Нёвилемъ онъ, такъ же какъ и съ Голицынымъ, говорилъ о разныхъ проектахъ преобразованій: онъ предлагалъ разныя мѣры для оживленія торговли черезъ Сибирь; мечталъ объ устройствѣ судоходства на рѣкахъ Азіи. При Петрѣ его имя встрѣчается въ связи съ дѣлами, относящимися къ Оттоманской Портѣ. Мы знаемъ, что Спафарій переписывался съ ученымъ амстердамскимъ бюргермейстеромъ Витзеномъ и что послѣдній былъ высокаго мнѣнія о немъ [2]). Онъ производитъ нѣкоторымъ образомъ впечатлѣніе авантюриста, но въ то же время впечатлѣніе человѣка, богатаго идеями, предпріимчиваго, смѣлаго. Въ такихъ людяхъ нуждалась Россія въ эпоху преобразованія.

Выдающимся сотрудникомъ царевны Софьи былъ монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, получившій образованіе въ Малороссіи. Симеонъ Полоцкій, наставникъ царевны Софьи, былъ учителемъ и Медвѣ-

---

[1]) Устряловъ, I, 346—356.

[2]) Guerrier. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grossen. St. Petersburg und Leipzig, 1873, стр. 29. См. также статью Кедрова: Николай Спафарій и его арифмологія, въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1876, январь.

дева. Послѣдній отличался рѣдкою въ то время ученостью: въ его библіотекѣ насчитывалось нѣсколько сотъ книгъ, большею частью на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Царь Өеодоръ довольно часто бывалъ гостемъ у Медвѣдева, котораго очень уважалъ. При дворѣ Софьи онъ занималъ мѣсто придворнаго священника и придворнаго поэта. Онъ былъ представителемъ латинской эрудиціи, въ противоположность учености греческихъ монаховъ, пріѣзжавшихъ въ то время въ Россію. При случаѣ, онъ умѣлъ участвовать и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Когда-то, до избранія духовнаго званія, онъ имѣлъ въ виду посвятить себя дипломатической карьерѣ подъ руководствомъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля, Ордына-Нащокина. Патріархъ Іоакимъ находился въ нѣсколько натянутыхъ отношеніяхъ къ Медвѣдеву: они расходились въ нѣкоторыхъ вопросахъ богословской догматики. Существовалъ слухъ, что Медвѣдевъ ласкалъ себя надеждою рано или поздно сдѣлаться патріархомъ. Судьба Медвѣдева, подобно судьбѣ Голицына, была тѣсно связана съ первенствующимъ положеніемъ царевны. Во всякомъ случаѣ, онъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ совѣтниковъ правительницы. О той роли, которую игралъ Медвѣдевъ въ событіяхъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ паденіе Софьи, мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Однако онъ самъ погибъ при этомъ случаѣ трагическимъ образомъ.

Гораздо менѣе замѣчательною личностью былъ думный дьякъ Шакловитый, занимавшій во все время правленія Софьи весьма видное мѣсто. Онъ былъ склоненъ къ насильственнымъ и коварнымъ дѣйствіямъ. Уступая далеко князю Василію Васильевичу Голицыну въ образованіи, онъ превосходилъ его энергіею и рѣшимостью. Впослѣдствіи онъ былъ главнымъ виновникомъ тѣхъ направленныхъ противъ Петра умысловъ, которые, имѣя цѣлью упрочить власть царевны, положили конецъ ея управленію дѣлами. Въ Шакловитомъ мы не замѣчаемъ какихъ либо политическихъ идей, какой либо систематической программы. Въ противоположность многосторонне образованной царевнѣ, ученому и начитанному Медвѣдеву, утонченно-вѣжливому Голицыну, Шакловитый былъ обыкновеннымъ честолюбцемъ, готовымъ жертвовать всѣмъ и всѣми для достиженія своихъ цѣлей. Онъ не былъ способенъ, подобно Софьѣ, Голицыну, Медвѣдеву, дѣйствовать въ духѣ западно-европейскаго прогресса. Всѣ они погибли въ 1689 году, уступая мѣсто Петру. Катастрофа Шакловитаго была самою насильственною. Какъ государственный человѣкъ, онъ былъ гораздо менѣе важенъ, нежели

Голицынъ, но все-таки игралъ главную роль въ драмѣ, положившей конецъ правленію Софьи.

Усерднѣе чѣмъ дѣлами внутренними правительство занималось внѣшнею политикою. Какъ скоро было рѣшено совмѣстное царствованіе Ивана и Петра, съ извѣстіемъ о такомъ событіи были отправлены дипломаты въ Варшаву, въ Стокгольмъ, въ Вѣну, въ Копенгагенъ, въ Гаагу, въ Лондонъ и въ Константинополь. При этомъ, однако, не было упомянуто о регентствѣ Софьи [1]).

Одежда бояръ и боярынь въ XVII столѣтіи.
Съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства".

Отношенія къ Швеціи при царѣ Θеодорѣ не были особенно благопріятны. Существовало несогласіе по поводу разныхъ пограничныхъ пунктовъ. Софья, нуждаясь въ мирѣ, дѣйствовала осторожно и не настаивала на прежнихъ требованіяхъ. Съ самаго начала XVII вѣка, благодаря событіямъ смутнаго времени, Россія

[1]) По случаю вступленія на престолъ одного Петра не было отправлено за границу извѣстій объ этомъ. Можетъ быть, общее волненіе служило препятствіемъ; см. соч. Устрялова, I, 117.

должна была отказаться отъ береговой линіи. Стремленія царя Алексѣя устранить постановленія Столбовскаго договора, заключеннаго въ 1617 году, не увѣнчались успѣхомъ. Кардисскій миръ (1662) былъ въ сущности подтвержденіемъ Столбовскаго. Во время регентства Софьи Россіи, скорѣе грозила опасность со стороны Польши, нежели со стороны Швеціи. Уже по этимъ соображеніямъ нужно было желать мирныхъ отношеній къ Швеціи. Къ тому же, быть можетъ, уже въ началѣ правленія Софьи, въ Россіи думали

Одежда бояръ и боярынь въ XVII столѣтіи.

С̀ъ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства".

о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ татаръ. Юрій Крижаничъ въ своихъ подробныхъ разсужденіяхъ о внѣшней политикѣ Россіи говорилъ въ пользу мира съ Польшею и Швеціею, проповѣдуя войну съ татарами, завоеваніе Крыма. И Петръ сравнительно поздно началъ думать о завоеваніяхъ на сѣверо-западѣ, а сначала сосредоточивалъ все свое вниманіе на берегахъ Чернаго моря. Переговоры съ Швеціею при царевнѣ Софьѣ о царскомъ титулѣ, о сво-

бодномъ отправленіи православнаго богослуженія въ Эстляндіи, Ингерманландіи и Кореліи и пр. не имѣютъ особеннаго значенія [1]).

Отношенія къ Бранденбургскому государству, которое впослѣдствіи сдѣлалось самымъ важнымъ союзникомъ Петра въ борьбѣ съ Швеціею, заслуживаютъ вниманія. Подданнымъ курфюрста были дарованы нѣкоторыя права относительно торговли въ Архангельскѣ. Кромѣ того, онъ служилъ посредникомъ между гугенотами, выселившимися изъ Франціи вслѣдствіе отмѣны Нантскаго эдикта, и Россіею, въ которой нѣкоторые изъ нихъ пожелали поселиться [2]).

Мы видѣли выше, что Голицынъ ставилъ особенно высоко Францію. Однако сдѣланная при немъ попытка вступить въ близкія сношенія съ Людовикомъ XIV оказалась весьма неудачною. Голицынъ, приглашая Францію къ участію въ войнѣ съ Турціею, очевидно, не особенно подробно былъ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ на Западѣ; иначе, ему было бы извѣстно, что Франція именно въ то время была расположена къ Турціи. Пріемъ, оказанный русскимъ дипломатамъ во Франціи, не былъ благопріятенъ. Къ тому же есть основаніе думать, что князь Долгорукій, въ качествѣ посланника Россіи, велъ себя неосторожно и безтактно. Вообще, съ русскими во Франціи обращались неучтиво. Поэтому, когда немного позже явились въ Москву два французскихъ іезуита, Авриль и Боволье, съ грамотою отъ Людовика XIV, прося позволенія проѣхать чрезъ Россію въ Китай, имъ отвѣчали отказомъ [3]).

Надежда на помощь Франціи въ борьбѣ съ Турціею оказалась тщетною. Довольно страннымъ также было стараніе московскаго правительства занять деньги у Испаніи, которая въ то время была совершенно раззорившеюся страною.

Гораздо успѣшнѣе Россія дѣйствовала въ отношеніи къ Польшѣ. гдѣ и послѣ заключенія Андрусовскаго договора никакъ не хотѣли помириться съ мыслью о вѣчной потерѣ Малороссіи. По случаю смуты въ Москвѣ въ 1682 году, въ Малороссіи были распространяемы польскими эмиссарами «прелестные» листы; у двухъ монаховъ, бывшихъ тайными агентами Польши, нашли инструкцію, какъ должно дѣйствовать для распространенія мятежнаго духа въ Малороссіи [4]).

---

[1]) Устряловъ, I, 117—143.
[2]) П. С. З. №№ 1326, 1330, 1331.
[3]) Соловьевъ, XIV, 64—68.
[4]) Тамъ-же, XIV, 5 и слѣд.

Особенно же Кіевъ оставался яблокомъ раздора въ борьбѣ между Россіею и Польшею. Кіевъ, въ силу Андрусовскаго договора, долженъ былъ оставаться только два года подъ властью Россіи; однако московское правительство надѣялось навсегда удержать за собою это важное мѣсто. Въ Малороссіи было много недовольныхъ, противниковъ московскаго правительства, которое, впрочемъ, могло вполнѣ надѣяться на гетмана Самойловича. Чрезъ него въ Москвѣ заблаговременно узнали объ агитаціи польскихъ эмиссаровъ. Онъ совѣтовалъ поселить нѣсколько тысячъ великороссіянъ въ Малороссіи съ цѣлью показать этимъ, что Малороссія навсегда останется достояніемъ Московскаго государства.

При содѣйствіи Самойловича, русскому правительству удалось провести въ области церковнаго управленія въ Малороссіи весьма важную мѣру. До этого кіевскій митрополитъ посвящался константинопольскимъ патріархомъ. Благодаря особенно удачнымъ переговорамъ съ высшими представителями церкви въ турецкихъ владѣніяхъ и ловкой и успѣшной дѣятельности московскихъ агентовъ въ Малороссіи, было достигнуто, что отнынѣ кіевскій митрополитъ сталъ посвящаться въ Москвѣ. Разумѣется, прежде всего нужно было отыскать личность, легко доступную вліянію московскаго правительства. Такимъ лицомъ оказался луцкій епископъ, князь Гедеонъ Святополкъ Четвертинскій, избранный въ кіевскіе митрополиты 8-го іюня 1685 года и посвященный въ Москвѣ 8-го ноября этого же года патріархомъ Іоакимомъ. По совѣту Самойловича, московское правительство старалось задобрить константинопольскаго патріарха. Дѣло это стоило и труда и денегъ. Діонисій константинопольскій уступилъ очень скоро, но зато патріархъ іерусалимскій, Досиѳей, былъ крайне недоволенъ уступчивостью своего товарища и, между прочимъ, писалъ патріарху Іоакиму: «Пожалуй, вы захотите самый Іерусалимъ обратить въ вашу епископію, чтобы мы ноги ваши мыли!... дѣлайте что хотите, а нашего благословенія нѣтъ» и пр. [1]).

Въ этой перемѣнѣ заключалась довольно важная выгода: представители православія въ польскихъ владѣніяхъ, зависѣвшіе въ духовныхъ дѣлахъ отъ кіевскаго митрополита, отнынѣ очутились, такъ сказать, хотя бы косвенно, подъ духовнымъ надзоромъ московскаго правительства. Вмѣшательство въ польскія дѣла, какъ это обнаружилось впослѣдствіи изъ исторіи вопроса о диссидентахъ, сдѣлалось однимъ изъ важнѣйшихъ условій раздѣловъ Польши.

[1]) См. соч. Устрялова, I, 150 и 291, а также Соловьева, XIV, 32 и слѣд.

Отношенія между Москвою и Польшею, несмотря на заключеніе Андрусовскаго договора, оставались враждебными. Дипломатическіе съѣзды въ 1670, 1674 и 1678 годахъ приводили лишь къ временнымъ результатамъ. И Польша, и Москва нуждались въ заключеніи окончательнаго мира. Уже двадцать семь лѣтъ продолжалась борьба за Малороссію, когда началось правленіе Софьи. Надежда польскаго правительства во время царствованія Ѳеодора возбужденіемъ раздора между Турціею и Россіею возвратить себѣ Малороссію оказалась тщетною. Хотя въ Польшѣ царствовалъ дѣятельный и способный король, Янъ Собѣсскій, она все-таки не была въ состояніи воевать серьезно изъ-за Малороссіи. Зато и Польша, и Московское государство должны были думать о союзѣ противъ турокъ и татаръ.

Отношенія Россіи къ крымскимъ татарамъ все еще были чрезвычайно натянуты. Поминки, отправляемые ежегодно въ Крымъ московскимъ правительствомъ, имѣли отчасти характеръ дани. Несмотря на приносимыя жертвы такого рода, каждую минуту можно было ожидать вторженія хищниковъ въ предѣлы Россіи. Иногда случалось, что города, находившіеся близъ татарской границы, страдали ужасно отъ набѣговъ татаръ, уводившихъ въ плѣнъ десятки тысячъ жителей.

Юрій Крижаничъ писалъ, въ 1667 году, въ своемъ сочиненіи «О промыслѣ» слѣдующее: «На всѣхъ военныхъ судахъ турокъ не видно почти никакихъ другихъ гребцовъ, кромѣ людей русскаго происхожденія, а въ городахъ и мѣстечкахъ по всей Греціи, Палестинѣ, Сиріи, Египту и Анатоліи, или по всему Турецкому царству, видно такое множество русскихъ плѣнныхъ, что они обыкновенно спрашиваютъ у нашихъ: остались ли еще на Руси какіе нибудь люди?» [1]).

Такимъ образомъ, пострадали, напр., въ то время города Елецъ, Ливны, Бѣльцы и др. Въ дневникѣ Гордона мы встрѣчаемъ множество разсказовъ о насиліи и грабежахъ со стороны татаръ. Въ началѣ 1662 года, Гордонъ сообщаетъ подробно о появленіи татаръ у Сѣвска и Карачева и объ уведеніи ими въ плѣнъ значительнаго числа жителей. Въ 1684 году разсказано о сожженіи города Умани, бывшаго тогда подъ властью Польши, о появленіи татаръ цѣлыми сотнями въ окрестностяхъ Кіева, о сожженіи города Немирова и объ уведеніи въ плѣнъ всѣхъ его жителей и пр. [2]).

[1]) О промыслѣ, стр. 9.

[2]) Дневникъ Патрика Гордона, изд. Поссельтомъ на нѣмецкомъ языкѣ, I, 305. II, 30, 34, 46, 66, 67, 68, 71. 72, 82, 89, 103 и пр.

[illegible] Дипломатическіе [illegible]

[illegible] Надежды [illegible]

[illegible] Польша, и [illegible] противъ [illegible]

[illegible] въ Крымъ [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Московскій Кремль въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ современной гравюры Бликланда.

Каменный мостъ въ Москвѣ въ началѣ XVIII столѣтія.

Съ современной гравюры Бликланда.

Какъ крымскій ханъ обращался иногда съ русскими дипломатами, видно изъ случая съ Таракановымъ, который въ 1682 году далъ знать изъ Крыма, что ханъ, домогаясь подарковъ, велѣлъ схватить его, отвести къ себѣ въ конюшню, бить обухомъ, приводить къ огню и стращать всякими муками. Когда Таракановъ объявилъ, что ничего лишняго не дастъ, его отпустили въ станъ на рѣку Альму, но пограбили всѣ его вещи безъ остатка [1]).

Московская площадь въ концѣ XVII столѣтія.
Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи" Олеарія.

Не мудрено, что при подобныхъ обстоятельствахъ московское правительство начало думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ крымцевъ. И народъ желалъ такой войны, имѣвшей нѣкоторымъ образомъ значеніе крестоваго похода. Нужно было во что бы то ни стало избавиться отъ опасности, вѣчно грозившей со стороны татаръ, которыхъ русскіе ненавидѣли не только за то, что они были разбойниками и грабителями, но также потому, что они нерѣдко дѣлались союзниками Польши и были подданными султана.

[1]) Соловьевъ, XIV, 36.

Юрій Крижаничъ весьма краснорѣчиво проповѣдовалъ необходимость занятія Крыма, или, какъ онъ выражается, «Перекопской державы». По его мнѣнію, нужно было сосредоточивать все вниманіе и всѣ силы на татарахъ; онъ совѣтовалъ построить цѣлый рядъ крѣпостей для защиты предѣловъ Россіи отъ набѣговъ хищныхъ кочевниковъ. Крижаничъ умѣлъ цѣнить выгоды болѣе благопріятнаго географическаго мѣстоположенія прибрежныхъ странъ и считалъ легко возможнымъ завоеваніе Таврическаго полуострова. Крижаничъ полагалъ, что, въ случаѣ войны съ татарами, можно ожидать содѣйствія Польши. Особенно любопытно слѣдующее замѣчаніе его въ запискѣ, составленной для царя Алексѣя Михайловича: «тамъ была столица Митридата, славнаго короля, царствовавшаго надъ двадцатью двумя народами и знавшаго ихъ языки. Нельзя выразить, насколько Перекопская держава лучше и богаче Россіи и въ какой мѣрѣ она годится сдѣлаться столицею. Если же Богъ далъ бы русскому народу завоевать этотъ край, то или ты самъ, или кто либо изъ твоихъ наслѣдниковъ могъ бы туда перейти и устроить тамъ столицу». Крижаничъ удивлялся тому, что государи посылали татарамъ подарки и не могли освободиться отъ такой дани; онъ приходилъ къ заключенію, что съ народомъ, живущимъ лишь разбоемъ, незнающимъ «никакого человѣчества», нельзя заключать договоровъ, и былъ даже того мнѣнія, что соблюденіе обыкновенныхъ правилъ международнаго права въ обращеніи съ татарами должно считаться дѣломъ лишнимъ и т. п. [1]).

Въ то время и въ западной Европѣ усердно занимались Восточнымъ вопросомъ и мечтали о наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Оттоманской Порты. Послѣ осады Вѣны турками—папа, Венеціанская республика, Польша и др. собирались напасть на Турцію. Въ то время и на Балканскомъ полуостровѣ, и въ Италіи говорили о пророчествѣ, грозившемъ Оттоманской Портѣ какой-то катастрофой и предсказывавшемъ ея паденіе [2]).

Для Россіи движеніе на западъ, направленное противъ мусульманъ, имѣло большое значеніе. Совершенно такъ же, какъ въ Венгріи Тэкели сдѣлался союзникомъ Турціи противъ Австріи, малороссійскій гетманъ Дорошенко сдѣлался вассаломъ султана для борьбы съ Московскимъ государствомъ. При такомъ сходствѣ от-

---

[1]) Соч. Крижанича, изд. Безсоновымъ, II, 88, 177 и слѣд.

[2]) См. мою статью въ «Древней и Новой Россіи», 1876, III, 385—409. Юрій Крижаничъ о Восточномъ вопросѣ.

ношеній Россіи и Австріи къ Турціи, должно было появиться и окрѣпнуть убѣжденіе въ солидарности Россіи и западно-европейскаго христіанскаго міра. Когда императоръ австрійскій Леопольдъ и польскій король Янъ Собѣсскій заключили между собою союзъ противъ Турціи, то рѣшили пригласить къ участію въ этой войнѣ и московскихъ царей; то же самое рѣшеніе состоялось въ 1684 г., когда Венеціанская республика примкнула къ австрійско-польскому союзу. Собѣсскій писалъ царямъ Ивану и Петру, что настало удобное время для изгнанія турокъ изъ Европы.

Для Московскаго государства означенный вопросъ долженъ былъ считаться особенно важнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: неучастіе Россіи въ этомъ движеніи во всякомъ случаѣ могло имѣть пагубныя слѣдствія; въ случаѣ побѣды турокъ надъ Польшею,—можно было ожидать появленія турецкихъ войскъ у самыхъ стѣнъ Кіева; въ случаѣ побѣды поляковъ надъ турками безъ содѣйствія Россіи, можно было опасаться перевѣса Польши, и безъ того мечтавшей о занятіи вновь Малороссіи,—и тогда опять-таки можно было ожидать потери Кіева.

Поэтому оказалось необходимымъ вести съ Польшею переговоры о предстоявшихъ дѣйствіяхъ противъ татаръ и турокъ. Пользуясь обстоятельствами, московское правительство могло заставить Польшу заключить вѣчный миръ съ уступкою Кіева. Переговоры объ этомъ мирѣ начались въ январѣ 1684 года, на старомъ мѣстѣ, въ пограничномъ селѣ Андрусовѣ. Тридцать девять разъ съѣзжались уполномоченные и ничего не рѣшили: поляки не уступали Кіева,—русскіе не соглашались дать помощь противъ турокъ [1]).

Въ то самое время, когда въ Андрусовѣ происходили эти переговоры, Василій Васильевичъ Голицынъ просилъ генерала Патрика Гордона изложить въ особой запискѣ свои соображенія о походѣ на Крымъ. Въ дневникѣ Гордона сказано, что бояринъ былъ склоненъ къ предпріятію противъ татаръ, но что онъ не надѣялся на Польшу и вообще понималъ тѣ затрудненія, которыя предстояли въ такомъ походѣ. Гордонъ, напротивъ того, не сомнѣвался въ успѣхѣ и указывалъ на цѣлый рядъ благопріятныхъ обстоятельствъ, которыми, по его мнѣнію, слѣдовало воспользоваться.

Въ своей запискѣ Гордонъ выставлялъ на видъ, что Россія нуждается въ мирѣ, потому что цари малолѣтны, и регентша и ея министръ, предпринявъ неудачную войну, легко могутъ навлечь на себя гнѣвъ государей, когда послѣдніе достигнутъ совершенно-

[1]) Соловьевъ, XIV, 14 и слѣд.

лѣтія. При двоевластіи въ государствѣ, легко могутъ возникнуть раздоры, борьба партій, соперничество вельможъ, а во время войны все это можетъ повести къ неудачѣ военныхъ дѣйствій. Дальше Гордонъ указываетъ на недостатокъ въ денежныхъ средствахъ и плохую дисциплину въ войскѣ, какъ на препятствія для наступательной войны. При всемъ томъ, однако, Гордонъ совѣтовалъ рѣшиться на отважное дѣло; онъ полагалъ, что можно надѣяться на помощь Польши, считалъ не особенно трудной задачей истребленіе гнѣзда невѣрныхъ и говорилъ, что этимъ можно «оказать существенную услугу Богу». Онъ указывалъ на выгоды освобожденія изъ плѣна многихъ тысячъ христіанъ, пріобрѣтеніе громкой славы опустошеніемъ Крымскаго полуострова, избавленіе христіанства отъ этого «ядовитаго, проклятаго и сквернаго исчадія», мщеніе за столь многія обиды, нанесенныя татарами русскимъ впродолженіе многихъ столѣтій, обогащеніе Россіи путемъ такого завоеванія. Гордонъ говорилъ, впрочемъ, и о затрудненіи, заключающемся въ томъ, что на пути въ Крымъ нужно идти нѣсколько дней безводною степью; но на это обстоятельство, которое впослѣдствіи оказалось самымъ важнымъ и опаснымъ, имъ не было обращено достаточнаго вниманія [1]).

Какъ видно, однако, нѣкоторыя соображенія Гордона впослѣдствіи оказались вполнѣ основательными. Неудавшіеся походы сильно не понравились Петру и, совершенно согласно съ опасеніями Гордона, навлекли гнѣвъ Петра на того самаго Голицына, для котораго Гордонъ писалъ свою записку. Опасенія Гордона относительно вражды и соперничества между вельможами также сбылись: во время отсутствія Голицына, другіе вельможи интриговали противъ него въ Москвѣ. Зато главная мысль Гордона, его вѣра въ успѣхъ войны, не нашла себѣ оправданія: онъ считалъ возможнымъ занятіе Крыма; но русскія войска даже не проникли туда ни въ 1687, ни въ 1689 году [2]).

Голицынъ не раздѣлялъ оптимизма Гордона, и на первыхъ порахъ прервалъ переговоры съ Польшею. Однако, нѣсколько недѣль позже, въ Москву пріѣхали цесарскіе дипломаты, Жировскій и Бломбергъ, которые объявили желаніе императора Леопольда, чтобъ великіе государи помогли противъ султана и отняли у послѣдняго правую руку — Крымъ. Переговоры не повели къ желанной цѣли, потому что Голицынъ считалъ невозможнымъ согласиться на

---

[1]) См. мое сочиненіе: «Патрикъ Гордонъ и его дневникъ», Спб. 1878, стр. 47.
[2]) Тамъ-же.

какое либо дѣйствіе до тѣхъ поръ, пока Польша не откажется отъ своихъ требованій относительно Кіева.

Вскорѣ, однако, положеніе дѣлъ измѣнилось. Польша, послѣ неудачныхъ военныхъ дѣйствій съ турками, сдѣлалась уступчивѣе.

Въ началѣ 1686 года, въ Москву пріѣхали знатные послы королевскіе, воевода познанскій, Гримультовскій, и канцлеръ литовскій, Огинскій. Семь недѣль продолжались переговоры, въ которыхъ Голицынъ принималъ личное участіе и при которыхъ онъ выказалъ замѣчательное дипломатическое искусство. Нѣсколько разъ переговоры прерывались, и польскіе дипломаты собирались уѣхать.

Поѣздъ знатной русской боярыни въ XVII столѣтіи.

С рисунка, сдѣланнаго въ 1674 г. шведомъ Пальмквистомъ.

Наконецъ, 21 апрѣля, заключенъ былъ вѣчный миръ. Польша уступила навсегда Россіи Кіевъ, а великіе государи обязались разорвать миръ съ султаномъ и ханомъ и сдѣлать нападеніе на Крымъ. Кромѣ того, было постановлено, что Россія, въ вознагражденіе за Кіевъ, должна заплатить Польшѣ 146,000 рублей [1]).

Успѣхъ русскаго дипломатическаго искусства считался тогда весьма замѣчательнымъ. Формальное пріобрѣтеніе Кіева на вѣчное время было важною выгодою. Разсказывали, что у Яна Собѣскаго, когда къ нему во Львовъ пріѣхали бояринъ Шереметевъ и окольничій Чаадаевъ за подтвердительною грамотою на договоръ московскій, навернулись на глазахъ слезы: жаль ему было отказаться отъ Кіева и другихъ мѣстъ, за которыя такъ спорили его предшественники. Зато Софья съ радостью возвѣстила народу: «ни-

[1]) Соловьевъ, XIV, 16. Подробности у Устрялова, I, 152—172.

когда еще при нашихъ предкахъ Россія не заключала столь прибыльнаго и славнаго мира, какъ нынѣ» и пр. Въ концѣ извѣщенія было сказано, что: «преименитая держава Россійскаго царства гремитъ славою во всѣ концы міра» [1]). Софья, однако, не объявила народу, что вѣчный миръ съ Польшею былъ купленъ довольно дорого,—обѣщаніемъ напасть на татаръ.

То обстоятельство, что именно послѣ заключенія упомянутаго договора Софья начала называть себя «самодержицею», свидѣтельствуетъ также о значеніи, приписываемомъ ею этому событію. Правительница, очевидно, не ожидала, что своими дѣйствіями приближала себя къ катастрофѣ.

Вообще же для Московскаго государства сближеніе съ Польшею дѣйствительно могло считаться большою выгодою. Нѣсколько лѣтъ позже поляки говорили: «надобно москалямъ поминать покойнаго короля Яна, что поднялъ ихъ и сдѣлалъ людьми военными, а еслибъ союза съ ними не заключилъ, то и до сей поры дань Крыму платили-бы, и сами валялись-бы дома, а теперь выполируются» [2]).

Спрашивалось: на сколько можно было ожидать успѣха въ войнѣ съ татарами? Воспоминанія о Чигиринскихъ походахъ не были утѣшительны. Война съ Турціею при царѣ Θеодорѣ кончилась тѣмъ, что Россія должна была просить мира [3]).

Въ противоположность мнѣнію, высказанному Юріемъ Крижаничемъ и Гордономъ, о выгодѣ союза съ Польшею, малороссійскій гетманъ Самойловичъ совѣтовалъ не надѣяться на Польшу и не начинать войны съ татарами. «Крыма никакими мѣрами не завоюешь и не удержишь», говорилъ онъ въ бесѣдѣ съ думнымъ дьякомъ Украинцевымъ. Затѣмъ онъ указывалъ на неурядицу въ русскомъ войскѣ во время Чигиринскихъ походовъ. «Бывало», разсказывалъ онъ, «велитъ бояринъ Ромодановскій идти какому нибудь полку на извѣстное мѣсто, куда необходимо, и отъ полковниковъ начнутся такіе крики и непослушанія, что трудно и выговорить». И какъ представитель православія, Самойловичъ порицалъ сближеніе съ католическими державами. Зато онъ указывалъ на необходимость рано или поздно помочь противъ турокъ православнымъ народамъ на Балканскомъ полуостровѣ, валахамъ, молдаванамъ, болгарамъ, сербамъ и грекамъ, разсчитывающимъ на покровительство Россіи. Что-же касается Польши, то Самойловичъ считалъ болѣе выгод-

---

[1]) Устряловъ, I, 169.
[2]) Соловьевъ, XIV, 231.
[3]) См. депешу Келлера въ соч. Поссельта: Lefort, I, 279.

нымъ союзъ съ татарами противъ Польши, нежели наоборотъ—союзъ съ Польшею противъ татаръ [1]).

Союзъ съ татарами былъ и оставался невозможнымъ. Послѣ разсказаннаго выше случая съ русскимъ дипломатомъ Таракановымъ, правительница велѣла объявить хану, что московскихъ посланниковъ онъ уже не увидитъ больше въ Крыму, а необходимые переговоры и пріемъ даровъ будутъ производиться на границѣ. Сближаясь послѣ этого съ Польшею, Софья требовала отъ хана, чтобы татары не нападали на Польшу, ханъ-же изъявлялъ, напротивъ того, желаніе, чтобы Россія возобновила войну съ Польшею.

Въ Москвѣ было рѣшено въ ближайшемъ будущемъ выступить въ походъ на Крымъ. Поэтому гетману Самойловичу, не переставшему проповѣдывать миръ съ татарами и войну съ поляками, черезъ окольничаго Неплюева сдѣланъ выговоръ за его «противенство»; ему было приказано «исполнять государское повелѣніе съ радостнымъ сердцемъ». Также и письмо отъ константинопольскаго патріарха Діонисія, умолявшаго царей не начинать войны съ турками, потому что въ такомъ случаѣ турки обратятъ свою ярость на греческихъ христіанъ, осталось безъ вниманія [2]). Еще осенью 1686 г. объявленъ былъ ратнымъ людямъ походъ на Крымъ. Въ царской грамотѣ говорилось, что походъ предпринимается для избавленія Русской земли отъ нестерпимыхъ обидъ и униженія: ни откуда татары не выводятъ столько плѣнныхъ, какъ изъ нея, продаютъ христіанъ, какъ скотъ, ругаются надъ вѣрою православною. Но этого мало: Русское царство платитъ бусурманамъ ежегодную дань, за что терпитъ стыдъ и укоризны отъ сосѣднихъ государей, а границъ своихъ этою данью все же не охраняетъ: ханъ беретъ деньги и безчеститъ русскихъ гонцовъ, раззоряетъ русскіе города; отъ турецкаго султана управы на него нѣтъ никакой.

Успѣхъ походовъ 1687 и 1689 годовъ не соотвѣтствовалъ смѣлости и предпріимчивости московскаго правительства. Въ 1687 году русскія войска даже не дошли до Перекопа; въ 1689 году они остановились у Перекопа и возвратились, не сдѣлавъ никакой попытки вторгнуться въ Крымъ. И въ томъ и въ другомъ походѣ русскому войску приходилось бороться не столько съ татарами, сколько съ климатомъ. Страшная жара, безводіе, невозможность прокормить людей и лошадей въ степи, а также нѣкоторая робость полководца, князя В. В. Голицына, сдѣлались причинами неудачи.

[1]) Соловьевъ. XIV, 23—28.
[2]) Тамъ-же, XIV, 37.

Какъ дипломатъ—Голицынъ успѣлъ оказать Россіи довольно важную услугу; какъ полководецъ—онъ не имѣлъ успѣха.

Впрочемъ, онъ уже съ самаго начала неохотно взялъ на себя главное начальство надъ войскомъ. Его безпокоила мысль, что многочисленные противники воспользуются его отсутствіемъ для крамолъ. Изъ переписки Голицына съ Шакловитымъ во время похода 1687 года видно, что опасенія враждебныхъ дѣйствій со стороны разныхъ вельможъ и желаніе по возможности скорѣе возвратиться въ столицу лишали его того спокойствія и той сосредоточенности, которыя столь необходимы для полководца.

Къ тому же, Голицыну приходилось бороться съ разными затрудненіями. Мобилизація войскъ, благодаря недостаткамъ военной администраціи, шла чрезвычайно медленно и неуспѣшно. Выступивъ въ походъ съ нѣкоторою частью войска, Голицынъ нѣсколько недѣль ждалъ на дорогѣ прибытія разныхъ полковъ. Многія тысячи не являлись; «нѣтчиковъ» было очень много. Къ тому же приходилось наказывать непослушаніе находившихся въ арміи царедворцевъ, не привыкшихъ къ дисциплинѣ и не желавшихъ подчиняться волѣ Голицына. Нужно было выхлопотать изъ Москвы полномочіе «поступать покрѣпче» съ непослушными. Когда, наконецъ, все войско выступило въ походъ, громадный обозъ служилъ чрезвычайнымъ затрудненіемъ. Насчитывалось до 20,000 повозокъ. Голицынъ доносилъ двору, «что онъ идетъ на Крымъ съ великимъ поспѣшеніемъ», и въ семь недѣль перешелъ не болѣе 300 верстъ. Къ этимъ затрудненіямъ присоединилась неохота гетмана малороссійскаго, Самойловича, и малороссійскихъ казаковъ участвовать въ походѣ. Казаки не желали вовсе завоеванія Крыма. Прежде они довольно часто воевали, какъ союзники татаръ, противъ Польши и Россіи. Каждый успѣхъ московскаго правительства усиливалъ ту власть, которая и безъ того старалась лишить казаковъ прежней вольности и уничтожить самостоятельность Малороссіи [1]).

Но гибельнѣе всего былъ степной пожаръ, ставшій роковымъ для всего похода. Едва-ли когда сдѣлается извѣстнымъ, кто былъ виновникомъ зажженія степной травы. Легко можетъ быть, что ее зажгли татары. Гордонъ, дневникъ котораго служитъ важнѣйшимъ источникомъ для исторіи этихъ походовъ [2]), говоритъ о слухѣ, что зажженіе степной травы, имѣвшее столь гибельныя послѣдствія для русскаго войска, было сдѣлано по распоряженію Самойловича; но

[1]) См. нѣкоторыя подробности въ моемъ сочиненіи о Гордонѣ, стр. 162—163.
[2]) Posselt. Tagebuch Gordon's, II, 161—201.

самъ онъ однако нигдѣ не указываетъ на гетмана, какъ на виновника этой мѣры. Напротивъ того, Лефортъ сомнѣвался въ измѣнѣ Самойловича. Въ новѣйшее время обвиненіе гетмана въ измѣнѣ считается клеветою [1]). Степной пожаръ могъ быть также и дѣломъ случая.

Московская улица въ концѣ XVII столѣтія.
Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи" Олеарія.

Какъ бы то ни было, вслѣдствіе степного пожара оказался недостатокъ въ кормѣ для лошадей; благодаря безводію, въ войскѣ начали свирѣпствовать болѣзни. Армія остановилась въ разстояніи 200 верстъ отъ Перекопа [2]). Здѣсь рѣшили отступить, хотя еще и не встрѣтили непріятеля.

Между тѣмъ, правительница сильно испугалась неудачи похода, потому что враги Голицына торжествовали. Она отправила къ войску

[1]) Устряловъ. Въ брошюрѣ Шлейзинга «Derer beiden Czaren in Russland Jwan und Peter Regimentsstab, Zittau 1693», а также въ брошюрѣ «Gespräche im Reiche der Todten» Leipzig, 1737, стр. 1184, сказано, что самъ Голицынъ велѣлъ зажечь степь (!).

[2]) По донесенію Голицыну—90 верстъ; по картамъ—200 верстъ.

Шакловитаго, который долженъ былъ посовѣтовать Голицыну уговорить донскихъ казаковъ сдѣлать нападеніе на Крымъ съ моря, а малороссійскихъ казаковъ—напасть на кизикерменскіе города, т. е. на турецкіе форты по Днѣпру и пр. Если-бы все это оказалось невозможнымъ, то Голицынъ долженъ былъ построить на Самарѣ и на Орели форты, «чтобъ впредь было ратямъ надежное пристанище, а непріятелямъ страхъ» [1]).

Голицынъ не исполнилъ ни одного изъ этихъ совѣтовъ и возвратился въ Москву. На пути онъ, кажется, принималъ дѣятельное участіе въ низверженіи гетмана Самойловича. Вслѣдствіе крамолъ, происходившихъ въ малороссійскомъ войскѣ, Самойловичъ былъ лишенъ званія гетмана и замѣненъ Мазепою. Для московскаго правительства эта перемѣна оказалась невыгодною. Самойловичъ былъ полезенъ и оказывалъ существенныя услуги Россіи. Онъ умеръ въ ссылкѣ, а одинъ изъ сыновей его былъ казненъ [2]). Разсказывали, что, при конфискаціи имущества Самойловича, Голицынъ успѣлъ присвоить себѣ нѣкоторыя драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія павшему гетману [3]). Изъ архивныхъ дѣлъ видно, что Голицынъ заставилъ новаго гетмана, Мазепу, подарить ему 10,000 рублей [4]).

Несмотря на полную неудачу похода, и полководецъ и войско были награждены. Голицыну дана золотая цѣнь и медаль вѣсомъ въ 300 червонцевъ; генералы и полковники также получили медали; даже солдаты были удостоены наградъ. Софья пышно и велерѣчиво, именемъ государей, возвѣстила русскому народу о необычайныхъ подвигахъ воеводъ и всего воинства, о поспѣшномъ сборѣ ратныхъ людей на указныхъ мѣстахъ, о быстромъ наступленіи на крымскіе юрты до самыхъ дальнихъ мѣстъ, о паническомъ ужасѣ хана и татаръ и пр. Были также приняты мѣры для распространенія и въ западной Европѣ ложныхъ слуховъ о необычайномъ успѣхѣ русскаго оружія въ борьбѣ съ татарами. Чрезъ посредство нидерландскаго дипломата, барона Келлера, въ голландскихъ газетахъ была напечатана составленная самимъ Голицынымъ реляція о Крымскомъ походѣ, гдѣ дѣйствія русскаго войска выставлялись въ самомъ выгодномъ свѣтѣ [5]). Однако въ то же самое

[1]) Соловьевъ, XIV, 41.

[2]) Гордонъ, II, 177 и слѣд. П. С. З. № 1254. Собр. гос. гр. и дог. IV, № 186. Устряловъ, I, 210. и слѣд. Нѣкоторыя частности см. въ донесеніяхъ Кохена въ «Русской Старинѣ» 1878, II. 123.

[3]) Нёвиль.

[4]) Устряловъ, I, 356.

[5]) Posselt. Lefort, I, 389.

время шведскій резидентъ Кохенъ доносилъ своему правительству, что въ Крымскомъ походѣ погибло не менѣе 40—50,000 человѣкъ [1]).

Положеніе московскаго правительства оказалось затруднительнымъ. Недоставало и денежныхъ средствъ для скораго возобновленія военныхъ дѣйствій [2]). Впродолженіе 1688 года были приняты нѣкоторыя мѣры къ подготовленію новаго похода. Была построена крѣпость Богородицкая на рѣкѣ Самарѣ, притокѣ Днѣпра. Это мѣсто должно было служить сборнымъ пунктомъ для войска и складомъ военныхъ снарядовъ; но окрестности его постоянно подвергались нападеніямъ татаръ. Носился слухъ, что новая крѣпость была построена также съ цѣлью отсюда наблюдать за дѣйствіями малороссійскихъ казаковъ и препятствовать ихъ сношеніямъ съ татарами [3]).

Нельзя было не думать о второмъ походѣ. Набѣги татаръ повторялись. Въ мартѣ 1688 года было уведено въ татарскій плѣнъ до 60,000 русскихъ [4]). Для Россіи было невыгодно, что въ это время Польша также воевала неудачно. На польскую помощь была плохая надежда; къ тому же опять узнали кое-что объ агитаціи поляковъ въ Малороссіи, а потомъ о намѣреніи польскаго правительства заключить сепаратный миръ съ Турціею. Тѣмъ болѣе странными кажутся надежды русскаго двора путемъ дипломатическихъ дѣйствій достигнуть важныхъ результатовъ.

Въ польскихъ дѣлахъ Главнаго Архива найдена царская грамата, заключающая въ себѣ наказъ русскому резиденту въ Польшѣ. Возницыну. Послѣднему велѣно объявить императорскому послу въ Варшавѣ, Жировскому, что московскій дворъ съ удивленіемъ услышалъ извѣстіе о склонности цесаря и польскаго короля заключить отдѣльный миръ съ Турціею; если же цесарь и король твердо рѣшились прекратить войну, то Россія потребуетъ отъ султана: 1) всѣхъ татаръ вывести изъ Крыма за Черное море, въ Анатолію, а Крымъ уступить Россіи; иначе никогда покоя ей не будетъ; 2) татаръ и турокъ при Азовскомъ морѣ также выселить, а Азовъ отдать Россіи; Кизикерменъ, Очаковъ и другіе города въ низовьяхъ днѣпровскихъ также уступить Россіи, или по крайней мѣрѣ разорить; 4) всѣхъ русскихъ и малороссійскихъ плѣнныхъ освободить, безъ всякаго выкупа и размѣна; 5) за убытки, причиненные на-

[1]) «Русская Старина», 1878, II, 122.

[2]) См. донесенія Келлера въ соч. Поссельта, I. 363, 368, 389.

[3]) Кохенъ, въ «Р. Старинѣ» 1878, II, 123.

[4]) См. о такихъ случаяхъ въ Дневникѣ Гордона, II, 209, 306, 307. 336 и пр.

*

бѣгами татаръ въ прежнее время, вознаградить двумя милліонами червонныхъ. Неизвѣстно, была ли эта грамата только черновымъ проектомъ. Трудно вѣрить, чтобы правительство могло серьезно думать о такихъ предложеніяхъ. Подобныхъ условій, замѣчаетъ Устряловъ, не предлагала и Екатерина II, предписывая Турціи миръ въ Кайнарджи. Можетъ быть, Софья только хотѣла увѣрить своихъ и чужихъ, что Россія пріобрѣла въ ея правленіе необычайныя силы [1]); можетъ быть, она надѣялась самоувѣренностью произвести нѣкоторое давленіе на Польшу. Во всякомъ случаѣ, изъ этого наказа видно, что московское правительство не придавало особеннаго значенія неудачному походу 1687 года или, по крайней мѣрѣ, что въ Россіи ожидали бо́льшаго успѣха отъ второго похода, въ 1689 г.

Время казалось удобнымъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ и татаръ. Австрійскія и венеціанскія войска именно тогда дѣйствовали весьма успѣшно въ Венгріи, въ Далмаціи и въ Мореѣ. Надежды южныхъ славянъ и вообще христіанъ Балканскаго полуострова на освобожденіе отъ турецкаго ига оживились. Бывшій константинопольскій патріархъ Діонисій, сверженный, какъ онъ писалъ, за уступку царскому желанію въ дѣлѣ о кіевской метрополіи, извѣщалъ царей, что теперь самое удобное время для избавленія христіанства отъ турокъ. Это письмо онъ отправилъ осенью 1688 года въ Москву, чрезъ архимандрита Аѳонскаго Павловскаго монастыря, Исаія. «Всякія государства», писалъ Діонисій, «и власти благочестивыхъ королей и князей православныхъ всѣ вмѣстѣ возстали на антихриста, воюютъ на него сухимъ путемъ и моремъ, а царство ваше дремлетъ. Всѣ благочестивые святого вашего царствія ожидаютъ, сербы и болгары, молдаване и валахи; возстаньте, не дремлите, придите спасти насъ». Исаія привезъ грамоту и отъ валахскаго господаря, Щербана Кантакузена, который тоже писалъ, что отъ русскихъ царей православные ожидаютъ избавленія своего изъ рукъ видимаго Фараона. Третья грамота такого же содержанія была отъ сербскаго нареченнаго патріарха Арсенія. Исаія объявилъ, что онъ пошелъ отъ всѣхъ грековъ и славянъ умолять великихъ государей воспользоваться удобнымъ временемъ для нападенія на турокъ. Это необходимо сдѣлать и для того, «чтобы не отдать православныхъ изъ бусурманской неволи въ неволю худшую. Церковь православно-греческую ненавидятъ папежники; которые города въ Венгріи и Мореѣ цесарскія и венеціанскія войска побрали у турокъ, повсюду въ нихъ папежники начали обращать православныя церкви

---

[1]) Устряловъ, I, 217.

къ уніи, другіе превращать въ костелы. Если римлянамъ посчастливится впередъ, достанутъ подъ свою власть православно-христіанскія земли; если возьмутъ самый Царь-градъ, то православные христіане въ большую погибель придутъ и вѣра православная искоренится.

Московская торговая лавка въ XVII столѣтіи.
Съ современной гравюры, находящейся въ „Путешествіи“ Олеарія.

Всѣ православные христіане ожидаютъ государскихъ войскъ съ радостью; да и турки, которые между ними живутъ, лучше поддадутся великимъ государямъ, чѣмъ нѣмцамъ, потому что всѣ они рождены отъ сербовъ, болгаръ и другихъ православныхъ народовъ».

Отъ имени Щербана, Исаія говорилъ, чтобы великіе государи послали войска свои въ Бѣлгородскую орду на Буджаки, и Дунаемъ въ судахъ прислали къ нему, Щербану, который съ семидесятитысячнымъ войскомъ придетъ на помощь къ русскимъ на Буджаки и пр.

Государи отвѣчали Діонисію и Щербану, что имѣютъ о всѣхъ православныхъ христіанахъ, живущихъ подъ игомъ поганскимъ, попеченіе неотмѣнное, и указали для того воеводъ своихъ со многими ратями на крымскіе юрты и пойдутъ войска самымъ раннимъ вешнимъ временемъ; а когда Крымъ будетъ раззоренъ, тогда удобно будетъ идти и на ту сторону Днѣпра, на Бѣлгородскую орду и за Дунай [1]).

Какъ видно, между Россіею и южно-славянскимъ православнымъ міромъ существовала солидарность. Уже Богданъ Хмѣльницкій говорилъ съ сочувствіемъ о православныхъ христіанахъ, терпящихъ бѣду и живущихъ въ утѣсненіи отъ безбожныхъ; Ордынъ-Нащокинъ выражалъ надежду на освобожденіе при помощи Россіи молдаванъ и валаховъ отъ турецкаго ига и на соединеніе «дѣтей одной матери, восточной церкви»; объ этомъ же говорили и польскіе, и русскіе дипломаты во время переговоровъ о мирѣ при царѣ Алексѣѣ; объ этомъ писалъ, и писалъ краснорѣчиво, Юрій Крижаничъ [2]).

Впослѣдствіи также не разъ повторялись призывы на помощь славянамъ, подданнымъ Турціи. И Петръ не оставался равнодушнымъ къ такого рода выраженіямъ сочувствія къ Россіи и надежды на ея могущество. Однако и при Петрѣ оказалось дѣломъ слишкомъ труднымъ освободить «дѣтей одной матери, восточной церкви», отъ турецкаго ига. Во время правленія Софьи, Россія располагала гораздо меньшими средствами. Правительница обѣщала послѣ занятія Крыма идти дальше, въ направленіи къ Дунаю; но Крымъ не былъ занятъ, и второй походъ Голицына былъ лишь немного удачнѣе перваго.

Уже до похода было замѣтно нѣкоторое раздраженіе въ обществѣ, гдѣ Голицынъ имѣлъ много враговъ. Разсказываютъ, что убійца бросился къ нему въ сани и едва былъ удержанъ слугами князя; убійцу казнили въ тюрьмѣ послѣ пытки, безъ огласки. Незадолго передъ отправленіемъ въ походъ, у воротъ Голицына найденъ былъ гробъ съ запискою, что, если и этотъ походъ будетъ такъ же неудаченъ, какъ первый, то главнаго воеводу ожидаетъ гробъ [3]). Баронъ Келлеръ доносилъ Генеральнымъ Штатамъ, что,

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 55—56.

[2]) См. мою статью: Юрій Крижаничъ о восточномъ вопросѣ. Въ «Древней и Новой Россіи» 1876, III, 386—388.

[3]) Въ брошюрѣ «Gespräche im Reiche der Todten» разсказана басня о страшномъ заговорѣ, въ которомъ будто участвовало не менѣе 300 юношей, готовыхъ убить Голицына. Соловьевъ, XIV, 58.

въ случаѣ неудачи и второго похода, можно ожидать повсемѣстнаго бунта. При этомъ онъ не считаетъ возможнымъ говорить подробнѣе о причинахъ такого раздраженія [1]).

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда правительство надѣялось на успѣхъ внѣшней политики, готовился переворотъ внутри государства.

Въ 1689 году, войска выступили въ походъ еще зимою, для избѣжанія сильной жары и безводія въ степи. Разливъ рѣкъ сначала затруднялъ движеніе арміи. Приходилось бороться съ громадными затрудненіями при перевозкѣ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ. Однако на этотъ разъ Голицыну все-таки удалось дойти до самаго Перекопа. На пути туда онъ, въ половинѣ мая, встрѣтился съ татарами. Произошло нѣсколько неважныхъ стычекъ; настоящаго сраженія не было, хотя Голицынъ въ своихъ донесеніяхъ и говорилъ о весьма важныхъ военныхъ дѣйствіяхъ.

20-го мая, войско, наконецъ, стало у Перекопа. Еще до этого продовольствіе арміи представляло, какъ мы сказали, большія затрудненія. По ту сторону сильно укрѣпленнаго перешейка разстилалась безводная степь. Тѣмъ не менѣе, войска ожидали распоряженія о нападеніи на татарскія укрѣпленія, какъ вдругъ неожиданно послѣдовало приказаніе отступить.

Дѣло въ томъ, что между татарскимъ ханомъ и княземъ Голицынымъ начались переговоры, результатомъ которыхъ было не заключеніе какаго либо договора, или перемирія, или мира, а отступленіе русскаго войска.

Голицынъ и его товарищъ, Неплюевъ, въ офиціальныхъ донесеніяхъ, а затѣмъ при судебномъ слѣдствіи, говорили, что не ими, а ханомъ были начаты переговоры; русскіе и поляки, находившіеся въ плѣну у татаръ, напротивъ, увѣряли, что иниціатива переговоровъ принадлежала не хану, а Голицыну. Трудно рѣшить, которое изъ этихъ показаній заслуживаетъ бо́льшаго довѣрія. Во всякомъ случаѣ, изъ подробнаго сопоставленія различныхъ данныхъ въ источникахъ можно заключить, что Голицынъ дѣйствовалъ самовластно и произвольно; при рѣшеніи вопроса о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ не спрашивали мнѣнія опытныхъ военачальниковъ, какъ, напр., Мазепы и Шепна; донесенія Голицына, посылаемыя въ Москву, не соотвѣтствовали самому ходу событій. Нельзя удивляться, что образъ дѣйствій Голицына въ данномъ случаѣ сильно содѣйствовалъ его паденію вскорѣ послѣ этого

[1]) Posselt. Lefort, I, 819.

неудачнаго похода. Слухъ о томъ, что Голицынъ былъ подкупленъ татарами, какъ кажется, лишенъ основанія. Источникомъ этого слуха служили въ особенности разсказы русскихъ, находившихся въ татарскомъ плѣну [1]).

Походъ 1689 года дорого обошелся Россіи. Лефортъ, участвовавшій въ немъ, писалъ къ своимъ родственникамъ въ Швейцаріи: «русскіе потеряли 20,000 человѣкъ убитыми и 15,000 взятыми въ плѣнъ, къ тому же 70 пушекъ и множество другихъ военныхъ снарядовъ» [2]). Изъ письма Гордона къ графу Эрролю также видно, что потеря была значительна и что отступленіе, во время котораго татары постоянно окружали русское войско, было сопряжено съ страшными опасностями и затрудненіями [3]).

Напрасно Голицынъ, ложными донесеніями и пышными фразами о своихъ подвигахъ, старался выставить походъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Въ русскомъ обществѣ знали довольно подробно о печальномъ исходѣ дѣла и о жалкой роли, которую играло войско, какъ это видно, между прочимъ, изъ чрезвычайно рѣзкихъ замѣчаній о походѣ Ивана Посошкова въ письмѣ къ бояриу Головину, отъ 1701 года [4]).

За границею московское правительство также старалось распустить слухъ о побѣдѣ, одержанной надъ татарами. Русскій резидентъ въ Варшавѣ, отправленный въ Вѣну и въ Венецію, долженъ былъ разсказывать тамъ о пораженіи татарскихъ ордъ, въ количествѣ до полутораста тысячъ человѣкъ, на поляхъ Колончацкихъ, о бѣгствѣ хана за Перекопъ и о всеобщемъ ужасѣ татаръ [5]). Общею молвою Голицынъ думалъ заглушить истину, и безславное осьмидневное бѣгство предъ татарами, сопряженное съ несметною потерею людей, лошадей, обозовъ, хотѣлъ выставить такимъ «побѣдительствомъ, какого издавна не бывало» [6]).

Во время похода, Софья не разъ писала къ Голицыну. Письма эти свидѣтельствуютъ о близкой связи, существовавшей между правительницею и княземъ. «Свѣтъ мой, братецъ Васенька!» сказано въ одномъ изъ этихъ писемъ, «здравствуй, батюшка мой, на многія лѣта! И паки здравствуй, Божіею и пресвятыя Богородицы

---

[1]) См. подробности о всемъ походѣ и о разсказахъ о подкупѣ у Устрялова, I, 217 и слѣд., а также мое сочиненіе о Голицынѣ въ журналѣ «Russische Revue», т. XIII. 298 и слѣд.

[2]) Posselt. Lefort, I, 399.

[3]) Tagebuch Gordon's, II, 259 и слѣд. III, 235 и слѣд.

[4]) Соч. Посошкова, изд. Погодинымъ, I, 280—281.

[5]) Памятники дипломатическихъ сношеній, X. 1374.

[6]) Устряловъ, I. 240.

милостію и твоимъ разумомъ и счастіемъ побѣдивъ Агаряне! Подай тебѣ, Господи, и впредь враги побѣждать! А мнѣ, свѣтъ мой, не вѣрится, что ты къ намъ возвратишься; тогда повѣрю, какъ увижу въ объятіяхъ своихъ тебя, свѣта моего», и пр. Когда Софья получила извѣстіе о предстоявшемъ возвращеніи Голицына въ Москву, она писала: «Свѣтъ мой, батюшка, надежда моя, здравствуй на многія лѣта! Зѣло мнѣ сей день радостенъ, что Господь Богъ прославилъ имя Свое святое, также и Матери Своея, пресвятыя Богородицы, надъ вами, свѣте мой! Чего отъ вѣка не слыхано, ни отцы наши повѣдоша намъ такого милосердія Божія. Не хуже Израильскихъ людей васъ Богъ извелъ изъ земли Египетскія: тогда черезъ Моисея, угодника Своего, а нынѣ чрезъ тебя, душа моя! Слава Богу нашему, помиловавшему насъ чрезъ тебя! Батюшка мой, чѣмъ платить за такіе твои труды неисчетные? Радость моя, свѣтъ очей моихъ! Мнѣ не вѣрится, сердце мое! чтобы тебя, свѣтъ мой, видѣть. Великъ бы мнѣ день тотъ былъ, когда ты, душа моя, ко мнѣ будешь. Если бы мнѣ возможно было, я бы единымъ днемъ тебя поставила предъ собою» и пр.

«Если-бъ ты такъ не трудился, никто бы такъ не сдѣлалъ» [1]), заключила Софья одно изъ своихъ писемъ къ Голицыну. Очевидно, она сама считала успѣхъ похода замѣчательнымъ. Опять, какъ и въ 1687 году, главнаго полководца и его товарищей въ Москвѣ ожидали награды.

Однако неудача сдѣлалась извѣстною. Несоотвѣтствіе между фактическимъ ходомъ дѣла и оффиціальными донесеніями о походѣ должно было повлечь за собою роковыя послѣдствія и для Голицына, и для правительницы. Недаромъ, въ 1684 году, Гордонъ въ своей запискѣ о Восточномъ вопросѣ замѣтилъ, что правители, начавъ неудачную войну, легко могутъ навлечь на себя гнѣвъ государей, какъ скоро они достигнутъ совершеннолѣтія.

Оказалось, что опасенія опытнаго генерала имѣли основаніе. Государственный переворотъ, жертвами котораго сдѣлались Софья и Голицынъ, былъ неминуемъ.

[1]) Устряловъ, I, 235 и 238.

ГЛАВА V.

Паденіе Софьи.

ПЕТРЪ, ВО ВСЕ ВРЕМЯ правленія Софьи, развѣ только при торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, по случаю пріема иностранныхъ пословъ, игралъ роль царя. Для Ивана и Петра былъ сдѣланъ двойной тронъ, на которомъ они сидѣли при подобныхъ церемоніяхъ.

Сохранилось извѣстіе о впечатлѣніи, произведенномъ въ 1683 году братьями на иностранцевъ при такомъ случаѣ. Путешественникъ Кемпферъ разсказываетъ слѣдующее. Старшій братъ, надвинувъ шапку на глаза, съ потупленнымъ взоромъ, сидѣлъ почти неподвижно; младшій смотрѣлъ на всѣхъ съ открытымъ, прелестнымъ лицомъ, на которомъ, при обращеніи къ нему рѣчи, безпрестанно играла кровь юношества. Дивная красота его, говоритъ Кемпферъ, плѣняла всѣхъ присутствовавшихъ, а живость приводила въ замѣшательство степенныхъ сановниковъ московскихъ. Когда посланникъ подалъ вѣрительную грамоту, и оба царя должны были встать въ одно время, чтобы спросить о королевскомъ здоровьѣ, младшій не далъ времени дядькамъ приподнять себя и брата, какъ требовалось этикетомъ, быстро всталъ съ своего мѣста, самъ приподнялъ царскую шапку и бѣгло заговорилъ обычный привѣтъ: «Его королевское величество, братъ нашъ, Каролусъ Свейскій, по

здорову-ль?» Петру было тогда съ небольшимъ 11 лѣтъ; по Кемпферу онъ показался не менѣе 16 лѣтъ [1]).

О жалкомъ впечатлѣніи, производимомъ царемъ Иваномъ, въ противоположность свѣжести и здоровью Петра, особенно подробно говоритъ цесарскій посолъ Хёвель (Hövel), бывшій въ Москвѣ, въ 1684 году [2]). Врачъ Рингуберъ, около этого же времени видѣвшій Петра, съ восхищеніемъ упоминаетъ о красотѣ и умѣ юнаго царя, замѣчая, что природа щедро одарила его [3]).

Нельзя удивляться тому, что, когда Гордонъ, въ 1684 году, находился въ Москвѣ и долженъ былъ имѣть аудіенцію при дворѣ, онъ ждалъ выздоровленія хворавшаго въ то время оспою царя Петра, чтобы не быть принятымъ однимъ Иваномъ. Когда Гордонъ былъ у послѣдняго, царь Иванъ былъ какъ-то печаленъ и оставался совершенно безмолвнымъ [4]).

Изъ донесеній барона Келлера Генеральнымъ Штатамъ видно, какъ сильно безпокоились иностранцы, проживавшіе въ Москвѣ, по случаю болѣзни Петра въ 1684 году. Когда онъ выздоровѣлъ, были устроены празднества, къ которымъ приглашались Голицынъ и другіе вельможи. Вообще, въ депешахъ Келлера часто говорится о Петрѣ, его занятіяхъ и увеселеніяхъ, о добрыхъ отношеніяхъ его къ брату Ивану и т. п. Въ 1685 году онъ пишетъ: «молодому царю нынѣ пошелъ тринадцатый годъ; онъ развивается весьма успѣшно, великъ ростомъ и держитъ себя хорошо; его умственныя способности замѣчательны; всѣ его любятъ. Особенное вниманіе онъ обращаетъ на военныя дѣла; безъ сомнѣнія, отъ него можно при совершеннолѣтіи ожидать храбрыхъ и славныхъ подвиговъ, въ особенности въ борьбѣ съ крымскими татарами [5]).

О солдатскихъ играхъ Петра во время правленія Софьи сохранились отчасти весьма недостовѣрныя данныя. Менѣе всего заслуживаютъ вниманія анекдоты о потѣшномъ войскѣ, служившемъ будто бы исходною точкою новой военной организаціи въ Россіи, и о мнимомъ значеніи въ этомъ дѣлѣ Лефорта. Въ настоящее время нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Петръ познакомился съ Лефортомъ не раньше, какъ послѣ государственнаго переворота

[1]) См. соч. Аделунга о баронѣ Мейербергѣ. Спб. 1827, стр. 349 и 350.

[2]) «Czarus Joannes ein gantz ungesunder contracter blinder Herr, dem die Haut gar uber die Augen gewachsen... wie dan nicht wol einzubilden, dass es also lange in duobus simul bestehen werde». Adelung, Übersicht der Reisenden in Russland. II. 373.

[3]) Adelung. II. 373.

[4]) Tagebuch Gordon's. II. 11.

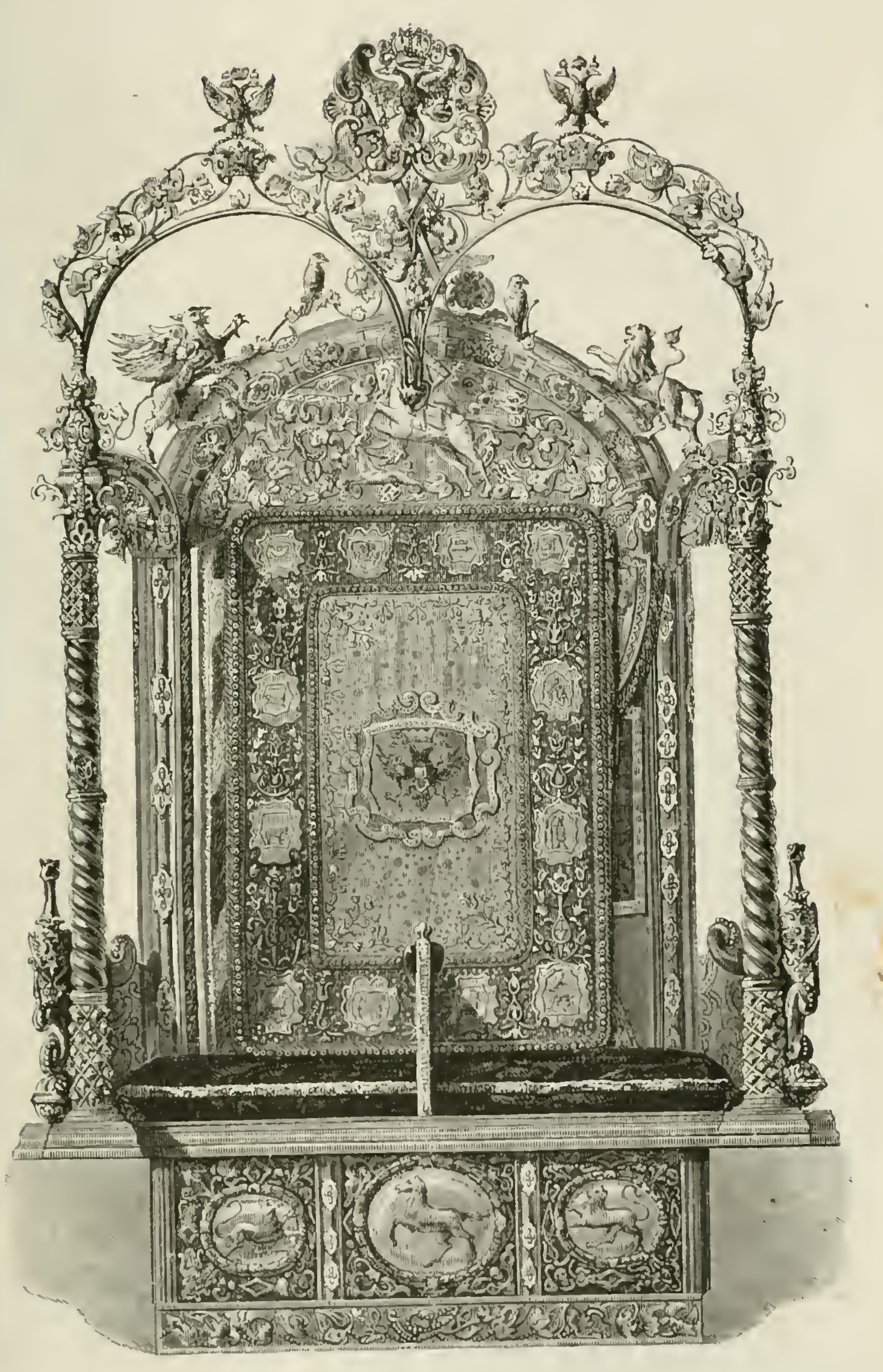
[5]) Posselt, Lefort. I. 406, 409, 410.

1689 года. Не разъ въ послѣднее время былъ изслѣдованъ вопросъ о времени начала потѣшнаго войска, вопросъ о томъ, должно ли отнести это начало къ 1682, или къ 1683, или же къ 1687 году, вопросъ, въ сущности, не особенно важный [1]).

Изъ архивныхъ данныхъ мы узнаемъ, что солдатскія игры, бывшія въ ходу, какъ мы видѣли, и до 1682 года, продолжались въ томъ же видѣ и послѣ кризиса, случившагося весною этого года. Молодому царю доставлялись барабаны, копья, знамена, деревянныя пушки, сабли и проч. Сохранились и имена нѣкоторыхъ лицъ, доставлявшихъ царю эти предметы; между ними встрѣчаются лица, занимавшія впослѣдствіи важные посты: Стрѣшневъ, Головкинъ, Шереметевъ, Борисъ Голицынъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ. Упоминается также о нѣмецкомъ офицерѣ Зоммерѣ, который, прибывъ въ Россію въ 1682 году, устроилъ, 30-го мая 1683 года, въ день рожденія Петра, въ селѣ Воробьевѣ потѣшную огнестрѣльную стрѣльбу предъ великимъ государемъ [2]).

Сохранились имена нѣкоторыхъ товарищей Петра въ потѣшномъ войскѣ; изъ нихъ только Меншиковъ сдѣлался знаменитостью [3]). Какъ кажется, въ 1687 году солдатскія игры Петра приняли бóльшіе размѣры. Число молодыхъ людей, въ нихъ участвовавшихъ, росло значительно. То въ Преображенскомъ, то въ Семеновскомъ, то въ селѣ Воробьевѣ, были устраиваемы маневры. Здѣсь именно и было положено начало русской гвардіи. По настоящее время, близъ села Преображенскаго еще сохранились слѣды сооруженной тогда небольшой крѣпости, носившей названіе Пресбурга [4]). Начиная съ 1688 года, Петръ не разъ обращался для укомплектованія своего войска къ генералу Гордону; 7-го сентября онъ чрезъ нарочнаго требовалъ, чтобы Гордонъ прислалъ ему изъ своего полка пять флейтщиковъ и столько же барабанщиковъ. Василій Васильевичъ Голицынъ былъ крайне недоволенъ, что эти люди были отправлены къ царю безъ его вѣдома. Вскорѣ послѣ этого, Петръ вновь потребовалъ еще нѣсколько барабанщиковъ, и Гордонъ, одѣвъ пять человѣкъ въ голландское платье, отправилъ ихъ къ царю. Очевидно, Гордонъ понималъ, что угождать Петру — дѣло выгодное. Въ борьбу партій, о которой Гордонъ пишетъ уже осенью 1688 года, онъ не вмѣшивался, но зато искалъ случаевъ доставлять

[1]) См. Устрялова, I, 23—25 и 327—331, а также Погодина, стр. 149—811.
[2]) Погодинъ, 100 и слѣд.
[3]) Posselt, I, 406, гдѣ указано на изслѣдованія генерала Рача.
[4]) Тамъ же, 1, 412.

Тронъ царей Петра и Ивана Алексѣевичей.
Съ рисунка, находящагося въ „Древностяхъ Россійскаго Государства“.

удовольствіе юному царю. 9-го октября, осматривая свой полкъ въ слободѣ, онъ выбралъ 20 флейтщиковъ и 30 маленькихъ барабанщиковъ «для обученія». Очевидно, эти люди были назначены для потѣшнаго войска Петрова. 13-го ноября потребовали всѣхъ барабанщиковъ Гордонова полка къ царю Петру, и сверхъ того 10 человѣкъ взяты въ конюхи [1]).

Изъ этихъ данныхъ видно, что военныя игры Петра принимали все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры и обращали на себя вниманіе современниковъ [2]). Любопытно, что юный царь, при всемъ этомъ, нуждался въ помощи и наставленіи иностранцевъ. Въ качествѣ полковника Преображенскаго потѣшнаго войска, упоминается лифляндецъ Менгденъ. Врачемъ Петра въ это время былъ голландецъ фанъ-деръ-Гульстъ.

Петръ самъ впослѣдствіи разсказывалъ подробно, въ введеніи къ Морскому регламенту, о началѣ морского дѣла въ Россіи, какъ послѣ постройки, въ царствованіе царя Алексѣя, корабля «Орелъ» оставались жить въ Москвѣ нѣкоторые иностранцы, и между ними корабельный пло̀тникъ Карстенъ Брантъ, затѣмъ, какъ онъ, Петръ, просилъ отправляемаго во Францію князя Долгорукаго купить ему астролябію и, наконецъ, какъ онъ, гуляя въ Измайловѣ, нашелъ въ амбарѣ англійскій ботъ и проч. [3]).

При этихъ случаяхъ, чрезъ посредство доктора фанъ-деръ-Гульста, онъ познакомился съ Карстеномъ Брантомъ и съ голландцемъ Францемъ Тиммерманомъ. Начались потѣшныя поѣздки, сначала по рѣкѣ Яузѣ, затѣмъ на Просяномъ прудѣ, наконецъ, на Переяславскомъ озерѣ, а потомъ уже появилась охота видѣть и море.

Брантъ и Тиммерманъ, люди скромные, простые ремесленники, представители средняго класса, сдѣлались товарищами и наставниками царя. Въ послѣднемъ развилась охота учиться геометріи и фортификаціи. Сохранились и учебныя тетради Петра, когда онъ, подъ руководствомъ Тиммермана, изучалъ ариѳметику и геометрію; тетради, писанныя рукою нетвердою, очевидно непривычною, безъ всякаго соблюденія правилъ тогдашняго правописанія, со множествомъ описокъ, недописокъ и всякаго рода ошибокъ. Свидѣтельствуя съ одной стороны, какъ было небрежно воспитаніе Петра, который на шестнадцатомъ году едва умѣлъ выводить, съ

[1]) Дневникъ Гордона, II, 227, 231, 236.

[2]) См. также нѣкоторыя данныя о поставкѣ въ Преображенское и въ Коломенское разныхъ предметовъ, какъ-то: пороху, кремней, шомполовъ, свинцу и пр. у Погодина, 112.

[3]) Устряловъ, II, 398—399.

[illegible] въ [illegible] корабли- [illegible] для [illegible] ба- [illegible] Петру и [illegible] 10 [illegible]

[illegible] Петра прини- [illegible] себя [illegible] при всемъ этомъ. [illegible] качествѣ [illegible] голландецъ [illegible]

[illegible] подробно. [illegible] Россiи. [illegible] корабли [illegible] и между ними [illegible] Петра. [illegible]

[illegible]

[illegible]

Село Измайлово въ XVIII столѣтіи.

Съ весьма рѣдкой современной гравюры.

очевиднымъ трудомъ, буквы. онѣ, съ другой стороны, удостовѣряютъ, съ какимъ жаромъ, съ какою понятливостью принялся онъ за науки и какъ быстро переходилъ отъ первыхъ началъ ариометики до труднѣйшихъ задачъ геометріи [1]).

Въ это время нѣкоторымъ образомъ роль дядьки юнаго царя Петра игралъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, двоюродный братъ Василія Васильевича. Баронъ Келлеръ, въ донесеніи 1686 года, называетъ его «близкимъ совѣтникомъ и другомъ» царя. И онъ, подобно Василію Васильевичу Голицыну, принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ вельможъ, которые находились въ довольно оживленныхъ сношеніяхъ съ жителями Нѣмецкой слободы и владѣли разными языками. Келлеръ, Лефортъ, Гордонъ отзывались довольно выгодно о Борисѣ Голицынѣ; они знали его короче, чѣмъ Нёвиль, называвшій его неучемъ, человѣкомъ безъ всякаго стремленія къ образованію, пьяницею. Изъ дневника Корба мы узнаемъ, что дѣти Бориса Алексѣевича воспитывались польскими наставниками и что въ его домѣ проживали польскіе музыканты [2]). Изъ введенія къ изданной въ Оксфордѣ, въ 1696 году, и посвященной князю Борису Голицыну грамматикѣ русскаго языка видно, что онъ считался хорошимъ знатокомъ латинскаго языка. Въ его письмахъ къ царю Петру мѣстами встрѣчаются латинскія слова и выраженія. Можно думать, что Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ своимъ образованіемъ далеко уступалъ Василію Васильевичу Голицыну. Однако мы знаемъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ весьма тщательно образованнымъ Андреемъ Артамоновичемъ Матвеевымъ, съ датскимъ резидентомъ Бутенантомъ фонъ-Розенбушемъ и другими лицами, принадлежавшими къ лучшему обществу того времени. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ любилъ попойки, и въ этомъ отношеніи былъ также товарищемъ Петра. Для послѣдняго особенно важнымъ обстоятельствомъ было то, что связи, наклонности и общественное положеніе Бориса Голицына доставили ему возможность служить посредникомъ между юнымъ царемъ и жителями Нѣмецкой слободы, которымъ было суждено сдѣлаться наставниками царя.

О матери Петра, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, мы знаемъ только, что она въ это время была недовольна прогулками Петра на подѣ [3]) и, какъ увидимъ ниже, раздражалась образомъ дѣй-

---

[1]) Устряловъ, II, 19.

[2]) Korb. Diarium itineris, 65.

[3]) См. письма Петра къ матери, у Устрялова, II, 29.

ствій Софьи. Она женила Петра, быть можетъ, въ надеждѣ, что онъ привыкнетъ сидѣть дома, вмѣсто того чтобы заниматься постройкою судовъ въ Переяславлѣ. Невѣстой молодому царю была избрана Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, дочь окольничьяго Ѳеодора Абрамовича, и 27-го января 1689 года состоялось бракосочетаніе.

Правительница Софья видѣла, какъ выросталъ ея братъ, Петръ, между тѣмъ, какъ царь Иванъ, впрочемъ, также женившійся въ это время, въ нѣкоторомъ смыслѣ всегда оставался несовершеннолѣтнимъ; можно было ожидать, что Петръ скоро будетъ въ состояніи взять въ руки бразды правленія. Есть основаніе думать, что вслѣдствіе этого Софья мечтала, какъ бы удержать за собою хотя нѣкоторую долю власти; она приняла мѣры для превращенія, буде возможно, двоевластія въ троевластіе. Тотчасъ же послѣ заключенія вѣчнаго мира съ Польшею, она присвоила себѣ титулъ самодержицы [1]). Съ того времени, всѣ правительственныя бумаги являлись съ означеннымъ титуломъ. Въ этомъ чрезвычайно смѣломъ дѣйствіи царевны заключалось нарушеніе правъ братьевъ ея. Софья своимъ поступкомъ надѣлала шуму. Баронъ Келлеръ доносилъ своему правительству: «здѣсь сомнѣваются, чтобы младшій царь, достигнувъ совершеннолѣтія, оставался доволенъ такимъ поступкомъ» [2]). Мы не знаемъ, какъ думалъ самъ Петръ объ этомъ дѣлѣ; зато сохранилось извѣстіе о рѣзкомъ замѣчаніи, сдѣланномъ по этому поводу царицею Натальею Кирилловною. «Для чего учала она», сказала царица о Софьѣ, «писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть, и того дѣла не покинутъ» [3]).

Пока, однако-жь, никакой открытой борьбы не было. Софья начала дѣйствовать еще смѣлѣе. Наканунѣ дня св. митрополита Алексѣя, 19-го мая 1686 года, она торжественно явилась передъ народомъ, какъ никогда не являлись даже царицы. Рядомъ съ царями она стояла въ храмѣ и вообще участвовала во всей церемоніи въ Чудовомъ монастырѣ. Такіе случаи повторялись чаще и чаще.

Все это возбуждало негодованіе въ кругу приверженцевъ и родственниковъ царя Петра. Особенно рѣзко высказывались относительно образа дѣйствій царевны князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ. Клевреты Софьи, узнавъ

---

[1]) П. С. З., № 1187.

[2]) Posselt, I, 410.

[3]) Устряловъ, II, 35—36.

[illegible] что [illegible] по- [illegible] была [illegible]

[illegible] въ [illegible] въ со- [illegible]

[illegible]

[illegible]

Петръ I въ селѣ Измайловѣ.

Съ картины Мясоѣдова. Гравюра Кезеберга и Эртеля въ Лейпцигѣ.

объ этомъ, сильно безпокоились и находились въ раздраженіи. Утѣшая Софью, Шакловитый говаривалъ: «чѣмъ тебѣ, государыня, не быть, лучше царицу известь». Даже Василій Васильевичъ Голицынъ, какъ разсказывали, выразилъ такую же мысль, замѣчая: «для чего и прежде вмѣстѣ съ братьями ея не уходили? Ничего бы теперь не было». Шакловитый, склонный къ энергичнымъ дѣйствіямъ, распорядился объ арестованіи нѣкоторыхъ подозрительныхъ людей и собственноручно пыталъ ихъ за то, что они сожалѣли о номинальномъ лишь царствованіи Петра. Лицъ, неосторожно выражавшихъ свою безусловную приверженность Петру, наказывали строго — вырѣзываніемъ языка, отсѣченіемъ пальцевъ и т. п.

Опять, какъ въ 1682 году, начались тайныя сношенія между Софьею и стрѣльцами. Въ августѣ 1687 года, въ селѣ Коломенскомъ, она сказала Шакловитому: «если бы я вздумала вѣнчаться царскимъ вѣнцомъ, провѣдай у стрѣльцовъ, какая будетъ отъ нихъ отповѣдь». Отвѣтъ стрѣльцовъ былъ уклончивый; они не хотѣли подать челобитную о принятіи Софьею короны.

Всѣ подробности этихъ событій сдѣлались извѣстными позднѣе, въ 1689 году, изъ слѣдствія, произведеннаго надъ Шакловитымъ и его товарищами, источника довольно мутнаго. Показанія, данныя въ застѣнкѣ, нельзя считать вполнѣ соотвѣтствующими фактамъ. Но все-таки, не обращая вниманія на частности, мы, благодаря этимъ даннымъ, не можемъ сомнѣваться въ самомъ существованіи агитаціи, интригъ, направленныхъ противъ приверженцевъ и родственниковъ царя Петра, и связяхъ, возникшихъ между правительницею и стрѣльцами.

Какъ кажется, Софья и ея приверженцы распространяли слухи о мнимомъ заговорѣ Натальи Кирилловны, Бориса Голицына и патріарха противъ Софьи и говорили о необходимости мѣръ противъ заговорщиковъ. Разными способами старались вооружить стрѣльцовъ не столько противъ самого Петра, сколько противъ его матери. Однако, какъ кажется, и жизнь самого Петра находилась въ нѣкоторой опасности. Когда, въ 1697 году, казнили полковника Цыклера за покушеніе на жизнь Петра, онъ, передъ казнью, сдѣлалъ слѣдующее показаніе: «передъ Крымскимъ первымъ походомъ царевна его призывала и говаривала почасту, чтобъ онъ съ Ѳедькою Шакловитымъ надъ государемъ учинилъ убійство. Да и въ Хорошовѣ, въ нижнихъ хоромахъ, призвавъ его къ хоромамъ, царевна въ окно говорила ему про то-жъ, чтобъ съ Шакловитымъ надъ государемъ убійство учинилъ, а онъ ей въ томъ отказалъ»

и проч. [1]). Филиппъ Сапоговъ, бывшій въ числѣ главныхъ клевретовъ Софьи, при слѣдствіи 1689 года, упорно уличалъ Шакловитаго въ посягательствѣ на жизнь Петра. «Много разъ подговаривалъ меня Шакловитый», извѣщалъ Сапоговъ при розыскѣ, «какъ пойдетъ царь въ походъ, бросить на пути ручныя гранаты, или украдкою положить ихъ въ потѣшныя сани; также зажечь ночью нѣсколько дворовъ въ Преображенскомъ и во время смятенія умертвить государя». Шакловитый запирался въ умыслѣ на жизнь Петра [2]). Какъ бы то ни было, если даже мысль о покушеніи на жизнь Петра можетъ подлежать сомнѣнію, то нельзя сомнѣваться въ честолюбивыхъ умыслахъ Софьи.

Былъ сдѣланъ портретъ Софьи въ коронѣ, съ державою и скипетромъ и надписью, въ которой Софья названа «самодержицею». Вокругъ этой надписи Шакловитый съ Медвѣдевымъ придумали аллегорическія изображенія семи даровъ духа или добродѣтелей царевны: разума, цѣломудрія, правды, надежды, благочестія, щедроты и великодушія. Съ этого портрета печатались оттиски на атласѣ, тафтѣ, объяри, также на бумагѣ и раздавались разнымъ людямъ. Одинъ оттискъ портрета былъ посланъ въ Голландію, къ амстердамскому бургомистру Витзену, съ просьбою снять съ него копію и надписать полное именованіе царевны вмѣстѣ съ виршами на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, чтобы, по словамъ Шакловитаго, «такая же была слава великой государынѣ за моремъ, въ иныхъ земляхъ, какъ и въ Московскомъ государствѣ». Витзенъ исполнилъ это желаніе, и болѣе сотни отпечатанныхъ въ Голландіи оттисковъ прислалъ въ Москву [3]).

Между тѣмъ, для многихъ становилось очевиднымъ, что распря между Софьею и Петромъ приближается къ развязкѣ. Уже въ сентябрѣ 1688 года, Гордонъ въ своемъ дневникѣ употребляетъ выраженіе «партіи», говоря о приверженцахъ Петра и о клевретахъ Софьи. Такъ, напримѣръ, мы узнаемъ, что Петръ призвалъ къ себѣ одного подъячаго и разспрашивалъ его, что, какъ замѣчаетъ Гордонъ, возбудило неудовольствіе «другой партіи». Довольно характеристично слѣдующее обстоятельство: Петръ, 23-го ноября 1688 года, отправился на богомолье въ одинъ изъ монастырей въ окрестностяхъ столицы; онъ возвратился оттуда 27-го ноября, а три дня спустя, туда же отправились царь Иванъ и Софья. Есть еще другой фактъ, рисующій намъ антагонизмъ между Софьею и Пет-

[1]) Соловьевъ, XIV, 248.
[2]) Устряловъ, II, 37—45.
[3]) Тамъ-же, II, 47.

ромъ. 29-го іюня 1689 года у Гордона отмѣчено: «хотя въ этотъ день были имянины младшаго царя, но никакого празднества не было».

Иностранцы ожидали, что Петръ скоро станетъ принимать участіе въ дѣлахъ. Баронъ Келлеръ писалъ, 13-го іюля 1788 года: «молодой царь начинаетъ обращать на себя вниманіе умомъ, свѣдѣніями и физическимъ развитіемъ; онъ ростомъ выше всѣхъ царедворцевъ. Увѣряютъ, что его скоро допустятъ къ исполненію суверенной власти. При такой перемѣнѣ, дѣла примутъ совершенно иной оборотъ» [1]).

Уже въ январѣ 1688 года, Петръ участвовалъ въ засѣданіи думы [2]). Шведскій дипломатъ Кохенъ, въ письмѣ отъ 16-го декабря 1687 года, замѣчаетъ: «теперь царя Петра стали ближе знать, такъ какъ Голицынъ обязанъ нынѣ докладывать его царскому величеству о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, чего прежде не бывало»; въ письмѣ отъ 10-го февраля 1688 года: «Петръ посѣщаетъ думу и, какъ говорятъ, недавно ночью секретно разсматривалъ всѣ приказы»; въ письмѣ отъ 11-го мая 1688 года: «кажется, что любимцы и сторонники царя Петра отнынѣ примутъ участіе въ управленіи государствомъ; нѣсколько дней тому назадъ братъ матери его, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, пожалованъ въ бояре» и проч. [3]). Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ другимъ даннымъ, Петра въ это время занимали болѣе военныя игры и прогулки на водѣ, нежели государственныя дѣла.

И въ чужихъ краяхъ удивлялись такому странному соцарствованію трехъ лицъ, какое учредилось тогда въ Россіи. Когда русскій посланникъ Волковъ сообщилъ въ Венеціи, что царевна Софья «соцарствуетъ», одинъ изъ сенаторовъ замѣтилъ: «дожъ и весь сенатъ удивляются, какъ служатъ ихъ царскому величеству подданные ихъ, такимъ превысокимъ и славнымъ тремъ персонамъ государскимъ». Нужно было ожидать случая, когда для подданныхъ окажется невозможнымъ служить вмѣстѣ «тремъ персонамъ». Такимъ случаемъ могло быть любое несогласіе между «тремя персонами».

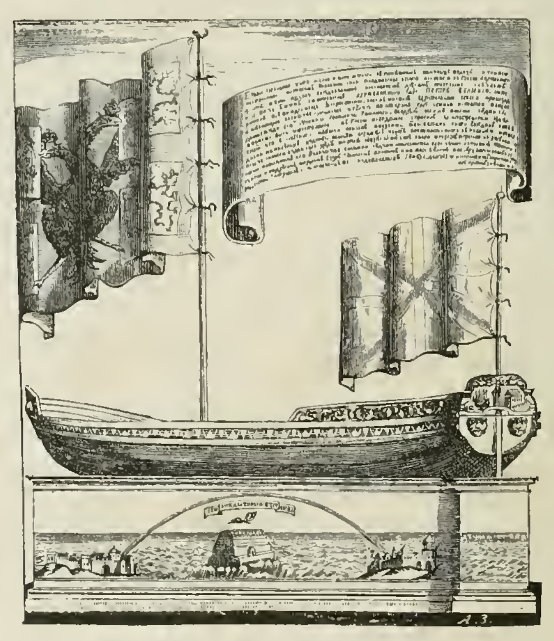
Окончательный разладъ обнаружился около того времени, когда войска возвратились изъ втораго Крымскаго похода. 8-го іюля 1689 года, былъ крестный ходъ, по случаю праздника Казанской Божіей

[1]) Possell, I, 415.

[2]) Объ этомъ пишутъ Келлеръ и Гордонъ.

[3]) См. донесенія Кохена, сообщенныя К. А. Висковатовымъ въ «Русской Старинѣ», сентябрь, 1878, II, 124 и слѣд.

Матери. Когда кончилась служба и подняли иконы, Петръ сказалъ Софьѣ, чтобы она въ ходъ не ходила. Она не послушалась, взяла образъ, сама понесла и явилась народу въ полномъ сіяніи смиреннаго благочестія. Петръ вспыхнулъ, не пошелъ за крестами и уѣхалъ изъ Москвы. 25-го іюля, праздновалось тезоименитство старшей изъ царевенъ, Анны Михайловны. Петра ждали въ Москву. Шакловитый приказалъ стрѣльцамъ, въ числѣ 50 человѣкъ, быть въ Кремлѣ съ ружьями и стать близъ Краснаго Крыльца, подъ предлогомъ охраненія царевны отъ умысла потѣшныхъ. Однако

Измайловскій ботикъ.
Въ настоящемъ его видѣ.

столкновенія не произошло. Петръ пріѣхалъ, поздравилъ тетку и уѣхалъ обратно въ Преображенское [1]).

Въ это же время, между Софьею и Петромъ возникъ споръ по поводу Крымскаго похода. Правительница желала наградить Голицына, Гордона и другихъ военачальниковъ. Петръ не соглашался на это. Только 26-го іюля, его съ трудомъ уговорили дозволить раздачу наградъ. Гнѣвъ Петра обнаружился въ тотъ самый день, когда онъ не хотѣлъ допустить къ себѣ полководцевъ и офице-

[1]) Устряловъ, II, 50—51.

ровъ для выраженія благодарности за полученныя награды. Гордонъ въ своемъ дневникѣ сообщаетъ о разныхъ слухахъ, распространившихся въ офицерскихъ кружкахъ: каждый понималъ, что Петръ не-хотя согласился на эти награды, и всѣ предвидѣли при дворѣ катастрофу. Никто, однако, замѣчаетъ Гордонъ, не смѣлъ говорить о томъ, хотя всѣ знали о случившемся [1]).

Москва и Преображенское представляли какъ бы два враждебные лагеря. Обѣ партіи ожидали другъ отъ друга нападенія и обвиняли другъ друга въ самыхъ ужасныхъ умыслахъ.

Партія Петра взяла верхъ. Побѣжденные, при слѣдствіи, произведенномъ послѣ развязки, явились подсудимыми. При тогдаш-

„Fortuna", ботикъ Петра I на Переяславскомъ озерѣ.

Въ настоящемъ его видѣ.

немъ состояніи судопроизводства, мы не можемъ надѣяться на точную справедливость показаній въ застѣнкѣ. Поэтому мы не имѣемъ возможности опредѣлить мѣру преступленій противниковъ Петра и не можемъ считать доказаннымъ намѣреніе послѣднихъ убить самого царя; зато нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣятельность Шакловитаго была направлена преимущественно противъ матери и дяди Петра, а также противъ Бориса Голицына. Нельзя, далѣе, сомнѣваться въ томъ, что, при ожесточеніи враждебныхъ партій, опасность кровопролитія была близка. Правительница располагала стрѣльцами, партія Петра — потѣшнымъ войскомъ. Нельзя удивляться тому, что послѣдняя считала себя слабѣйшею. Этимъ объясняется удаленіе Петра и его приверженцевъ въ Троицкій монастырь.

7-го августа, стрѣльцы густою толпою собрались у Кремля. Мы не въ состояніи утверждать, что они были созваны съ цѣлью

---

[1]) Tagebuch Gordon's, II, 267.

сдѣлать нападеніе на Преображенское. Быть можетъ, Софья считала эту мѣру необходимою для обороны, въ случаѣ нападенія потѣшнаго войска на Кремль. Когда, два дня спустя, Петръ велѣлъ спросить правительницу, съ какою цѣлью она собрала около себя столько войска, она возразила, что, намѣреваясь отправиться на богомолье въ какой-то монастырь, считала нужнымъ созвать стрѣльцовъ для ея сопровожденія [1]).

Какъ бы то ни было, созваніе войска сдѣлалось поводомъ къ окончательному разладу. Ночью явились въ Преображенскомъ нѣкоторые стрѣльцы и другія лица [2]) съ извѣстіемъ, что въ Москвѣ «умышляется смертное убійство на великаго государя и на государыню царицу». Петра немедленно разбудили; онъ ужасно перепугался. Гордонъ разсказываетъ: «Петръ прямо съ постели, не успѣвъ надѣть сапогъ, бросился въ конюшню, велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь, вскочилъ на нее и скрылся въ ближайшій лѣсъ; туда принесли ему платье; онъ на-скоро одѣлся и поскакалъ, въ сопровожденіи немногихъ лицъ, въ Троицкій монастырь, куда, измученный, пріѣхалъ въ 6 часовъ утра. Его сняли съ коня и уложили въ постель. Обливаясь горькими слезами, онъ разсказалъ настоятелю лавры о случившемся и требовалъ защиты. Стража царя и нѣкоторые царедворцы въ тотъ же день прибыли въ Троицкій монастырь. Въ слѣдующую ночь были получены кое-какія извѣстія изъ Москвы. Внезапное удаленіе царя распространило ужасъ въ столицѣ, однако клевреты Софьи старались держать все дѣло въ тайнѣ или дѣлали видъ, будто оно не заслуживаетъ вниманія».

Какъ видно, Петръ прежде всего думалъ о своей личной безопасности и даже въ первомъ испугѣ не заботился о спасеніи своихъ родственниковъ. Для него, такъ же, какъ и для Софьи въ 1682 году, Троицкій монастырь сдѣлался убѣжищемъ: тутъ можно было защищаться и, въ случаѣ необходимости, выдержать осаду.

Спрашивалось теперь, которое изъ двухъ правительствъ, московское или троицкое, возьметъ верхъ, т. е. будетъ признано народомъ, общимъ мнѣніемъ, за настоящій государственный центръ. Вопросъ этотъ оставался открытымъ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль, отъ начала августа до половины сентября. Однако, очень скоро послѣ появленія Петра въ Троицкой лаврѣ, обнаруживается нѣкоторый перевѣсъ юнаго царя, главнымъ совѣтникомъ котораго въ это время былъ Борисъ Голицынъ. Къ людямъ разсчетливымъ,

---

[1]) Tagebuch Gordon's, II, 268.
[2]) Устряловъ, II, 58. О другихъ лицахъ сказано у Гордона, II, 268.

предвидѣвшимъ торжество Петра, принадлежалъ и полковникъ Цыклеръ, до тѣхъ поръ пользовавшійся довѣріемъ правительницы. Онъ съумѣлъ устроить дѣло такъ, что въ Москвѣ было получено приказаніе Петра немедленно отправить къ нему въ Троицкую лавру Цыклера съ 50 стрѣльцами. Послѣ нѣкоторыхъ «совѣщаній и отговорокъ», какъ разсказываетъ Гордонъ, въ Москвѣ рѣшились отправить Цыклера въ лавру. Здѣсь онъ, разумѣется, сдѣлалъ довольно важныя сообщенія относительно замысловъ Софьи и ея клевретовъ. Его показанія—имъ даже была подана записка—не дошли до насъ. Нельзя считать вѣроятнымъ, чтобы показанія человѣка, измѣнившаго Софьѣ, а впослѣдствіи и Петру, вполнѣ соотвѣтствовали истинѣ.

Въ Москвѣ тѣмъ временемъ показывали видъ, что не придаютъ никакого значенія удаленію Петра въ лавру. «Вольно же ему», говорилъ Шакловитый о Петрѣ, въ тонѣ презрѣнія, «взбѣсяся, бѣгать». Однако Софья все-таки считала нужнымъ принять мѣры для примиренія съ братомъ. Съ этой цѣлью она отправила въ лавру, одного за другимъ, боярина Троекурова, князя Прозоровскаго, наконецъ, патріарха Іоакима.

Между тѣмъ, царь, получивъ съ разныхъ сторонъ извѣстія о намѣреніяхъ сестры, приказалъ, чтобы стрѣльцы и прочія войска тотчасъ же были отправлены къ нему въ лавру. Софья, напротивъ, велѣла созвать во дворецъ всѣхъ полковниковъ со многими рядовыми и объявила имъ, чтобы они не мѣшались въ распрю ея съ братомъ и къ Троицѣ не ходили. Полковники недоумѣвали, колебались. Софья сказала имъ: «кто осмѣлится идти къ Троицѣ, тому велю я отрубить голову». То же объявлено и въ солдатскихъ полкахъ. Генералу Гордону, начальнику Бутырскаго полка, самъ Голицынъ сказалъ, чтобы онъ безъ указа не трогался изъ Москвы.

Петръ повторилъ приказаніе, немедленно отправить къ нему войско, но въ Москвѣ нарочно былъ распространенъ слухъ, что эти мнимыя приказанія присланы безъ вѣдома царя. Такимъ образомъ, до конца августа, въ Троицкой лаврѣ находилось немного войска. Однако Софья все-таки считала нужнымъ, послѣ того какъ посланные въ Троицу для объясненій клевреты ея, Троекуровъ и Прозоровскій, не имѣли успѣха, отправить для переговоровъ патріарха. Іоакимъ поѣхалъ и нашелъ для себя выгоднымъ остаться у Петра. Такого рода случаи, безъ сомнѣнія, должны были дѣйствовать сильно на общественное мнѣніе.

27-го августа, въ Троицкую лавру отправились нѣкоторые стрѣлецкіе полковники съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ. Есть осно-

ваніе думать, что и отъ нихъ Петръ получилъ разныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Софьи, Шакловитаго и В. В. Голицына. По совѣту послѣдняго, въ лавру были отправлены вслѣдъ за тѣмъ нѣкоторые стрѣльцы, пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ Софьи, съ цѣлью уговорить уже находившихся въ лаврѣ стрѣльцовъ возвратиться въ Москву. Все это оказалось безуспѣшнымъ.

При такихъ обстоятельствахъ, Софья сама рѣшилась отправиться въ лавру; однако въ селѣ Воздвиженскомъ, въ 10 верстахъ отъ монастыря, ее остановилъ комнатный стольникъ Бутурлинъ, объя-

Францъ Тиммерманъ.

Съ современнаго портрета, находящагося на гравюрѣ Шхонебека „Взятіе Азона".

вивъ волю государя, чтобы она въ монастырь не ходила. «Конечно, пойду», отвѣчала она съ гнѣвомъ; но вскорѣ прибылъ изъ лавры бояринъ князь Троекуровъ и объявилъ, что, въ случаѣ прихода ея въ лавру, «съ нею поступлено будетъ нечестно».

Тотчасъ же послѣ возвращенія Софьи въ Москву, туда прибылъ изъ Троицы полковникъ Нечаевъ, съ требованіемъ отъ имени царя выдачи Шакловитаго, Медвѣдева и другихъ лицъ, приближенныхъ Софьѣ. Медвѣдевъ спасся бѣгствомъ къ польской границѣ; другіе спрятались въ самой Москвѣ; для бѣгства Шакловитаго были сдѣланы нѣкоторыя приготовленія: у задняго крыльца Кремлевскаго

дворца для него стояла осѣдланная лошадь, у Новодѣвичьяго монастыря находился на-готовѣ экипажъ. Однако онъ не рѣшился бѣжать, опасаясь, что стрѣльцы остановятъ его. Василій Василье-

Софіа

Царевна Софья Алексѣевна.

С̆ъ весьма рѣдкаго современнаго портрета, гравированнаго въ Голландіи Блотелингомъ.

вичъ Голицынъ, упалъ духомъ, удалился на время въ одно изъ своихъ подмосковныхъ имѣній. И при дворѣ, и вообще въ столицѣ распространилось уныніе. Стрѣльцы казались склонными перейти

на сторону Петра. Гордонъ, 1-го сентября, самъ видѣлъ около Кремля многихъ стрѣльцовъ, наблюдавшихъ за тѣмъ, чтобы не бѣжали главные противники Петра. Требованіе выдачи Шакловитаго, какъ разсказываетъ Гордонъ, произвело сильное впечатлѣніе: народъ былъ пораженъ; большинство, по словамъ Гордона, рѣшило оставаться спокойнымъ и ждать, чѣмъ кончится дѣло.

Одна Софья дѣйствовала. То она принимала у себя стрѣльцовъ, то говорила съ толпою народа, объясняя всѣмъ подробно положеніе дѣла и стараясь привлечь всѣхъ на свою сторону. Гордонъ, слѣдившій за всѣмъ этимъ, удивлялся ея бодрости, неутомимости и краснорѣчію. Она выставляла на видъ, что вся распря ея съ братомъ была лишь слѣдствіемъ коварства клевретовъ Петра, желавшихъ лишить жизни ее и царя Ивана, и умоляла присутствовавшихъ не измѣнять ей. Когда пріѣхалъ Нечаевъ, Софья, въ первомъ порывѣ гнѣва, приказала отрубить ему голову, но затѣмъ измѣнила свое рѣшеніе, и Нечаевъ остался въ живыхъ.

Обѣ враждебныя партіи рѣшились обратиться къ народу. Шакловитый написалъ манифестъ, въ которомъ говорилось о причинахъ разлада и обвинялись Нарышкины въ крамолѣ противъ царя Ивана. Этотъ манифестъ остался лишь въ проектѣ. Зато Петръ, не упоминая о распрѣ съ сестрою, обратился къ городамъ и областямъ съ призывомъ о доставленіи денегъ и съѣстныхъ припасовъ въ Троицкую лавру. Московское правительство, съ своей стороны, запретило всѣмъ и каждому возить деньги и припасы въ Троицу, требуя, чтобы все это, какъ и прежде, доставлялось въ Москву. Такимъ образомъ, можно было ожидать столкновенія враждовавшихъ между собою партій, тѣмъ болѣе, что стрѣльцы, находившіеся въ Троицѣ, предлагали свои услуги вооруженною рукою привлечь къ суду находившихся въ Москвѣ противниковъ царя. Благодаря умѣренности совѣтниковъ Петра, кровопролитія не произошло.

Тѣмъ временемъ шла переписка между родственниками, княземъ Борисомъ и княземъ Василіемъ Голицыными. Князь Борисъ писалъ, чтобы двоюродный братъ пріѣхалъ въ лавру и этимъ заслужилъ расположеніе царя Петра; князь Василій уговаривалъ Бориса, чтобы тотъ старался примирить обѣ стороны. Несчастный другъ Софьи медлилъ рѣшеніемъ и пока оставался въ Москвѣ.

Софья все еще располагала значительными средствами. Иноземцы-офицеры, игравшіе весьма важную роль въ войскѣ, все еще находились въ Москвѣ. Между ними были люди, которые, какъ, напр., Гордонъ, занимали видное мѣсто въ обществѣ: къ нимъ Петръ пока еще не обращался. Однако имъ становилось чрезвы-

чайно неловко. Они были въ недоумѣніи, отправиться ли къ Петру, или оставаться въ Москвѣ. 1-го сентября, распространился слухъ, что Гордонъ получилъ изъ Троицы особое посланіе; однако этотъ слухъ оказался неосновательнымъ. Гордонъ началъ считать свое положеніе довольно опаснымъ, и поэтому, когда, 2-го сентября, нѣкоторыя лица изъ Нѣмецкой слободы отправились къ Троицѣ, онъ поручилъ одному изъ этихъ лицъ доложить царю, что иноземцы вообще не идутъ къ Троицѣ только потому, что не знаютъ, будетъ ли ему пріятенъ ихъ приходъ, или нѣтъ. «Все соединилось къ ускоренію важной перемѣны», говоритъ Гордонъ въ своемъ дневникѣ въ это время,—и дѣйствительно, развязка приближалась.

4-го сентября, въ Нѣмецкой слободѣ появилась царская грамата, въ которой Петръ приказывалъ всѣмъ иностраннымъ генераламъ, полковникамъ и офицерамъ, въ полномъ вооруженіи и на коняхъ, отправиться къ Троицѣ. Рѣшиться было нетрудно. Однако Гордонъ, намѣреваясь исполнить желаніе царя, считалъ своимъ долгомъ сообщить объ этомъ Голицыну. Послѣдній былъ сильно смущенъ, но не считалъ удобнымъ или возможнымъ препятствовать удаленію иноземцевъ. Какъ скоро въ Нѣмецкой слободѣ узнали о рѣшеніи Гордона, всѣ тотчасъ же приготовились къ отъѣзду въ Троицкую лавру, гдѣ по прибытіи были приняты царемъ весьма ласково. Гордонъ самъ придаетъ своему образу дѣйствій въ настоящемъ случаѣ большое значеніе. «Прибытіе наше въ Троицкій монастырь», пишетъ онъ, «было рѣшительнымъ переломомъ; послѣ того всѣ начали высказываться громко въ пользу младшаго царя» [1]).

Между тѣмъ и стрѣльцы, оставшіеся въ Москвѣ, начали дѣйствовать въ пользу Петра. Они схватили нѣкоторыхъ лицъ, считавшихся заговорщиками противъ Петра, и отправили ихъ къ Троицѣ. Потомъ они настаивали на выдачѣ царю самого Шакловитаго. Софья сначала не соглашалась на исполненіе этого требованія, но, наконецъ, не могла не уступить. Шакловитаго отправили въ лавру, гдѣ онъ тотчасъ же былъ подвергнутъ пыткѣ и казненъ.

Есть основаніе думать, что, при судебномъ слѣдствіи, произведенномъ надъ Шакловитымъ, и при рѣшеніи его дѣла, играло довольно важную роль нѣкоторое пристрастіе. Шакловитый считался опаснымъ противникомъ бояръ. Теперь они имѣли возможность

[1]) Устряловъ находитъ показаніе Гордона несправедливымъ; по его мнѣнію, все дѣло уже давно было рѣшено въ пользу Петра, II, 71. За то Соловьевъ соглашается съ Гордономъ, замѣчая: «въ такое время натянутаго ожиданія и нерѣшительности, всякое движеніе въ ту или другую сторону чрезвычайно важно, сильно увлекаетъ». XIV, 130.

отмстить ему. Судьями были люди партіи; самое слѣдствіе имѣло не столько характеръ судопроизводства, сколько значеніе политической мѣры. Сохранилось извѣстіе о томъ, что самъ царь относился къ Шакловитому нѣсколько мягче, чѣмъ нѣкоторыя изъ окружающихъ его лицъ. Бояре требовали, чтобы Шакловитаго до казни еще разъ подвергли пыткѣ; Петръ отвѣчалъ, что имъ не пригоже мѣшаться въ это дѣло. Разсказывается также, что Петръ сначала не соглашался на казнь Шакловитаго и его сообщниковъ, но что патріархъ уговорилъ его казнить Шакловитаго [1]).

Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ.
Съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова.

Судьба Василія Васильевича Голицына свидѣтельствуетъ о томъ значеніи, которое имѣли вельможи въ подобныхъ дѣлахъ. Онъ, пожалуй, могъ считаться менѣе виновнымъ, чѣмъ Шакловитый, но едва ли онъ избѣгъ бы казни, если-бъ не имѣлъ заступника въ своемъ двоюродномъ братѣ, Борисѣ. 7-го сентября, онъ, наконецъ, рѣшился добровольно отправиться къ Троицѣ. Сначала не хотѣли впустить его въ монастырь; затѣмъ ему было приказано стать на посадѣ и не съѣзжать до приказа. Гордонъ побывалъ у князя и нашелъ его въ раздумьи — «не безъ причины», какъ замѣчаетъ

[1]) Tagebuch Gordon's, II, 83.

Гордонъ. Два дня спустя, Голицыну и сыну его былъ прочитанъ указъ, что они лишаются чести, боярства, ссылаются съ женами и дѣтьми въ Каргополь и что ихъ имѣніе описывается на государя. Голицынъ съ семействомъ былъ отправленъ сначала въ Яренскъ, затѣмъ въ Пинегу. Въ 1693 году, на основаніи ложнаго доноса, возобновилось слѣдствіе надъ Голицынымъ, и его положеніе ухудшилось. Онъ умеръ въ 1714 году. Обвиненіе въ 1689 году относилось къ неудачѣ въ Крымскихъ походахъ и къ титулу Софьи, какъ «самодержицы»; въ другихъ преступленіяхъ его не обвиняли.

Новодѣвичій монастырь въ XVIII столѣтіи.

Съ старинной гравюры.

Можно удивляться такой мягкости въ обращеніи съ Голицынымъ. Противники его были чрезвычайно недовольны. Гордонъ пишетъ, что всѣ знали о значеніи Голицына въ партіи Софьи и были убѣждены въ томъ, что онъ по крайней мѣрѣ зналъ объ умыслахъ противъ Петра, если и не былъ главнымъ ихъ зачинщикомъ. Къ этому Гордонъ прибавляетъ, что только семейнымъ связямъ Голицынъ былъ обязанъ спасеніемъ отъ пытки и казни. Этимъ, замѣчаетъ Гордонъ, Борисъ Голицынъ навлекъ на себя гнѣвъ народа и родственниковъ Петра; особенно царица Наталья Кирилловна была возбуждена противъ Бориса Голицына. Все это, однако, пока не мѣшало послѣднему оставаться другомъ и совѣтникомъ царя [1]).

[1]) Gordon's Tagebuch. II, 280—287. О судьбѣ В. Голицына въ иноземной литературѣ встрѣчается странная путаница, см. Невиля, стр. 167, и брошюру «Copia

Ужаснѣе была судьба Медвѣдева. Его схватили въ одномъ монастырѣ близъ польской границы, привезли въ Троицкую лавру, пытали и заключили въ монастырь. Въ 1693 году, слѣдствіе надъ нимъ было возобновлено по случаю новыхъ показаній, обличавшихъ его въ разныхъ умыслахъ. Онъ былъ подвергнутъ страшнымъ истязаніямъ и казненъ мучительнымъ образомъ. Есть основаніе думать, что религіозная нетерпимость противниковъ ученаго монаха имѣла нѣкоторое значеніе въ катастрофѣ Медвѣдева, считавшагося способнымъ искать патріаршества [1]).

Оставалась одна царевна. И ея судьба должна была рѣшиться. Изъ Троицы Петръ написалъ къ брату Ивану письмо, въ которомъ между прочимъ было сказано: «Милостію Божіею, врученъ намъ, двумъ особамъ, скипетръ правленія, а о третьей особѣ, чтобы быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не вспоминалось. А какъ сестра наша, царевна Софья Алексѣевна, государствомъ нашимъ учала владѣть своею волею, и въ томъ владѣніи, что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягости и наше терпѣніе, о томъ тебѣ, государь, извѣстно... А теперь настоитъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлѣ и въ расправѣ дѣлъ быти не позволяемъ; на тобъ и твоябъ, государя, моего брата, воля склонилася, потому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою безъ нашего изволенія, къ тому же еще и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться. Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ, тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ» [2]).

О судьбѣ, ожидавшей «зазорное лицо», въ этомъ письмѣ не сказано ни слова. Письмо было писано между 8 и 12 сентября. Вскорѣ послѣ этого, царскимъ указомъ повелѣно исключить имя царевны изъ всѣхъ актовъ, гдѣ оно доселѣ упоминалось вмѣстѣ съ именемъ обоихъ государей. Затѣмъ былъ посланъ въ Москву бояринъ, князь Троекуровъ, просить Софью удалиться изъ Кремля

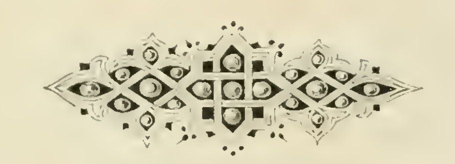
litterarum ex Stolicza Metropoli Moschorum imperii de proditione archistrategi Golliczin scriptarum etc». Разборъ всего этого въ моей статьѣ «Матеріалы для источниковѣдѣнія исторіи Петра Вел.» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1879, августъ, стр. 280—283.

[1]) Соловьевъ, XIV, 135—137. Непосредственно до казни Медвѣдева, его упрекали въ чтеніи опасныхъ книгъ. См. соч. Пекарскаго: «Наука и литература при Петрѣ Вел.», I, 5.

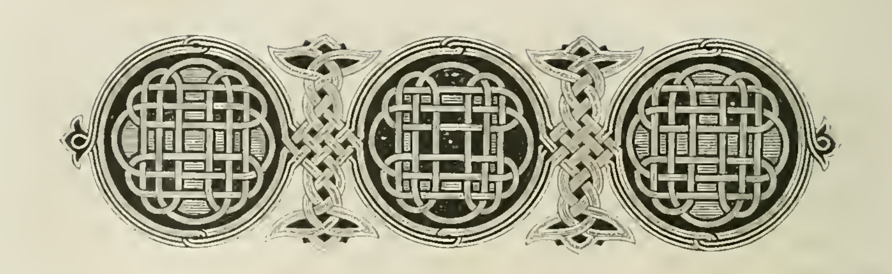
[2]) Соловьевъ, XIV, 138.

въ Новодѣвичій монастырь. Софья медлила исполненіемъ желанія царя. Только въ послѣднихъ числахъ сентября, она переселилась въ монастырь. Здѣсь она была окружена многочисленною прислугою, имѣла хорошо убранныя кельи и все необходимое для спокойной жизни; только не имѣла свободы выѣзжать изъ монастыря и могла видѣться единственно съ тетками и сестрами, которымъ дозволялось навѣщать ее въ большіе праздники [1]).

Началомъ дѣйствительнаго царствованія Петра можно считать 12 сентября. Къ этому дню относится назначеніе царемъ нѣкоторыхъ вельможъ на разныя административныя должности. Не ранѣе, какъ въ первыхъ числахъ октября, Петръ явился въ столицу, которую покинулъ въ началѣ августа. Такимъ образомъ, кризисъ продолжался около двухъ мѣсяцевъ.

[1]) Устряловъ, II, 79.

ГЛАВА VI.

Нѣмецкая слобода.

МОЛОДОЙ царь, до 1689 года, не принималъ почти никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ присутствовалъ лишь при торжественныхъ аудіенціяхъ и участвовалъ иногда въ засѣданіяхъ думы. Съ одной стороны, Софья не могла желать посвященія брата въ тайны политики, съ другой,—онъ самъ былъ занятъ своимъ потѣшнымъ войскомъ и прогулками на Яузѣ, Просяномъ прудѣ и Переяславскомъ озерѣ, и потому не обращалъ вниманія на дѣла.

Однако и послѣ удаленія Софьи, Петръ нѣсколько лѣтъ еще не занимался политикою. До Азовскихъ походовъ, онъ предоставлялъ управленіе дѣлами другимъ лицамъ и посвящалъ свое время любимымъ занятіямъ, ученію, увеселеніямъ.

Мало того, были и послѣ паденія Софьи разные случаи, свидѣтельствующіе о томъ, что Петръ не имѣлъ вліянія и тогда, когда онъ, по настоящему, долженъ былъ и желалъ имѣть вліяніе. Укажемъ на нѣкоторые примѣры такого рода.

Мы увидимъ ниже, что, тотчасъ же послѣ государственнаго переворота 1689 года, завязались близкія сношенія между Петромъ и генераломъ Гордономъ. Царь нуждался въ немъ, какъ въ на-

ставникѣ въ области военной техники, какъ въ собесѣдникѣ, вообще полезномъ своимъ многостороннимъ образованіемъ. Онъ видѣлъ Гордона чуть ли не ежедневно. Однако патріархъ Іоакимъ, который, послѣ паденія Медвѣдева, упрочилъ свое положеніе при дворѣ, игралъ важную роль и имѣлъ сильное вліяніе,—не любилъ иностранцевъ, осуждалъ и прежде предоставленіе имъ должностей офицеровъ и былъ недоволенъ ихъ положеніемъ въ кругахъ высшаго общества и при дворѣ. Неудачу Крымскихъ походовъ патріархъ приписывалъ участію въ нихъ «еретиковъ». Когда шли приготовленія ко второму Крымскому походу, патріархъ въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ о Гордонѣ, утверждая, что нельзя надѣяться на успѣхъ русскаго войска, если этимъ войскомъ будетъ командовать еретикъ. «Вельможи—разсказываетъ Гордонъ—улыбались и не обращали вниманія на слова патріарха» [1]). Тѣмъ важнѣе оказывается слѣдующій фактъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ государственнаго переворота, Гордонъ, по случаю празднованія рожденія царевича Алексѣя Петровича (въ февралѣ 1690 года), былъ приглашенъ къ торжественному столу. Однако онъ не могъ участвовать въ обѣдѣ, потому что патріархъ объявилъ рѣшительно, что иноземцамъ въ такихъ случаяхъ бывать при дворѣ непригоже. Можно думать, что Петру этотъ эпизодъ очень не понравился. Желая показать вниманіе оскорбленному генералу, онъ на другой же день послѣ этого происшествія пригласилъ его отобѣдать съ нимъ гдѣ-то за-городомъ. На возвратномъ пути оттуда, царь дружески бесѣдовалъ съ Гордономъ [2]).

Впрочемъ, и кромѣ патріарха были люди, не любившіе иностранцевъ. Скоро послѣ государственнаго переворота 1689 года, были приняты разныя мѣры, свидѣтельствовавшія о нѣкоторой непріязни къ иноземцамъ. Въ то время, когда сношенія между Петромъ и иноземцами становились со дня на день болѣе близкими (напр., въ почтовомъ вѣдомствѣ были приняты мѣры для затрудненія сообщенія съ западомъ), почтмейстеру Виніусу было поручено просматривать всѣ частныя письма, прибывавшія изъ-за границы или отправляемыя туда, и, смотря по содержанію, уничтожать изъ нихъ тѣ, въ которыхъ заключалось что-либо предосудительное. Объ этихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ администраціи мы узнаемъ нѣкоторыя любопытныя подробности изъ жалобъ находившагося тогда

---

[1]) Gordon's Tagebuch, II, 233.

[2]) Тамъ-же, II, 221.

въ Москвѣ польскаго резидента, а также изъ переписки генерала Гордона съ сыномъ Джемсомъ [1]).

На иностранцевъ вообще тогда смотрѣли косо въ Россіи. Не даромъ въ то время Гордонъ совѣтовалъ сыну, желавшему вступить въ русскую службу, выждать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ [2]). Къ этому же времени относится изгнаніе іезуитовъ изъ Россіи, а также сожженіе на кострѣ еретика Кульмана. Петръ, вѣроятно, не принималъ никакого участія въ подобныхъ дѣлахъ. Очевидно, во всемъ этомъ важнѣйшую роль игралъ патріархъ, бывшій виновникомъ нѣкоторой реакціи послѣ эпохи западничества князя Василія Васильевича Голицына.

Патріархъ Іоакимъ умеръ 17-го марта 1690 года, значитъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ государственнаго переворота. Завѣщаніе, оставленное имъ, объясняетъ намъ, почему именно къ этому времени относится распоряженіе, затрудняющее пріѣздъ иноземцевъ въ Россію [3]), и запросъ, сдѣланный жителямъ Нѣмецкой слободы, на основаніи какихъ правъ или привиллегій они тамъ построили протестантскія церкви [4]). Въ завѣщаніи, между прочимъ, сказано слѣдующее: «молю царей и Спасителемъ, нашимъ Богомъ, заповѣдываю, да возбранятъ проклятымъ еретикамъ-иновѣрцамъ начальствовать въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служилыми людьми, но да велятъ отставить ихъ, враговъ христіанскихъ, отъ полковыхъ дѣлъ всесовершенно, потому что иновѣрцы съ нами, православными христіанами, въ вѣрѣ неединомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ несогласны, церкви, матери нашей, чужды;—какая же можетъ быть помощь отъ нихъ, проклятыхъ еретиковъ, православному воинству!» Въ этомъ родѣ патріархъ пишетъ подробно о томъ, что не должно имѣть «общенія съ латины, люторы, кальвины, безбожными татары», а въ заключеніе сказано: «дивлюсь я царскимъ палатнымъ совѣтникамъ и правителямъ, которые бывали въ чужихъ краяхъ на посольствахъ: развѣ не видѣли они, что въ каждомъ государствѣ есть свои нравы, обычаи, одежды, что людямъ иной вѣры тамъ никакихъ достоинствъ не даютъ, и чужеземцамъ молитвенныхъ храмовъ строить не дозволяютъ? Есть ли гдѣ въ нѣмецкихъ земляхъ благочестивыя вѣры церковь? Нѣтъ ни одной! А здѣсь, чего и не бывало, то еретикамъ дозволено: строить себѣ

[1]) Posselt, Lefort. I, 480.
[2]) Gordon's Tagebuch. III. 255, 259.
[3]) П. С. З. III, № 1358.
[4]) Собр. гос. гр. и дог. IV, 622.

еретическихъ проклятыхъ сборищъ молбищныя храмины, въ которыхъ благочестивыхъ людей злобно клянутъ и лаютъ идолопоклонниками и безбожниками» [1]).

Впрочемъ, и мать Петра, царица Наталья Кирилловна, какъ кажется, раздѣляла воззрѣнія патріарха Іоакима. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ о слѣдующемъ случаѣ нанесенной царицею иноземцамъ обиды. 27-го августа 1690 года, праздную день своего тезоименитства, она жаловала изъ собственныхъ рукъ чаркою вина всѣхъ русскихъ сановниковъ, въ томъ числѣ полковниковъ стрѣлецкихъ, также гостей и купцовъ, но генераловъ и полковниковъ иноземныхъ не удостоила этой чести и въ чертоги свои не впустила. Въ тотъ самый день оскорбили иностранцевъ и тѣмъ, что гости и купцы при пріемѣ занимали мѣсто выше ихъ [2]). Иноземцы считали себя обиженными тѣмъ болѣе, что именно въ то время самъ Петръ ежедневно находился въ ихъ обществѣ, ѣлъ и пилъ съ ними.

Изъ слѣдующаго эпизода видно, что вліяніе Петра, даже послѣ кончины патріарха Іоакима, было слабымъ, ограниченнымъ. Петръ желалъ избранія въ патріархи псковскаго митрополита Маркелла, тогда какъ царица Наталья Кирилловна и нѣкоторыя духовныя лица, опасаясь учености и вѣротерпимости Маркелла, стояли за избраніе казанскаго митрополита Адріана. Опасались, пишетъ Гордонъ, что Маркеллъ, сдѣлавшись патріархомъ, станетъ покровительствовать католикамъ и вообще приверженцамъ другихъ исповѣданій. Игуменъ Спасскаго монастыря передалъ царицѣ записку, въ которой заключалось обвиненіе Маркелла въ ереси. «Однако», заключаетъ Гордонъ свой разсказъ, «царь Петръ держался твердо стороны Маркелла и съ старшимъ царемъ и со всѣмъ дворомъ удалился въ Коломенское» [3]).

Когда Петръ впослѣдствіи, въ 1697 году, былъ проѣздомъ въ Митавѣ, онъ, какъ кажется, смѣясь, разсказывалъ самимъ иностранцамъ объ этомъ случаѣ. Вотъ что пишетъ нѣкто Бломбергъ, сообщая о пребываніи царя въ Митавѣ: «царь разсказалъ намъ слѣдующую исторію: когда умеръ послѣдній патріархъ московскій, онъ желалъ назначить на это мѣсто человѣка ученаго, который много путешествовалъ и говорилъ по-латыни, по-итальянски и по-французски; но русскіе шумнымъ образомъ умоляли царя не на-

[1]) Устр. II, 467—477.
[2]) Tagebuch Gordon's II, 316.
[3]) Тамъ-же, II, 309 и 311.

значать такого человѣка, а именно по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, потому что онъ зналъ варварскіе языки, во-вторыхъ—что его борода не была достаточно велика и не соотвѣтствовала сану патріарха, въ третьихъ—что его кучеръ сидѣлъ обыкновенно на козлахъ, а не на лошади, какъ требуетъ обычай» [1]).

Изъ слѣдующаго письма Гордона къ одному знакомому въ Лондонѣ видно также ничтожное вліяніе Петра на управленіе дѣлами въ это время; 29-го іюля Гордонъ пишетъ: «я все еще при дворѣ, что причиняетъ мнѣ большіе расходы и много безпокойства. Мнѣ обѣщали большія награды, но пока я еще получилъ мало. Когда молодой царь самъ возьметъ на себя управленіе государствомъ, тогда я, безъ сомнѣнія, получу полное удовлетвореніе [2]).

О вліяніи и силѣ партіи, враждебной людямъ, окружавшимъ Петра, свидѣтельствуетъ слѣдующее обстоятельство. Когда царь, въ 1692 году, былъ опасно боленъ, то люди, близкіе къ нему, Лефортъ, кн. Борисъ Голицынъ, Апраксинъ, Плещеевъ, на всякій случай запаслись лошадьми, въ намѣреніи бѣжать изъ Москвы [3]).

Какъ видно, царствовала реакціонная партія. Спрашивалось, насколько можно было считать вѣроятнымъ, что направленіе въ пользу западной культуры, представителемъ котораго сдѣлался Петръ, одержитъ верхъ надъ партіею національною?

По крайней мѣрѣ, въ частной жизни, въ своихъ занятіяхъ и увеселеніяхъ, Петръ пользовался совершенною свободою. Онъ окружалъ себя иностранцами, не обращая вниманія на то, что этимъ нарушалъ господствовавшіе до того обычаи, оскорблялъ національное чувство и патріотизмъ своихъ родственниковъ, родныхъ матери и жены, и многихъ вельможъ, вызывалъ осужденіе народа, твердо державшагося старыхъ обычаевъ. Петръ былъ убѣжденъ въ необходимости учиться въ школѣ иностранцевъ и, такимъ образомъ, сдѣлался постояннымъ гостемъ въ Нѣмецкой слободѣ.

До 1689 года, отношенія Петра къ иностранцамъ ограничивались знакомствомъ съ докторомъ фанъ-деръ-Гульстомъ, съ ремесленниками, напр., Тиммерманомъ и Брантомъ, и съ военными, напр., полковникомъ Менгденомъ. Зато ко времени послѣ государственнаго переворота относится его близкое знакомство съ двумя иностранцами, вліяніе которыхъ на царя сдѣлалось чрезвычайно важнымъ, именно: съ Гордономъ и Лефортомъ.

---

[1]) Blomberg. An account of Livonia, London, 1701.

[2]) Gordon, III, 260.

[3]) Донесеніе Кохена въ сочиненіи Бергмана «Peter der Grosse», I, 183.

Патрикъ Гордонъ родился въ Шотландіи, въ 1635 году, и принадлежалъ къ знатному роду, преданному католицизму и роялизму. Покинувъ рано родину, онъ долго служилъ въ шведскомъ и польскомъ войскахъ. Въ 1660 году, онъ вступилъ въ русскую службу. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее образованіе, добросовѣстность и необычайная рабочая сила доставили ему весьма выгодное мѣсто въ Россіи, уже при царяхъ Алексѣѣ и Өеодорѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ нѣсколько разъ старался, впрочемъ, безуспѣшно, оставить русскую службу и возвратиться на родину. Въ немъ нуждались; онъ

Патрикъ Гордонъ.
Съ портрета, находящагося въ картинной галлереѣ Н. И. Путилова.

участвовалъ въ Чигиринскихъ походахъ, нѣсколько лѣтъ прожилъ въ Кіевѣ, въ качествѣ коменданта этого города; затѣмъ принималъ участіе въ Крымскихъ походахъ. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ пользовался всеобщимъ довѣріемъ и, какъ человѣкъ зажиточный, образованный, обходительный, игралъ весьма важную роль. Будучи завзятымъ сторонникомъ Стюартовъ, онъ постоянно находился въ связи съ противниками англійскаго короля, Вильгельма III, и узнавалъ вообще обо всемъ, что̀ происходило на западѣ. Постоянно онъ былъ занятъ обширною перепискою: случалось, что онъ отправлялъ въ одинъ день до двадцати писемъ и болѣе. Онъ былъ лично извѣ-

стенъ королямъ, Карлу II и Якову II; однажды, въ Гамбургѣ, онъ былъ приглашенъ въ гости къ бывшей шведской королевѣ Христинѣ. Герцогъ Гордонъ, занимавшій въ 1686 году мѣсто губернатора въ Эдинбургѣ [1]), приходился ему двоюроднымъ братомъ. Изъ Англіи онъ весьма часто получалъ карты, инструменты, оружіе, книги; онъ постоянно слѣдилъ за новыми открытіями англійской Академіи Наукъ, считался опытнымъ инженеромъ, довольно часто оказывалъ существенныя услуги при постройкѣ крѣпостей и былъ изобрѣтателемъ разныхъ военныхъ снарядовъ. Часто хворая, онъ, однако, былъ веселымъ собесѣдникомъ, участвовалъ въ попойкахъ и не только въ кругу иностранцевъ, но и между русскими пользовался большою популярностью. Нѣтъ сомнѣнія, что Гордонъ, проживъ около тридцати лѣтъ въ Россіи до сближенія съ Петромъ, вполнѣ владѣлъ русскимъ языкомъ. Такимъ образомъ, онъ могъ сдѣлаться полезнымъ наставникомъ юнаго царя.

Въ сентябрѣ 1689 года, послѣ пребыванія царя въ Троицкомъ монастырѣ, установились постоянныя сношенія Петра съ Гордономъ, и молодой царь ежедневно любовался военными упражненіями, производившимися подъ руководствомъ Гордона. Семь дней сряду происходили ученія, маневры. Гордонъ показалъ царю разныя движенія конницы, велѣлъ своимъ солдатамъ стрѣлять залпами и пр. Однажды, при этихъ упражненіяхъ, Гордонъ упалъ съ лошади и сильно повредилъ себѣ руку. Петръ самъ подошелъ къ нему и съ нѣкоторымъ волненіемъ спрашивалъ, какъ онъ себя чувствуетъ. Доказательствомъ значенія, которое Гордонъ пріобрѣлъ послѣ государственнаго переворота, можетъ служить и то, что его посѣщалъ кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Въ свою очередь, и Гордонъ обѣдалъ нѣсколько разъ у князя.

Очевидно, Петръ сталъ нуждаться въ обществѣ Гордона. Онъ весьма часто посылалъ за нимъ. Главнымъ занятіемъ ихъ было приготовленіе фейерверковъ: царю чрезвычайно понравилась эта потѣха. Гордонъ постоянно участвовалъ въ пирушкахъ у царя, у Нарышкина, Шереметева, Ромодановскаго, Андрея Артамоновича Матвеева и др. Въ дневникѣ его упоминается о бесѣдахъ съ Петромъ, объ удовольствіи, доставленномъ царю особенно удавшимся фейерверкомъ, или успѣшными и ловко веденными маневрами. Сынъ и зять Гордона тоже трудились съ Петромъ надъ фейерверкомъ, въ царской лабораторіи. Иногда онъ проводилъ съ царемъ цѣлые дни, занимаясь опытами надъ военными снарядами. Любопытно, что

[1]) Macaulay (Tauchn. ed.) II, 350, 395.

однажды, по желанію Петра, были сдѣланы два фейерверка, съ цѣлью состязанія между русскими и иностранцами; фейерверкъ иностранцевъ, какъ пишетъ Гордонъ, произвелъ «отличный эффектъ»; на другой же день былъ спущенъ фейерверкъ русскихъ, который также произвелъ «хорошій эффектъ». При одномъ фейерверкѣ Гордонъ обжегъ себѣ лицо, а въ другой разъ самъ Петръ былъ раненъ.

Постоянно находясь у себя въ компаніи «еретиковъ», Петръ скоро рѣшился побывать въ гостяхъ и у нихъ, въ Нѣмецкой слободѣ. 30-го апрѣля 1690 года, онъ съ нѣкоторыми вельможами обѣдалъ у Гордона. Все чаще и чаще затѣмъ повторялось появленіе Петра въ слободѣ. Какъ кажется, Петръ въ первый разъ обѣдалъ у Лефорта 3-го сентября 1690 года. У Гордона царь бывалъ весьма часто, во всякое время, иногда рано утромъ и безъ свиты, какъ бы въ качествѣ частнаго человѣка. Многія черты свидѣтельствуютъ о непринужденности обхожденія царя съ Гордономъ. Когда Петръ, однажды, отправился къ персидскому посланнику, то взялъ съ собою Льва Кирилловича Нарышкина и Гордона. Они видѣли тамъ льва и львицу, которыхъ посланникъ привезъ въ подарокъ царю, и были угощаемы сластями, напитками и музыкою. Петръ присутствовалъ у Гордона на свадьбѣ его дочери и на похоронахъ зятя. Иногда посѣщенія царя были очень продолжительны: такъ, напр., 2-го января 1691 года, онъ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать, ужинать и останется ночевать; при этомъ было 85 человѣкъ гостей и около 100 человѣкъ прислуги; къ ночи расположились спать «по лагерному». На другой день, вся компанія отправилась обѣдать къ Лефорту и т. п. Но молодой царь посѣщалъ Гордона не ради однихъ попоекъ; когда, однажды, Гордонъ заболѣлъ, послѣ роскошнаго обѣда у Бориса Алексѣевича Голицына, Петръ самъ пришелъ къ нему узнать подробнѣе о болѣзни, а затѣмъ прислалъ ему лекарства. Разъ онъ посѣтилъ Гордона и взялъ у него три книги объ артиллерійскомъ искусствѣ; въ свою очередь, и Гордонъ бралъ книги у царя, а самъ выписывалъ для него, чрезъ купца Мюнтера, книги изъ-за границы. Иногда они бесѣдовали о разныхъ военныхъ снарядахъ и оружіи, осматривали новые шомпола, которые Гордонъ получилъ изъ Англіи и которые чрезвычайно понравились Петру. Когда начали составлять планъ большихъ маневровъ въ Коломенскомъ, Гордонъ изобрѣлъ машину, посредствомъ которой можно было вламываться въ непріятельскій лагерь, несмотря на рогатки. Петръ самъ пришелъ къ Гордону для осмотра этой машины. Довольно

часто царь вмѣстѣ съ Гордономъ испытывалъ пушки, мортиры, бомбы и пр. Когда начались потѣхи Петра на Переяславскомъ озерѣ, онъ и туда приглашалъ Гордона, который даже купилъ тамъ себѣ домъ. Гордонъ долженъ былъ отправиться и въ Архангельскъ въ то время, когда царь находился тамъ, въ 1694 году, а до того онъ былъ назначенъ шаутбенахтомъ, или контръ-адмираломъ.

Въ январѣ 1694 года, умерла царица Наталья Кирилловна. Петръ бесѣдовалъ съ Гордономъ о болѣзни матери. Въ тотъ самый день, какъ она скончалась, Петръ долженъ былъ удостоить своимъ присутствіемъ ужинъ и балъ у Гордона. Рано поутру Гордонъ отправился къ Петру, но уже не засталъ его дома. Простившись съ умирающею матерью, Петръ удалился въ Преображенское. Гордонъ поѣхалъ туда и засталъ царя сильно встревоженнымъ и печальнымъ. Гордонъ остался у него. «Около 8 часовъ», пишетъ онъ въ своемъ дневникѣ, «получили мы извѣстіе, что царица скончалась, на 42-мъ году жизни». Нѣсколько позже Гордонъ получилъ для Петра отъ англійско-московскаго торговаго общества разные подарки, великолѣпное оружіе, шляпу съ бѣлымъ перомъ, часы, инструменты и нѣсколько дюжинъ бутылокъ лучшихъ винъ и ликеровъ. Царь самъ пріѣхалъ къ Гордону за этими вещами.

Многое во всѣхъ этихъ поступкахъ Петра являлось смѣлою новизною. Бывало, прежде, если кто присутствовалъ на похоронахъ, то послѣ этого три дня сряду не могъ являться ко двору. Теперь же самъ царь весьма часто бывалъ на похоронахъ иноземцевъ-офицеровъ въ Нѣмецкой слободѣ. Патріарху казалось ужаснымъ нарушеніемъ прежнихъ порядковъ существованіе иновѣрныхъ церквей въ Нѣмецкой слободѣ. Теперь же царь иногда вмѣстѣ съ Гордономъ присутствовалъ при католическомъ богослуженіи въ молельнѣ, построенной, благодаря стараніямъ Гордона. Недаромъ народъ съ ужасомъ сталъ примѣчать, что царь «возлюбилъ нѣмцевъ»: въ глазахъ народа это было ересью.

Къ этому же времени относится начало дружественныхъ отношеній царя къ Лефорту. Можно считать вѣроятнымъ, что послѣдній принадлежалъ къ числу иностранцевъ, отправившихся къ Петру въ Троицкій монастырь, въ августѣ или сентябрѣ 1689 года; однако мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, Петръ познакомился прежде съ Гордономъ, а затѣмъ только сблизился съ Лефортомъ.

Францъ Лефортъ родился въ 1653 году, слѣдовательно, былъ гораздо моложе Гордона. Онъ, равно какъ и Гордонъ, до пріѣзда въ Россію много путешествовалъ, не имѣвъ, однако, случая прі-

обрѣсти той опытности въ дѣлахъ и того многосторонняго образованія, какимъ отличался Гордонъ. Въ Россію онъ пріѣхалъ въ 1675 году; однако здѣсь ему не такъ скоро, какъ Гордону, удалось составить себѣ положеніе. Впрочемъ, онъ находился въ тѣсной связи со многими жителями Нѣмецкой слободы и, отличаясь веселостью нрава, добродушіемъ и честностью, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Богатые иностранные купцы, знатные дипло-

Францъ Лефортъ.

С̄ъ гравированнаго портрета Шенка 1698 года.

маты были покровителями Лефорта. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ также былъ его доброжелателемъ. Онъ получилъ чинъ полковника, купилъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ и женился.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Лефортъ былъ талантливымъ человѣкомъ, но въ то же время не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо чрезвычайныхъ способностяхъ его. Гордонъ любилъ заниматься чтеніемъ ученыхъ книгъ, — Лефортъ былъ равнодушенъ

къ наукѣ. Къ сожалѣнію, лишь весьма немного извѣстно объ его участіи въ военныхъ операціяхъ въ Малороссіи, гдѣ онъ сблизился съ Гордономъ. Образъ его дѣйствій въ Азовскихъ походахъ не можетъ считаться свидѣтельствомъ особыхъ военныхъ способностей. Относительно свѣдѣній въ области политики, онъ далеко уступалъ Гордону, бесѣды котораго могли замѣнить для Петра чтеніе газетъ. Зато Лефортъ былъ дорогъ для Петра главнымъ образомъ своею личностью, своимъ прекраснымъ сердцемъ, безкорыстною, безпредѣльною преданностью къ особѣ Петра. Гордонъ гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ считаться представителемъ западно-европейской политической и общественной цивилизаціи и потому скорѣе, чѣмъ Лефортъ, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейскою культурою. Лефортъ былъ 18-ю годами моложе Гордона и 19-ю старше Петра, но, по своему характеру и наклонностямъ, оставался юношею до гроба. Напротивъ того, Гордонъ, который былъ 37-ю годами старше Петра, уже въ юныхъ лѣтахъ отличался необычайною зрѣлостью характера, обдуманностью дѣйствій, ясностью воззрѣній и неутомимымъ трудолюбіемъ. Въ противоположность къ нѣкоторой женственности въ характерѣ Лефорта, не отличавшагося ни самостоятельностью воли, ни яснымъ сознаніемъ своего личнаго достоинства, Гордонъ былъ настоящимъ мужемъ, никогда не забывавшимъ своего достоинства. Удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣскольку дней сряду, съ танцами, съ музыкою, были для Лефорта, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ подвиговъ. Гордонъ, напротивъ того, съ трудомъ перенося увеселенія придворной жизни, предпочиталъ имъ походы и занятія за письменнымъ столомъ. Именно при этой солидности, серьезности, при нѣкоторомъ педантизмѣ Гордона, въ противоположность широкой натурѣ Лефорта, достойны вниманія близкія отношенія Гордона къ Петру, не измѣнившіяся до кончины перваго. Эти отношенія были менѣе интимными, нежели отношенія Петра къ Лефорту, но принесли царю бо́льшую пользу, расширяя кругъ его знаній, наводя его на новыя мысли, упражняя его въ дѣлахъ военной техники и пріучая его къ болѣе основательному изученію разныхъ предметовъ. Лефортъ оставался царедворцемъ, Гордонъ не переставалъ быть тружеником. Лефортъ легче могъ сдѣлаться другомъ Петра, потому что онъ, такъ сказать, пересталъ быть швейцарцемъ, не думалъ о возвращеніи на родину, между тѣмъ какъ Гордонъ оставался вѣрнымъ своей національности, своему исповѣданію, и до послѣдняго времени жизни надѣялся на возвращеніе въ Шотландію. Ни на

одну минуту Гордонъ не переставалъ считать себя подданнымъ Стюартовъ, тогда какъ вся жизнь Лефорта сосредоточивалась въ личной привязанности къ Петру. Къ сожалѣнію, не сохранилось ни одного письма царя къ Лефорту; письма послѣдняго къ Петру свидѣтельствуютъ о любви къ царю и веселомъ нравѣ Лефорта; здѣсь очень много говорится о попойкахъ, о разныхъ сортахъ винъ. Петръ запретилъ разъ навсегда принуждать Гордона напиваться до-пьяна; такого распоряженія не было сдѣлано въ отношеніи къ Лефорту. Никто въ той мѣрѣ, какъ Лефортъ, за исключеніемъ Екатерины, не имѣлъ столь сильнаго вліянія на настроеніе духа Петра, который любилъ его всею душею. Когда Лефортъ умеръ, онъ, какъ разсказываютъ, воскликнулъ: «Друга моего не стало! Онъ одинъ былъ мнѣ вѣренъ. На кого теперь могу положиться?» [1]).

Пребываніе Петра въ Нѣмецкой слободѣ и его ежедневное общеніе съ иностранцами должны были имѣть громадное значеніе въ развитіи юнаго царя. Непринужденность его близкихъ отношеній къ людямъ, каковы были Гордонъ, Лефортъ и другіе жители Нѣмецкой слободы, была гораздо болѣе полезною школою для царя, чѣмъ замкнутость придворнаго этикета и церемоніала, господствовавшихъ въ Кремлѣ. Въ Нѣмецкой слободѣ Петръ встрѣчался всюду съ началами вѣротерпимости и космополитизма, въ противоположность религіознымъ и національнымъ предубѣжденіямъ, господствовавшимъ въ исключительно русскихъ кругахъ общества. Въ Нѣмецкой слободѣ, служившей образчикомъ западно-европейскихъ пріемовъ общежитія, Петръ нѣсколько лѣтъ сряду, до отправленія въ западную Европу, уже находился нѣкоторымъ образомъ за границею. Шагъ, сдѣланный Петромъ въ 1690 году изъ Кремля въ Нѣмецкую слободу, можетъ считаться болѣе важнымъ, чѣмъ поѣздка за границу, въ 1697 году. Нѣмецкая слобода сдѣлалась для него какъ бы первою станціею на пути въ Германію, Голландію и Англію; она служила посредникомъ между западомъ и востокомъ; пребываніемъ въ ней Петра оканчивается эпоха древней исторіи Россіи, начинается новая эра для ея развитія.

Познакомившись съ разными дипломатами, офицерами, инженерами, купцами, Петръ сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ, заглянулъ въ ихъ семейную жизнь, сблизился съ ихъ женами и дочерьми. Весьма часто въ это время онъ уже бывалъ въ Нѣмецкой слободѣ, на свадьбахъ и крестинахъ. При такихъ случаяхъ

---

[1]) Устряловъ, III, 264. О Гордонѣ вообще см. мое сочиненіе «Патрикъ Гордонъ и его дневникъ» Спб. 1878. О Лефортѣ см. сочиненіе Поссельта.

присутствовали дамы. Когда, однажды, лѣтомъ 1691 года, баронъ Келлеръ, бывшій холостымъ человѣкомъ, устроилъ пиръ для государя, были приглашены дамы. Петръ участвовалъ въ танцахъ и особенно, какъ разсказываютъ, полюбилъ такъ называемый «гросфатертанецъ». Съ этимъ временемъ совпадаетъ начало его близкихъ отношеній къ прекрасной дочери золотыхъ дѣлъ мастера, бочара и виноторговца Монса. Онъ познакомился съ нею чрезъ посредство Лефорта.

Въ 1553 году, англичане открыли морской путь въ Бѣлое море. Затѣмъ, однако, особенно во второй половинѣ XVII вѣка, не столько

Архангельскъ въ началѣ XVIII столѣтія.
Съ современной голландской гравюры.

англичане, сколько голландцы играли важнѣйшую роль въ торговлѣ, которая шла чрезъ городъ Архангельскъ. И въ Москвѣ, и въ Архангельскѣ, и въ Вологдѣ, и въ другихъ городахъ жило много голландскихъ купцовъ. Русское правительство какъ-то болѣе сочувствовало Нидерландамъ, чѣмъ Англіи, особенно при Карлѣ II и Яковѣ II. Для русскихъ дипломатовъ, отправляемыхъ въ XVII вѣкѣ въ разныя западно-европейскія государства, во Францію, Италію и проч., Голландія почти всегда была важною станціею. Долгорукій, въ 1687 году, на пути во Францію и Италію, нѣкоторое время пробылъ въ Голландіи и былъ очарованъ государственнымъ и общественнымъ строемъ, порядкомъ администраціи, солидностью учрежденій Нидерландовъ, имѣвшихъ въ то время значеніе первоклассной державы [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что разсказы

[1]) Posselt, Lefort, I. 388.

Долгорукаго о Голландіи, послѣ возвращенія въ Россію, произво-дили глубокое впечатлѣніе на Петра. И чрезъ Лефорта, жившаго когда-то въ Нидерландахъ, Петръ могъ узнать кое-что объ этомъ краѣ. Келлеръ, голландскій дипломатъ, съ которымъ Петръ ви-дѣлся весьма часто, сообщалъ ему разныя свѣдѣнія о всемірномъ значеніи голландской торговли, промышленности и пр. Чрезъ Кел-лера, Гордона и другихъ иностранцевъ Петръ узнавалъ о подроб-ностяхъ войны между Англіею и Голландіею, съ одной стороны, и Франціею—съ другой.

Соловецкій монастырь въ XVIII столѣтіи.
Съ современной гравюры.

Въ 1691 году, Петръ получилъ отъ извѣстнаго ученаго и го-сударственнаго дѣятеля, амстердамскаго бургомистра Ник. Витзена, письмо, въ которомъ говорилось подробно о средствахъ развитія торговыхъ сношеній съ Китаемъ и Персіею. Витзенъ считался опытнымъ знатокомъ этого предмета. Онъ былъ хорошо знакомъ съ Россіею, которую посѣтилъ въ 1666 году, и въ 1672 году из-далъ весьма замѣчательный трудъ «О сѣверной и восточной Тата-ріи». Намъ извѣстно изъ донесеній барона Келлера, что Петръ уже въ это время началъ обращать вниманіе на вопросы торговой политики; Келлеръ доносилъ Генеральнымъ Штатамъ, что надѣется на довольно важныя правительственныя распоряженія относительно торговли.

Понятно, что, при важности торговыхъ интересовъ для иностранцевъ, проживавшихъ въ Россіи, жители Нѣмецкой слободы съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдили за развитіемъ умственныхъ способностей и расширеніемъ круга знаній Петра. Келлеръ доносилъ, что царь любитъ иностранцевъ, но что его подданные этимъ не довольны. «Мы имѣемъ важнѣйшія причины», сказано въ одной изъ депешъ голландскаго резидента, «желать молодому царю здравія и благополучія». Съ усиленнымъ вниманіемъ Петръ слѣдилъ за событіями въ западной Европѣ; особенно онъ восхищался успѣхами англійскаго короля, Вильгельма III; однажды онъ выразилъ даже желаніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ Англіи противъ Франціи, подъ руководствомъ самого короля. Когда, лѣтомъ 1692 года, англичане на морѣ одержали побѣду надъ французами, Петръ, находившійся въ то время на Переяславскомъ озерѣ, праздновалъ это событіе залпомъ изъ пушекъ новопостроенныхъ судовъ [1]).

Полезною школою для Петра было знакомство и съ другими иностранцами. Отъ Андрея Виніуса, сына зажиточнаго голландскаго купца, занимавшагося еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ горнымъ промысломъ въ Россіи, онъ узнавалъ о многихъ дѣлахъ, происходившихъ на западѣ. Виніусъ, въ качествѣ дипломата, бывалъ за границею, занимался переводомъ разныхъ сочиненій на русскій языкъ, былъ авторомъ труда по географіи, завѣдовалъ нѣкоторое время Аптекарскимъ Приказомъ, находился довольно долго въ Малороссіи, въ качествѣ дипломатическаго агента, и въ первое время царствованія Петра управлялъ почтовымъ вѣдомствомъ. Уже это званіе доставляло ему возможность сообщать царю множество заграничныхъ новостей. Петръ, видѣвшійся весьма часто съ Виніусомъ, давалъ ему разныя порученія, относившіяся къ морскому дѣлу, къ горному искусству и пр. Чрезъ Виніуса онъ выписывалъ изъ-за границы разныя книги, инструменты, а также мастеровъ-ремесленниковъ. Позже Виніусъ устраивалъ для царя пороховые и оружейные заводы, лилъ пушки, основалъ школу для моряковъ и проч.

Между другими лицами, окружавшими царя послѣ государственнаго переворота 1689 года, можно назвать еще полковника Менгдена, инженера Адама Вейде, капитана Якова Брюса, переводчика Посольскаго Приказа, Андрея Кревета, и др.

Шагомъ впередъ въ направленіи къ западной Европѣ были путешествія Петра въ Архангельскъ, предпринятыя имъ въ 1693

[1]) Posselt, I, 502, 505, 508, 511, 514, 519.

и 1694 годахъ. Тутъ главную роль играли иностранные купцы и моряки; тутъ, на берегу Двины, была также нѣмецкая слобода, въ которой находилась реформатская церковь. Проѣздомъ въ Архангельскъ, Петръ бывалъ и въ Вологдѣ, гдѣ также проживало значительное число иностранцевъ. Та часть города, гдѣ они жили, отличалась особенно красивыми и солидно построенными домами [1]). Патрикъ Гордонъ долженъ былъ, въ 1694 году, отправиться въ Архангельскъ. Онъ разсказываетъ, какъ Петръ тамъ безцеремонно и весело пировалъ съ голландскими и англійскими шкиперами, игралъ съ ними въ кегли, и какъ они угощали его въ своихъ домахъ и каютахъ.

Архангельскъ былъ главною станціею на пути въ западную Европу. Здѣсь Петръ впервые увидѣлъ море; здѣсь иностранцы-шкипера посвящали его въ тайны морского дѣла, техники мореплаванія и кораблестроенія. Одинъ морякъ изъ Саардама, съ которымъ Петръ сблизился въ Архангельскѣ, училъ его лазить на мачты и объяснилъ ему всѣ составныя части корабельныхъ снастей. Въ Архангельскѣ Петръ осмотрѣлъ корабли, нагруженные иностранными товарами, былъ въ таможнѣ, въ конторахъ иностранныхъ купцовъ. Здѣсь онъ заложилъ корабль, который затѣмъ былъ отправленъ въ западную Европу съ грузомъ русскихъ товаровъ. Отсюда Петръ послалъ письмо къ Витзену, съ порученіемъ купить въ Голландіи корабль.

Въ помощи иностранцевъ Петръ нуждался для устройства маневровъ и для своихъ опытовъ судоходства, положившихъ начало русскому флоту.

Мы видѣли выше, какъ Петръ, непосредственно послѣ государственнаго переворота въ 1689 году, чуть ли не ежедневно былъ свидѣтелемъ военныхъ упражненій, устраиваемыхъ Гордономъ. Все это было, такъ сказать, приготовленіемъ къ большимъ маневрамъ, продолжавшимся до Азовскихъ походовъ. Маневры начались лѣтомъ 1690 года. Они были не совсѣмъ безопасны: бывали случаи серьезнаго поврежденія ручными гранатами и горшками, начиненными горючими веществами. 2-го іюня 1690 года, по случаю такъ называемаго перваго Семеновскаго похода, одинъ изъ такихъ горшковъ лопнулъ близъ государя; взрывомъ опалило ему лицо и переранило стоявшихъ возлѣ него офицеровъ. Гордонъ былъ также раненъ: неосторожный выстрѣлъ повредилъ ему ногу выше колѣна,

[1]) Gordon's Tagebuch, II, 182.

а порохомъ обожгло лицо такъ, что онъ съ недѣлю пролежалъ въ постели.

Главный характеръ этихъ военныхъ упражненій заключался въ томъ, что потѣшное войско боролось со стрѣльцами. Въ этомъ высказывался антагонизмъ между новою и прежнею системами военной организаціи.

Въ 1691 году, маневры возобновились. Они кончились отчаяннымъ штурмомъ потѣшной крѣпости «Пресбургской», защищаемой безуспѣшно стрѣлецкимъ войскомъ, подъ начальствомъ «генералиссимуса» Бутурлина. Войска Петра бились «накрѣпко», «съ яростью», — и взяли крѣпость. Князь Иванъ Димитріевичъ Долгорукій, жестоко раненый въ правую руку, умеръ на девятый день; было много раненыхъ. Петръ, Лефортъ и Гордонъ принимали самое дѣятельное участіе въ сраженіяхъ.

Крестъ, поставленный Петромъ Великимъ на берегу Бѣлаго моря.

Съ рисунка, приложеннаго къ «Исторіи Петра Великаго» Устрялова

Еще бóльшіе размѣры имѣлъ «Кожуховскій» походъ, въ 1694 году. Тутъ на сторонѣ Петра сражался «генералиссимусъ» князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, командовавшій новыми полками, съ «польскимъ королемъ» Бутурлинымъ, войска котораго главнымъ образомъ состояли изъ стрѣльцовъ. Защищая «безъимянный городокъ», Бутурлинъ долженъ былъ сдаться. Оружіемъ и на этотъ разъ служили ручныя гранаты, горшки, начиненныя горючими веществами, и длинные шесты, съ зажженными на концѣ ихъ пуками смоленой пеньки. Многихъ переранили и обожгли, въ томъ числѣ и Лефорта, которому взрывомъ огненнаго горшка опалило лицо такъ, что онъ нѣсколько дней хворалъ серьезно, что̀, впрочемъ, не помѣшало ему угостить у себя въ шатрѣ, послѣ сраженія, царя и главныхъ офицеровъ.

Главнымъ образомъ руководилъ маневрами Гордонъ. Еще во время пребыванія въ Архангельскѣ, онъ трудился надъ подробнымъ планомъ Кожуховскаго похода и даже составилъ подробную записку объ этомъ предметѣ. Хотя «генералиссимусы» и были русскіе, но все-таки главными руководителями являлись иностранцы. Эти маневры были полезнымъ приготовленіемъ къ Азовскимъ походамъ, а далѣе они должны были служить средствомъ сближенія между

Петромъ и иностранными офицерами. Лефортъ, Гордонъ и пр. постоянно были въ обществѣ царя. Петръ цѣнилъ высоко военно-техническое образованіе иностранцевъ. Невольно въ немъ родилась и окрѣпла мысль, что успѣхи русской политики и русскаго оружія обусловливаются главнымъ образомъ участіемъ въ этихъ дѣлахъ людей западно-европейской школы.

Мы уже знаемъ, въ какой мѣрѣ царь нуждался въ иностранцахъ при своихъ опытахъ плаванія по Переяславскому озеру и при постройкѣ судовъ. Эти занятія принимали все большіе и большіе размѣры. Въ послѣдствіи самъ царь, во введеніи къ Морскому Уставу, разсказалъ подробно начало кораблестроенія въ Россіи и какимъ образомъ въ немъ самомъ «охота стала отъ часу болѣе» [1]). Располагая, послѣ государственнаго переворота 1689 года, большими средствами и полною свободою, Петръ могъ заняться всѣмъ этимъ еще гораздо успѣшнѣе чѣмъ прежде.

Крестъ, сдѣланный Петромъ Великимъ и находящійся въ настоящее время въ соборѣ г. Архангельска.

Съ рисунка А. Н. Норовлева.

На Переяславскомъ озерѣ уже въ 1689 году была заложена верфь. На ней было построено, подъ руководствомъ голландцевъ, Карстена Бранта и Корта, нѣсколько судовъ. Тутъ трудился самъ Петръ, въ качествѣ корабельнаго плотника. Тутъ онъ, зимою на 1692 годъ, былъ занятъ постройкою большого военнаго судна. Онъ работалъ съ такимъ усердіемъ, что не безъ труда его уговорили прервать на короткое время занятіе для путешествія въ Москву, гдѣ нужно было дать торжественную аудіенцію персидскому посланнику. Спускъ новаго корабля происходилъ 1 мая 1692 года. При этомъ случаѣ были устраиваемы разныя празднества. Изъ краткихъ записокъ Петра къ матери въ это время видно, въ какой мѣрѣ онъ былъ занятъ судостроеніемъ. Даже мать царя и его супруга должны были пріѣхать въ Переяславль, для участія въ прогулкахъ на водѣ. Когда онъ, въ 1693 году, задумалъ отправиться

[1]) Басни о мнимой первоначальной водобоязни Петра, встрѣчающіяся впервые въ сочиненіи Штраленберга и повторенныя затѣмъ Фоккеродтомъ, Манштейномъ, Крекшинымъ, Вольтеромъ, Голиковымъ, не заслуживаютъ вниманія.

въ Архангельскъ, то, по его собственнымъ словамъ, не безъ труда получилъ позволеніе матери «въ сей опасный путь». Изъ ея писемъ къ сыну видно, какъ сильно она въ это время безпокоилась. Въ Архангельскѣ, Апраксинъ, сдѣлавшійся впослѣдствіи адмираломъ, руководилъ постройкою новаго корабля. Ромодановскій сдѣлался адмираломъ, Гордонъ—шаутбенахтомъ, или контръ-адмираломъ; самъ Петръ довольствовался скромнымъ званіемъ шкипера.

Лѣтомъ 1694 года, во время путешествія въ Соловецкій монастырь, Петръ едва не погибъ: была ужасная буря; крушеніе казалось неизбѣжнымъ. Опытность и хладнокровіе лодейнаго кормчаго, Антипа Тимоѳеева, спасли государя и его товарищей. Въ воспоминаніе своего избавленія, Петръ собственноручно сдѣлалъ деревянный крестъ, съ надписью на голландскомъ языкѣ. Самъ царь отнесъ его къ тому мѣсту, гдѣ вышелъ на берегъ, и водрузилъ въ землю на память потомству [1]). Около этого же времени и Гордонъ, по случаю бури, находился въ большой опасности, о чемъ подробно разсказываетъ въ своихъ запискахъ [2]).

Нельзя не удивляться рабочей силѣ, предпріимчивости и энергіи царя, который своимъ потѣхамъ придавалъ обыкновенно весьма серьезное значеніе, но въ то же время любилъ прерывать работу шумными увеселеніями и разгульными пиршествами. Кораблестроеніе и игра въ кегли, химическіе опыты въ лабораторіи и веселыя попойки, ученые разговоры о вопросахъ технологіи и странныя шутки и маскарады непосредственно слѣдовали другъ за другомъ. То можно было видѣть Петра въ церкви, читавшимъ апостола и пѣвшимъ съ пѣвчими на клиросѣ, то на кораблѣ, лазившимъ по мачтамъ и такелажу; иногда, пропировавъ всю ночь въ веселой компаніи, онъ утромъ рано, съ топоромъ въ рукахъ, отправлялся на верфь, гдѣ работалъ надъ постройкою судовъ. По достовѣрному свидѣтельству шведскаго агента Кохена, оказывается, что къ одной яхтѣ, при ея постройкѣ, не прикасалась ни одна рука, кромѣ царской [3]). Весьма часто Гордонъ въ своемъ дневникѣ упоминаетъ о подробныхъ бесѣдахъ съ царемъ, въ которыхъ обсуждались вопросы военной техники и политики; весьма часто говорится и о томъ, что царь съ большою компаніею (до 100 и 200 лицъ) по цѣлымъ суткамъ бражничалъ у своихъ знакомыхъ, иностранныхъ дипломатовъ, офицеровъ и пр. По словамъ Кохена, Келлера и Гордона, такія посѣщенія бывали имъ подъ-часъ въ тягость.

---

[1]) Устряловъ, II, 166—168.
[2]) Tagebuch Gordon's, II, 483.
[3]) Устряловъ, II, 359—360.

Въ 1692—93 годахъ, Петръ велѣлъ построить для Лефорта великолѣпный домъ, роскошно меблированный: здѣсь происходили самыя веселыя попойки; здѣсь царь до отправленія въ Архангельскъ однажды пировалъ около четырехъ дней сряду. Въ погребѣ у Лефорта находились постоянно большіе запасы виноградныхъ винъ, на нѣсколько тысячъ рублей. Во время такихъ пиршествъ бесѣдовали о государственныхъ дѣлахъ на западѣ, пивали за здоровье короля англійскаго, Вильгельма III, или произносили тосты въ честь Женевской республики, Генеральныхъ Штатовъ. Такимъ образомъ, и попойки имѣли нѣкоторое политическое значеніе и были нѣкоторымъ образомъ политическою школою [1]).

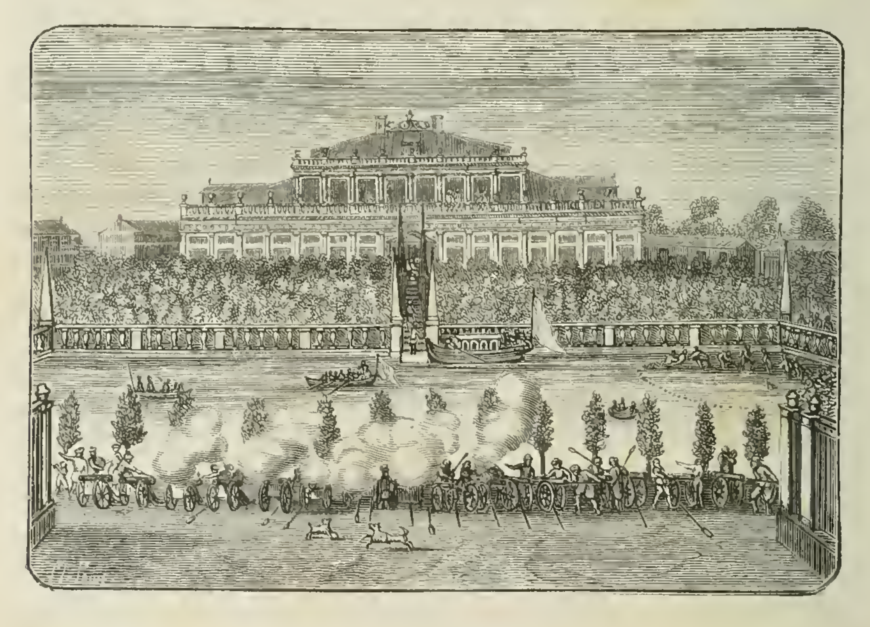
Разумѣется, подъ часъ, увеселенія царя доходили до буйства; бражничанье принимало ужасающіе размѣры; молодому царю, отъ природы чувственному, изобилующему силой, трудно было знать мѣру въ весельи и разгулѣ. При его положеніи, всѣ угождали ему. Царь освободился отъ азіатскаго церемоніала и этикета, господствовавшихъ до того въ Кремлевскомъ дворцѣ; изъ таинственнаго полумрака царскихъ покоевъ онъ «выбѣжалъ на улицу». Нашъ знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ, пишетъ: «Петръ выбѣгаетъ изъ дворца на улицу, чтобы больше уже не возвращаться во дворецъ съ тѣмъ значеніемъ, съ какимъ сидѣли тамъ его предки... Молодой богатырь расправляетъ свои силы. Въ то время, когда Россія повернула на новый путь, какъ нарочно грусть и скука выгоняютъ молодого царя изъ дворца, въ новую сферу, гдѣ онъ окруженъ новыми людьми, гдѣ онъ вождь новой дружины, разорвавшей съ прежнимъ бытомъ, съ прежними отношеніями. Безъ оглядки бѣжитъ онъ изъ скучнаго дворца чистымъ и свѣжимъ, новымъ человѣкомъ, и потому способнымъ окружить себя новыми людьми; онъ убѣжалъ отъ царедворцевъ и ищетъ товарищей, беретъ всякаго, кто покажется ему годнымъ для его дѣла... Для Петровыхъ дѣда, отца и брата, кромѣ ихъ природы, недоступный, окруженный священнымъ величіемъ и страхомъ дворецъ служилъ тѣмъ же, чѣмъ теремъ для древней русской женщины—охранялъ нравственную чистоту, хотя мы узнаемъ, что болѣе живой по природѣ царь, Алексѣй Михайловичъ, любилъ иногда пошировать, напоить бояръ и духовника. Младшій сынъ его, съ пылкою, страстною природою, выбѣжалъ изъ дворца на улицу, а мы знаемъ, какъ грязна русская улица въ концѣ XVII вѣка; справимся съ извѣ-

---

[1]) Нѣкоторые примѣры таковыхъ бесѣдъ встрѣчаются въ сочиненіи Корба, Diarium itineris in Moscoviam.

стіями о господствовавшихъ порокахъ тогдашняго общества, и намъ объяснятся привычки Петра, которыя такъ намъ въ немъ не нравятся» [1]).

Петръ не только пировалъ смѣлѣе, разгульнѣе отца—онъ и работалъ гораздо болѣе отца. Алексѣй Михайловичъ мечталъ о сооруженіи флота, но не успѣлъ осуществить этого дѣла, въ которомъ не принималъ личнаго, непосредственнаго участія. Петръ успѣлъ создать флотъ именно самоличною работою моряка и корабельнаго плотника. Не мудрено, что царь, превратившись въ матроса и ремесленника, подъ часъ любилъ отдыхать отъ труда, какъ

Домъ Лефорта въ Нѣмецкой слободѣ.
Съ рѣдкой современной гравюры Генриха де-Виттъ, находящейся въ коллекціи П. Я. Дашкова.

отдыхали его товарищи,—въ гавани и на верфяхъ. Отсюда нѣкоторая необузданность въ попойкахъ, недостатокъ въ поддержаніи достоинства государя, нарушеніе правилъ внѣшняго приличія, подобающаго царю. Отказавшись играть роль полубога на престолѣ, царь, подъ часъ, въ кругу подданныхъ, людей скромныхъ, велъ себя какъ равный между равными. Нельзя по этому удивляться тому значенію, которое имѣлъ въ увеселеніяхъ царя «Ивашка Хмѣль-

[1]) Соловьевъ, XIV, 110—112.

ницкій», о которомъ такъ часто упоминается въ шутливыхъ запискахъ царя и его товарищей.

Охота Петра къ страннымъ шуткамъ, маскарадамъ и пр. напоминаетъ нѣкоторыя черты подобныхъ эпизодовъ, случавшихся при Иванѣ Грозномъ. При дворѣ Петра было множество шутовъ, карликовъ [1]). Уже въ это время встрѣчаются многія шутки съ «княземъ-папою», Зотовымъ, бывшимъ дядькою царя. Въ началѣ 1695 года, Петръ отпраздновалъ свадьбу своего шута, Тургенева, слѣдующимъ образомъ. Въ поѣздѣ были бояре, окольничіе и думные люди; «ѣхали они», какъ разсказываетъ современникъ, «на быкахъ, на козлахъ, на свиньяхъ, на собакахъ; а въ платьяхъ были смѣшныхъ, въ кулихъ мочальныхъ, въ шляпахъ лычныхъ, въ крашенинныхъ кафтанахъ, опушенныхъ кошачьими лапами, въ сѣрыхъ и разноцвѣтныхъ кафтанахъ, опушенныхъ бѣлыми хвостами, въ соломенныхъ сапогахъ, въ мышьихъ рукавицахъ, въ лубочныхъ шапкахъ и пр.» [2]). Можно считать вѣроятнымъ, что самому царю принадлежала весьма важная доля въ устройствѣ такихъ сумасбродныхъ увеселеній. Зато нѣкоторыя изъ шутокъ и увеселеній его свидѣтельствуютъ о вліяніи западно-европейскаго образованія. При фейерверкахъ, нерѣдко представлялись сцены миѳологическія. Въ письмахъ Петра къ Виніусу упоминается, напр., по случаю пожара, о Вулканусѣ; говоря о бурѣ, онъ шутилъ относительно коварства Нептунуса; во время военныхъ упражненій, онъ писалъ о Марсовой потѣхѣ и т. п.

Пылкая, страстная натура Петра обнаруживалась иногда при попойкахъ бранью или даже дракою. Однажды на пиру онъ собственноручно нанесъ побои своему шурину Лопухину, который чѣмъ-то обидѣлъ Лефорта. Такіе случаи взрывовъ царскаго гнѣва повторялись часто, и тогда стоило большого труда успокоивать молодого государя.

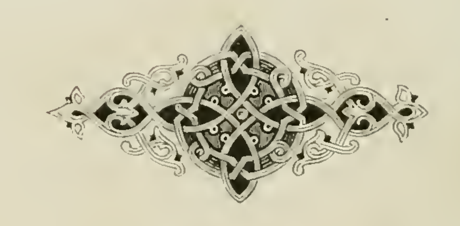
Государственными дѣлами Петръ пока не занимался. Нельзя, поэтому, удивляться ничтожности распоряженій въ области законодательства и администраціи въ это время. Управляли дѣлами главнымъ образомъ дядя государя, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Въ области внѣшней политики главнымъ дѣльцомъ былъ думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ. Бояре Троекуровъ, Стрѣшневъ, Прозоровскій, Головкинъ,

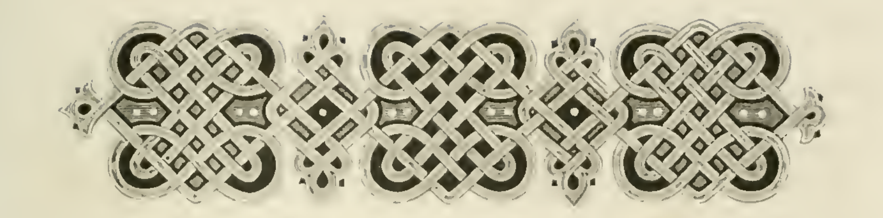
[1]) Поссельтъ, II, 88.

[2]) Желябужскаго записки, стр. 39—40.

Шереметевъ, Долгорукій и Лыковъ были начальниками важнѣйшихъ приказовъ.

Петръ пока ограничивался приготовленіемъ средствъ, необходимыхъ для успѣха во внѣшней политикѣ. Онъ занимался развитіемъ войска и положилъ начало флоту. Сдѣлавшись воспитанникомъ наставниковъ-иностранцевъ, онъ мало-по-малу становился способнымъ заняться и внутреннимъ преобразованіемъ государства. Ближайшимъ результатомъ эпохи ученія Петра и его пребыванія въ Нѣмецкой слободѣ были Азовскіе походы. За ними слѣдовало еще болѣе важное событіе—путешествіе за границу.

ГЛАВА VII.

Азовскіе походы.

ЖЕДИМИТРІЙ, во время своего краткаго царствованія, мечталъ о походѣ на турокъ и татаръ. Наканунѣ своей гибели, онъ былъ занятъ приготовленіями къ войнѣ. Подобно тому, какъ впослѣдствіи Петръ, онъ устраивалъ военныя потѣхи, маневры и говорилъ о необходимости взятія Азова. Вообще, между Лжедимитріемъ и Петромъ Великимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть небольшое сходство. И тотъ, и другой старались освободиться отъ господствовавшихъ до того правилъ придворнаго этикета; ихъ обоихъ было можно назвать западниками; оба они, начиная заниматься дѣлами внѣшней политики, останавливались по преимуществу на восточномъ вопросѣ; оба они считали необходимыми наступательныя дѣйствія.

Съ тѣхъ поръ, какъ Лжедимитрій мечталъ о завоеваніи Крыма и Азова, о союзѣ съ Генрихомъ IV противъ мусульманъ, происходили разныя столкновенія между восточнымъ міромъ и Россіею, которая, однако, не могла похвалиться особенно успѣшными дѣйствіями. Хотя московскому правительству и удалось отстоять Малороссію отъ притязаній турокъ,—Чигиринскіе походы все таки служили доказательствомъ превосходства турецкаго оружія надъ рус-

скимъ. Еще менѣе утѣшительными были, какъ мы видѣли, Крымскіе походы при царевнѣ Софьѣ.

Отношенія Россіи къ туркамъ и татарамъ оставались съ тѣхъ поръ неопредѣленными, натянутыми. Не было войны, но не было заключено и мира. Союзъ съ Польшею, имѣвшій главною цѣлью войну съ татарами и турками, оставался пока въ полной силѣ. Однако военныя дѣйствія были прерваны. Существовало лишь что-то въ родѣ фактическаго перемирія. Старанія малороссійскаго гетмана Мазепы склонить хана Саадатъ-Гирея къ заключенію мира не повели къ желаемой цѣли, потому что ханъ хотѣлъ мира не иначе, какъ на основаніи существовавшихъ до 1687 года между Россіею и ханомъ условій. Значитъ, ханъ требовалъ, чтобы Россія по прежнему присылала ему поминки, т. е. дань. Въ 1692 году, былъ отправленъ въ Бахчисарай дипломатическій агентъ, но переговоры не повели ни къ какому результату: ханъ не хотѣлъ отказаться отъ дани и не соглашался на требованіе дать свободу находившимся въ Крыму русскимъ плѣнникамъ.

Шаткость положенія дѣлъ въ Малороссіи была выгодна для татаръ;—въ Малороссіи всегда находились люди, мечтавшіе о союзѣ съ татарами противъ московскаго правительства.

Въ свою очередь, Польша и императоръ Леопольдъ постоянно требовали отъ Россіи возобновленія военныхъ дѣйствій противъ турокъ и татаръ. Гордонъ, въ маѣ 1691 года, писалъ къ своему родственнику, въ Шотландію: «здѣсь находится императорскій интернунцій, который долженъ заставить насъ сдѣлать диверсію противъ татаръ. Онъ, однако, не успѣетъ въ своемъ намѣреніи, потому что мы, по недостатку силъ и средствъ, должны довольствоваться лишь прикрытіемъ нашихъ границъ» [1]). Въ январѣ 1692 года, онъ писалъ: «мы здѣсь живемъ въ мирѣ, и самыя настоятельныя требованія нашихъ союзниковъ не заставятъ насъ предпринять что-либо важное» [2]).

Между тѣмъ, набѣги татаръ повторялись безпрерывно; въ началѣ 1692 года, подъ стѣнами города Немирова, въ Малороссіи, появилось не менѣе 12,000 татаръ; они выжгли предмѣстья города и увели съ собою множество народа, лошадей и пр. Разсказывали, что турки, находившіеся въ Азовѣ, готовились также сдѣлать нападеніе на Россію [3]).

---

[1]) Tagebuch Gordon's, III, 280. О стараніяхъ Курца см. также соч. Поссельта о Лефортѣ, I, 516.

[2]) Tagebuch Gordon's, III, 809.

[3]) Тамъ-же, II. 317, 346, 398, 400.

Мы не знаемъ, какимъ образомъ возникла и развилась мысль объ Азовскомъ походѣ: нельзя сомнѣваться въ томъ, что мысль о войнѣ довольно часто служила предметомъ бесѣдъ между Петромъ, Лефортомъ и Гордономъ. Во всякомъ случаѣ, уже лѣтомъ 1694 года, начали говорить о какихъ-то предпріятіяхъ. Лефортъ писалъ къ своимъ родственникамъ, въ Женеву, что идетъ рѣчь о путешествіи царя въ Казань и Астрахань; въ сентябрѣ, онъ писалъ о намѣреніи царя соорудить флотъ на Волгѣ и начать какіе-то важные переговоры съ Персіею [1]). Лефортъ пока молчалъ о турецкой войнѣ.

«Автономъ Михайловичъ Головинъ»

Съ портрета, находящагося на современной гравюрѣ „Взятіе Азова".

Зато баронъ Келлеръ писалъ около того же времени: «меня увѣряли, что Ихъ Царскія Величества скоро докажутъ, въ какой мѣрѣ они склонны къ рѣвнительнымъ дѣйствіямъ противъ невѣрныхъ [1]). Также и Гордонъ писалъ, въ концѣ 1694 года, своему другу, ксёндзу Шмидту: «я думаю и надѣюсь, что мы въ это лѣто предпримемъ что-нибудь для блага христіанства и нашихъ союзниковъ» [2]). Такъ какъ уже въ самомъ началѣ 1695 года, именно 20-го января, были сдѣланы первыя распоряженія для мобилизаціи войска, причемъ было указано на Крымъ, какъ на цѣль похода, то можно считать вѣроятнымъ, что Гордонъ, въ декабрѣ 1694 года, уже зналъ точно о

[1]) Соловьевъ, XIV, 217.
[2]) Posselt, II, 229.

намѣреніяхъ царя, но не считалъ себя въ правѣ высказываться объ этомъ иначе, какъ въ видѣ предположеній.

Со стороны іерусалимскаго патріарха Досиѳея также было сдѣлано царямъ увѣщаніе къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Онъ въ раздраженіи жаловался на то, что французы, посредствомъ подкупа, забрали въ свои руки священныя мѣста въ Іерусалимѣ, на ихъ козни въ Константинополѣ, направленныя противъ московскаго правительства, и т. п. Изъ всего этого патріархъ выводилъ заключеніе о необходимости войны. «Вамъ не полезно», писалъ Досиѳей, «если турки останутся жить на сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подоліи, или на Украйнѣ, или если Іерусалимъ оставите въ ихъ рукахъ: худой это будетъ миръ». Далѣе, въ этомъ посланіи сказано: «если татары погибнутъ, то и турки съ ними, и дойдетъ ваша власть до Дуная, а, если татары останутся цѣлы, то они васъ обманутъ. Впередъ такого времени не сыщете, какъ теперь... Александръ Великій, не ради Бога, но ради единоплеменниковъ своихъ, на персовъ великою войною ходилъ, а вы, ради святыхъ мѣстъ и единаго православія, для чего не бодрствуете, не трудитесь, не отгоняете отъ себя злыхъ сосѣдей? Вы упросили у Бога, чтобъ у турокъ была война съ нѣмцами; теперь такое благополучное время, — и вы не радѣете!.. Смотрите, какъ смѣются надъ вами... татары, горсть людей, и хвалятся, что берутъ у васъ дань, а, такъ какъ татары подданные турецкіе, то выходитъ, что и вы турецкіе подданные. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать и то, и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакого» [1]).

Въ народѣ считали Лефорта главнымъ виновникомъ Азовскихъ походовъ. Трудно сказать, насколько это предположеніе было справедливо. Слишкомъ смѣлою кажется гипотеза нашего извѣстнаго историка Соловьева: «Лефортъ хотѣлъ, чтобъ Петръ предпринялъ путешествіе за границу, въ западную Европу; но какъ показаться въ Европѣ, не сдѣлавши ничего, не принявши дѣятельнаго участія въ священной войнѣ противъ турокъ. Не забудемъ, что, тотчасъ по взятіи Азова, предпринимается путешествіе за границу; эти два событія состоятъ въ тѣсной связи» [2]). Дѣло въ томъ, что нѣтъ никакихъ данныхъ, подтверждающихъ предположеніе, что мысль о путешествіи за границу возникла до Азовскихъ походовъ, — напротивъ, это путешествіе было вызвано опытами, сдѣланными во время Азовскихъ походовъ.

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 216—220.
[2]) Тамъ-же, XIV, 217—218.

Зато нельзя сомнѣваться въ тѣсной связи между маневрами предыдущихъ годовъ и Азовскими походами. Австрійскій дипломатическій агентъ Плейеръ, находившійся въ то время въ Россіи, видѣлъ въ Кожуховскомъ походѣ приготовленіе къ турецкой войнѣ и смѣялся надъ русскими, не понимавшими значенія этихъ военныхъ упражненій. Къ тому же Плейеръ узналъ, что царь черезъ атамана донскихъ казаковъ собиралъ свѣдѣнія о положеніи крѣпости Азова [1]).

Самъ Петръ, въ письмѣ къ Апраксину, такимъ образомъ говорилъ о нѣкоторой связи между маневрами и войною: «хотя въ ту пору, какъ осенью, впродолженіе пяти недѣль, трудились мы подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры на умѣ не было, однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла» [2]).

Указывая въ манифестахъ на Крымъ, какъ на цѣль похода, правительство, кажется, старалось скрывать настоящую цѣль военныхъ операцій. Предполагалось занятіе устьевъ Днѣпра и Дона. И тамъ, и здѣсь находились турецкія укрѣпленія, препятствовавшія сообщенію Россіи съ Чернымъ моремъ и служившія базисомъ при набѣгахъ татаръ на Россію. Для обезпеченія южныхъ границъ московскаго государства, для охраненія городовъ (Бѣлгорода, Тамбова, Козлова, Воронежа, Харькова и др.), для развитія торговли и промышленности во всемъ этомъ краѣ, было необходимо завладѣть, съ одной стороны, Азовомъ, съ другой—приднѣпровскими крѣпостцами (Кизикерменъ, Арсланъ-Ордекъ, Таганъ и пр.); тогда только можно было надѣяться на успѣшныя дѣйствія и противъ крымскихъ татаръ.

Походы Голицына не имѣли успѣха преимущественно потому, что сообщеніе голою степью представляло громадныя затрудненія. Теперь же, при походѣ на Азовъ, водный путь для передвиженія войска, припасовъ, военныхъ снарядовъ представлялъ значительныя преимущества.

До этого русскіе воины весьма часто являлись на низовьяхъ Днѣпра и Дона. Днѣпръ былъ частью пути «изъ Варягъ въ Греки»; этой дорогою шли когда-то полчища Олега и Игоря, при походахъ на Византію. На Дону, до самаго устья, много разъ показывались казаки—морскіе разбойники, отправлявшіеся нерѣдко грабить берега Чернаго моря и возвращавшіеся обыкновенно съ

[1]) Устряловъ, II, 568.
[2]) Тамъ-же, II, 219.

богатою добычею. Такіе набѣги казаковъ повторялись особенно часто въ XVII вѣкѣ. Въ 1626 году, казаки даже явились въ окрестностяхъ Константинополя, гдѣ разграбили какой-то монастырь. Около этого же времени, они обратили въ пепелъ малоазіатскіе города Трапезунтъ и Синопъ. Нерѣдко турецкое правительство жаловалось московскому на неистовство казаковъ. Цари оправдывались тѣмъ, что не имѣютъ средствъ сдерживать ихъ.

Къ 1637 году относится взятіе Азова казаками. Затѣмъ они выдержали тамъ осаду. «Азовское сидѣнье» сдѣлалось любимымъ предметомъ народныхъ пѣсень. Когда казаки предложили московскому правительству удержать за собою эту крѣпость, царь Михаилъ Өеодоровичъ не рѣшился на эту мѣру, которая легко могла повести къ совершенному разладу съ Оттоманскою Портою.

Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько десятилѣтій. Турки успѣли возобновить старинныя укрѣпленія Азова; 26,000 человѣкъ работали нѣсколько лѣтъ; соорудили каменную крѣпость въ видѣ четыреугольника, съ бастіонами и отдѣльнымъ внутри замкомъ; обвели ее высокимъ землянымъ валомъ, съ глубокимъ рвомъ; выше Азова построили двѣ каменныя каланчи, а на Мертвомъ Донцѣ (сѣверномъ притокѣ Дона) каменный замокъ Лютинъ. Азовъ сдѣлался крѣпостью сильною, тѣмъ болѣе, что турки всегда могли подать ему помощь съ моря, на которомъ не имѣли соперниковъ [1]).

Между тѣмъ какъ шли приготовленія къ походу на Азовъ, за границею думали, что цѣлью военныхъ операцій будетъ Крымъ. Въ письмѣ къ одному знакомому, Лейбницъ выразилъ надежду, что Петръ вытѣснитъ совершенно татаръ изъ полуострова и этимъ окажетъ услугу христіанству [2]).

Распоряженія относительно командованія войсками въ предстоявшемъ походѣ заслуживаютъ вниманія: боярину Борису Петровичу Шереметеву было ввѣрено начальство надъ 120,000-мъ войскомъ старипнаго московскаго устройства; это войско, вмѣстѣ съ малороссійскими казаками, должно было дѣйствовать противъ турецкихъ укрѣпленій на Днѣпрѣ. Труднѣйшая задача, осада Азова, была предоставлена войскамъ новаго устройства, въ числѣ 31,000. Само собою разумѣется, что царь находился при этомъ войскѣ; начальство надъ нимъ было поручено консиліи трехъ генераловъ: Головина, Лефорта и Гордона. Дѣла рѣшались въ этой консп-

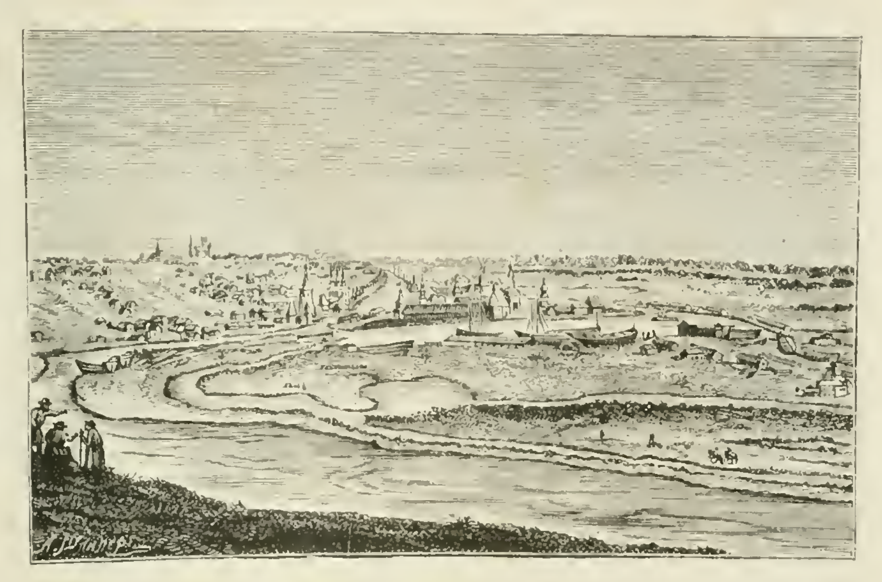
---

[1]) Устряловъ II, 223.

[2]) Guerrier. «Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter d. Gr.», 7.

ліи, но приговоры ея исполнялись не иначе, какъ съ согласія «Бомбардира Преображенскаго полка, Петра Алексѣева».

Какъ кажется, Петръ предоставилъ себѣ начальство надъ артиллеріею. Мысль ввѣрить главное управленіе надъ всѣмъ войскомъ тремъ генераламъ оказалась весьма неудачною. Въ теченіи всего похода замѣтно нѣкоторое соперничество между Гордономъ и Лефортомъ. Вслѣдствіе этого, въ русскомъ лагерѣ иногда недоставало единства военной мысли и согласія. Петръ самъ не

Воронежъ въ концѣ XVII столѣтія.
Съ современной голландской гравюры.

имѣлъ опытности и не былъ въ состояніи рѣшать безпристрастно, чье мнѣніе, Гордона или Лефорта, заслуживало бо̀льшаго довѣрія. Въ это время, безспорно, Лефортъ находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ царю, нежели Гордонъ. Въ дневникѣ послѣдняго не разъ говорится съ озлобленіемъ о Лефортѣ, мнѣнія и распоряженія котораго дѣйствительно оказывались довольно часто нецѣлесообразными [1]).

Уже въ самомъ началѣ похода, пришлось бороться отчасти съ тѣми самыми затрудненіями, жертвою которыхъ сдѣлался Голи-

[1]) Поссельтъ въ своемъ сочиненіи о Лефортѣ обвиняетъ Гордона въ пристрастіи. Однако сочиненіе Поссельта, въ свою очередь, оказывается также далеко не безпристрастнымъ.

цынъ въ 1687 и 1689 годахъ. Между прочимъ, ощущался сильный недостатокъ въ лошадяхъ. Войска и скотъ страдали отъ недостатка воды. Дисциплина въ войскѣ оказалась далеко не образцовою. Даже степной пожаръ, сдѣлавшійся роковымъ въ 1687 году, повторился и въ 1695 году, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ.

Гордонъ, находившійся въ авангардѣ, долженъ былъ употреблять большія усилія для того, чтобы принудить казацкаго атамана, Фрола Минаева, къ энергическимъ дѣйствіямъ. Изъ бесѣдъ Гордона съ нимъ видно, что и въ настоящемъ случаѣ казацкій элементъ оказался ненадежнымъ, шаткимъ, своевольнымъ, склоннымъ къ измѣнѣ.

Какъ скоро начались приготовленія къ осадѣ, несогласіе между главнокомандующими обнаружилось еще рѣзче. Работы шли медленно, вяло, неудачно. Много бѣдъ надѣлала измѣна голландскаго матроса Якова Янсена, передавшагося туркамъ и сообщившаго имъ самыя подробныя свѣдѣнія о состояніи и расположеніи русской арміи. Янсенъ пользовался особеннымъ довѣріемъ Петра, проводившаго съ нимъ дни и ночи, не скрывая отъ него своихъ намѣреній. Въ Азовѣ находились также русскіе раскольники, измѣнившіе своему отечеству. Одинъ изъ нихъ пробрался въ траншеи осаждавшаго Азовъ войска, отозвался по-русски на окликъ часовыхъ, что онъ казакъ, все осмотрѣлъ и возвратился въ крѣпость [1]).

Скоро всѣ могли убѣдиться въ томъ, что настоящая война не похожа на прежніе маневры. Напрасно Петръ до Азовскаго похода писалъ къ Апраксину: «шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть ѣдемъ» [2]). Напрасно Плейеръ, въ своихъ донесеніяхъ къ императору Леопольду, хвалилъ «великолѣпную артиллерію» русскихъ [3]).—Средства, которыми располагалъ Петръ, оказывались далеко не достаточными. Благодаря недобросовѣстности поставщиковъ съѣстныхъ припасовъ, войско между прочимъ страдало отъ недостатка соли. Вообще военная администрація оказалась несостоятельною. На стрѣльцовъ была плохая надежда: они не слушались своихъ начальниковъ и вообще неохотно участвовали въ походѣ.

Въ половинѣ іюля, удалось овладѣть каланчами выше Азова. Этотъ подвигъ, совершонный донскими казаками, произвелъ въ

---

[1]) Устряловъ, II, 236.
[2]) Тамъ-же, II, 449.
[3]) Тамъ-же, II, 569.

арміи неописанную радость. Въ происходившихъ затѣмъ стычкахъ съ непріятелемъ, турки всегда оказывались сильнѣе и опытнѣе. Особенной опасности подвергалась та часть лагеря, въ которой командовалъ Лефортъ. Гордонъ, при одной вылазкѣ турокъ, потерялъ нѣсколько пушекъ. Въ военномъ совѣтѣ главнокомандующихъ царствовало полнѣйшее несогласіе. Гордонъ пишетъ: «все дѣлалось такъ медленно и безпорядочно, будто мы не имѣли вовсе въ виду серьезно взять крѣпость» [1]).

Вскорѣ явилась мысль о приступѣ. Всѣ, разсказываетъ Гордонъ, заговорили объ этомъ, хотя никто не имѣлъ понятія объ условіяхъ, необходимыхъ для такого дѣла. Напрасно Гордонъ подробно объяснялъ въ военномъ совѣтѣ, почему нельзя было пока надѣяться на успѣхъ приступа: ему не удалось убѣдить царя въ невозможности этого предпріятія до окончанія нѣкоторыхъ работъ, предпринятыхъ съ цѣлью обезпеченія войскъ на случай неудачи.

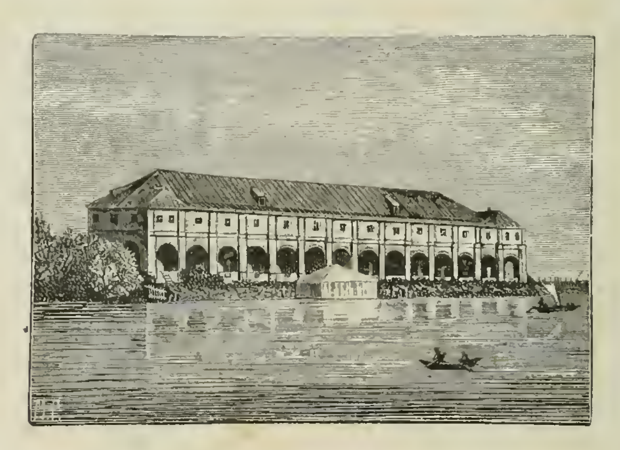
Приступъ, сдѣланный 5-го августа, имѣлъ весьма печальный исходъ. Много людей погибло совершенно понапрасну. Гордонъ подробно пишетъ объ уныніи, господствовавшемъ въ войскѣ. Недоставало искусныхъ инженеровъ. Главнымъ инженеромъ былъ Францъ Тиммерманъ, а его помощниками: Адамъ Вейде, Яковъ Брюсъ и швейцарецъ Морло. Они дѣйствовали неудачно и, кажется, не умѣли взяться за дѣло. Однажды, устроили въ подкопѣ камеру и наполнили ее порохомъ. Гордонъ доказывалъ, что преждевременный взрывъ не принесетъ никакой пользы и только перебьетъ своихъ же. Но созванный государемъ военный совѣтъ рѣшилъ взорвать подкопъ, и, какъ скоро обрушится стѣна, занять проломъ войсками. Предсказанія Гордона сбылись буквально. Крѣпостная стѣна осталась невредимою, а множество русскихъ погибло. «Эта неудача», говоритъ Гордонъ, «сильно огорчила государя и произвела неописанный ужасъ въ войскѣ, потерявшемъ послѣ этого всякое довѣріе къ иностранцамъ» [2]).

Такого рода ошибки повторялись. Опять пошла рѣчь о штурмѣ и опять Гордону пришлось говорить противъ него. Возраженія его были оставлены безъ вниманія. Распоряженія царя основывались на совѣтахъ Лефорта и противорѣчили убѣжденіямъ Гордона. Лефортъ и Головинъ ласкали себя какими-то, ни на чемъ не основанными, надеждами и даже дали понять Гордону, что его со-

[1]) Gordon's Tagebuch, II, 576, 578, 601.
[2]) Тамъ-же, II, 603.

мнѣнія и опасенія вызваны какъ будто нежеланіемъ взять крѣпость. Однимъ словомъ, между генералами постоянно царствовало полнѣйшее разногласіе.

Впрочемъ, и Лефортъ въ одномъ изъ своихъ писемъ замѣтилъ, что царю, очевидно, не была извѣстна численность азовскаго гарнизона,—иначе онъ позаботился бы о собраніи подъ стѣнами крѣпости большаго количества войска. Трудно сказать, имѣло ли основаніе предположеніе Лефорта, что при болѣе многочисленномъ войскѣ крѣпость была бы взята. Какъ бы то ни было, но на этотъ разъ предпріятіе Петра кончилось полною неудачею. 27-го сентября, рѣшили, что нужно отступить. Единственнымъ, сравнительно скромнымъ успѣхомъ было занятіе каланчей.

Цейхгаузъ Петровскаго времени въ Воронежѣ.
Въ его настоящемъ видѣ.

Въ свою очередь, и Шереметевъ лишь отчасти дѣйствовалъ успѣшно. Онъ занялъ два форта на Днѣпрѣ: Кизикерменъ и Таганъ.

Петръ, во время пребыванія подъ Азовомъ, участвовалъ самолично во всѣхъ трудахъ и подъ часъ подвергалъ себя опасностямъ. Въ дневникѣ Гордона сказано, что царь весьма часто находился въ мрачномъ расположеніи духа. Два товарища царя, его сотрудники въ Потѣшномъ войскѣ, Воронинъ и Лукинъ, были убиты подъ Азовомъ. Онъ горевалъ также о потерѣ Троекурова, своего «друга», какъ онъ назвалъ его въ письмѣ къ князю Ромодановскому. Впрочемъ, сохранились и другія относящіяся къ этому времени письма царя, въ которыхъ онъ, смѣясь, говорилъ о «паншутѣйшемъ», «всеяузскомъ патріархѣ» Зотовѣ, о «Марсовой по-

тѣхѣ», о подвигахъ «Ивашки Хмѣльницкаго» и проч. Неудачи при осадѣ Азова, кажется, нисколько не повредили отношеніямъ царя къ иностранцамъ. Зато, какъ мы видѣли, раздраженіе въ войскѣ противъ иностранныхъ офицеровъ и инженеровъ могло повести легко къ перемѣнѣ ихъ положенія. Александръ Гордонъ, племянникъ Патрика, также участвовавшій въ осадѣ Азова, замѣчаетъ въ своей «Исторіи Петра Великаго», что Адамъ Вейде,

Корабль „Молящійся св. Апостолъ Петръ", построенный Петромъ I въ Воронежѣ, въ 1696 г.

Съ современной гравюры Шхонебека.

которому приписывали неудачу съ вышеупомянутымъ подкономъ, сдѣлался предметомъ общей ненависти, и нѣсколько дней сряду не смѣлъ показываться солдатамъ.

Ко всѣмъ неудачамъ подъ Азовомъ присоединилась еще та бѣда, что отступленіе войска и возвращеніе его въ предѣлы Московскаго государства было сопряжено съ ужасными затрудненіями. По случаю бури, имѣвшей слѣдствіемъ разливъ водъ у береговъ Азовскаго моря, утонуло много народу. Арріергардъ войска, начальникомъ

котораго былъ Гордонъ, страшно страдалъ отъ нападеній татаръ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ отступавшее войско. Одинъ полкъ былъ разбитъ совершенно, а полковникъ взятъ въ плѣнъ [1]). Впослѣдствіи въ народѣ разсказывали другъ другу подробности этого печальнаго эпизода [2]).

О лишеніяхъ и страданіяхъ войска во время отступленія мы узнаемъ изъ донесеній австрійскаго дипломатическаго агента Плейера, который, послѣ пребыванія подъ Азовомъ, по случаю болѣзни, на пути въ Москву пролежалъ въ Черкасскѣ. Возвращаясь оттуда въ Москву, онъ видѣлъ всю дорогу, на протяженіи 800 верстъ, усѣянною трупами людей и лошадей; всѣ деревни были переполнены больными, заражавшими мѣстныхъ жителей своими недугами; смертность была ужасная [3]).

Неудача перваго Азовскаго похода числомъ жертвъ превосходила неудачи Голицына въ Крымскихъ походахъ 1687 и 1689 годовъ. Однако, несмотря на все это, царь, послѣ краткаго пребыванія въ Тулѣ, гдѣ онъ на желѣзномъ заводѣ ковалъ собственными руками желѣзныя полосы, торжественно вступилъ съ войсками въ столицу. Правительство старалось придать особенное значеніе занятію турецкихъ каланчей близъ Азова. Это мѣсто, укрѣпленное по совѣтамъ Гордона, получило названіе «Новогеоргіевска». Самъ Петръ, однако-жь, не могъ не сознавать, что первое его предпріятіе, въ которомъ отвѣтственность лежала на царѣ и на окружавшихъ его иностранцахъ, потерпѣло полную неудачу.

Но именно здѣсь, благодаря этой неудачѣ, и проявился великій человѣкъ: Петръ не упалъ духомъ, но вдругъ выросъ отъ бѣды и обнаружилъ изумительную дѣятельность, чтобы загладить неудачу и упрочить успѣхъ второго похода. Съ азовской неудачи, какъ справедливо замѣчаетъ Соловьевъ, начинается царствованіе Петра Великаго [4]).

Послѣ азовской неудачи, въ народѣ легко могли вспомнить слова патріарха Іоакима, что не можетъ быть успѣха, если русскими полками будутъ предводительствовать иностранцы-еретики. Но царь, готовясь ко второму походу, болѣе прежняго разсчитывалъ на помощь иностранцевъ, выписывалъ изъ-за границы инженеровъ и судостроителей; Тиммерманъ, Вейде, Брюсъ, жившіе давно въ Москвѣ и не имѣвшіе возможности слѣдить за успѣхами тех-

---

[1]) Gordon's Tagebuch, II, 619.
[2]) Соч. Ив. Посошкова, I, 38.
[3]) Устряловъ, II, 582.
[4]) Соловьевъ, XIV, 225.

ники, оказались плохо приготовленными. Нужно было обратиться къ западно-европейскимъ правительствамъ, къ Австріи, Венеціи, Бранденбургскому курфирсту, чтобы достать людей болѣе опытныхъ и свѣдущихъ.

Еще до возвращенія въ Москву, Петръ извѣстилъ польскаго короля и императора Леопольда о томъ, что нельзя было взять Азова, по недостатку оружія, снарядовъ, а болѣе всего—искусныхъ инженеровъ. Одновременно съ этимъ, царь требовалъ, чтобы и польскій король, и императоръ, въ свою очередь, приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, когда, на будущую весну, государи пошлютъ подъ Азовъ и въ Крымъ войска многочисленнѣе прежнихъ [1]).

Особенно нужными для предстоявшаго похода оказались военныя суда, которыя могли бы пресѣчь непріятелю средства получать во время осады помощь съ турецкихъ кораблей войскомъ, снарядами и продовольствіемъ. Поэтому Петръ призвалъ изъ Архангельска голландскихъ и англійскихъ плотниковъ съ чужеземныхъ судовъ. Всѣ они были, волею и неволею, отправлены въ Воронежъ, гдѣ, уже со временъ царя Михаила Θеодоровича, производилась постройка плоскодонныхъ судовъ. По берегамъ рѣки Воронежа росли дремучіе лѣса, дубовые, липовые и сосновые, доставлявшіе обильный матеріалъ для кораблестроенія. Были устроены верфи; работа закипѣла. Около 26,000 человѣкъ всю зиму трудились на воронежскихъ верфяхъ. Отовсюду, съ частныхъ желѣзныхъ заводовъ, волею и неволею, были собираемы необходимые для судостроенія предметы.

Образцомъ для строившихся судовъ служила галера, заранѣе заказанная въ Голландіи и привезенная въ Москву, а затѣмъ въ Воронежъ. Работали не только въ Воронежѣ, но и въ Козловѣ, въ Добромъ, въ Сокольскѣ; кромѣ военныхъ судовъ, нужно было изготовить до 1000 транспортныхъ судовъ [2]).

Въ концѣ февраля 1696 года, самъ Петръ прибылъ въ Воронежъ для участія въ этихъ работахъ. 2-го апрѣля, происходилъ спускъ первой галеры, которая получила названіе «Принципіумъ». Въ апрѣлѣ же окончено сооруженіе 36-ти-пушечнаго корабля «Апостолъ Петръ». Начальникомъ галеры «Принципіумъ» сдѣлался самъ царь.

---

[1]) Устряловъ, II, 257. О перепискѣ съ Венеціею см. Пам. дипл. сношеній, VIII, 198—210, 353—357.

[2]) Веселаго, «Обзоръ ист. р. флота», I, 85. Елагинъ, «Ист. р. флота». Азовскій періодъ, I, 22 и слѣд.

*

Приходилось бороться съ разными затрудненіями. Многіе рабочіе бѣжали съ работъ; свирѣпствовали болѣзни; погода не благопріятствовала дѣлу. Самъ царь не домогалъ въ это время, но все-таки работалъ усердно и писалъ къ боярину Шереметеву: «мы, по приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой». Немудрено, что работа шла гораздо успѣшнѣе, чѣмъ во время постройки корабля «Орелъ», при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Вопросъ о главномъ начальствѣ надъ войскомъ былъ рѣшенъ иначе, нежели въ первый походъ. 14-го декабря 1695 года, Петръ пріѣхалъ за Гордономъ и отправился съ нимъ къ Лефорту, куда явились Головинъ и другіе вельможи. Тамъ происходило совѣщаніе, кого избрать генералиссимусомъ. На это мѣсто былъ назначенъ бояринъ Шеинъ. Можно думать, что тогда же было рѣшено назначеніе Лефорта адмираломъ новаго флота.

Обсуждались также предстоявшія военныя операціи. Шереметевъ опять долженъ былъ дѣйствовать на Днѣпрѣ, между тѣмъ какъ главная армія двигалась къ Азову. Достойно вниманія, что тѣ люди, которые во время маневровъ подъ Москвою разыгрывали роль «генералиссимусовъ», Бутурлинъ и Ромодановскій, преспокойно оставались дома. Съ Ромодановскимъ, который въ шутку величался «кесаремъ» и котораго Петръ называлъ обыкновенно «Min herr Kenih», Петръ переписывался въ это время, извѣщая его, какъ «своего государя», о ходѣ работъ, иногда же, за недосугомъ, посылалъ поклоны ему и Бутурлину вмѣстѣ съ другими, въ письмахъ къ Стрѣшневу и Виніусу. Ромодановскій былъ этимъ недоволенъ и дѣлалъ «господину капитану» выговоры. Царь оправдывался. «Въ послѣднемъ письмѣ», отвѣчалъ онъ Ромодановскому, «изволишь писать про вину мою, что я ваши государскія лица вмѣстѣ написалъ съ иными: и въ томъ прошу прощенія, потому что корабельщики, наши братья, въ чинахъ не искусны» [1]).

Такимъ образомъ, шутки и серьезныя работы смѣняли другъ друга. Въ январѣ 1796 года, скончался братъ Петра, царь Иванъ. Это событіе, кажется, не произвело на современниковъ никакого особеннаго впечатлѣнія. Въ источникахъ даже не упоминается о торжественномъ погребеніи усопшаго царя, не имѣвшаго, впрочемъ, при жизни никакого значенія.

Нельзя сказать, чтобы главный полководецъ, бояринъ Шеинъ, во второмъ Азовскомъ походѣ имѣлъ большое значеніе. Онъ, безъ

[1]) Устряловъ, II, 268.

сомнѣнія, столь же мало былъ приготовленъ для своего поста, какъ Лефортъ для должности адмирала. Главнымъ дѣльцомъ все-таки оставался Гордонъ, ранѣе другихъ прибывшій къ Азову, весною 1696 года. Что же касается до новыхъ инженеровъ, выписанныхъ изъ-за границы, то они пріѣхали довольно поздно, уже во время осады.

Военныя операціи начались въ маѣ. Царь въ это время, по-видимому, былъ особенно занятъ вопросомъ, окажется ли ново-

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій.

Съ портрета, находящагося въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

построенный флотъ, съ совсѣмъ еще неопытнымъ экипажемъ, способнымъ къ борьбѣ съ турецкими судами. 21-го мая, сдѣлавъ рекогносцировку и увидавъ довольно значительную турецкую эскадру, Петръ пришелъ къ Гордону и сообщилъ ему, что далъ приказаніе русскому флоту избѣгать столкновенія съ турецкою эскадрою. Разсказывая объ этомъ въ своемъ дневникѣ, Гордонъ замѣчаетъ, что Петръ при этомъ случаѣ казался печальнымъ и озадаченнымъ. Скоро послѣ этого, однако, узнали, что казаки напали на турецкій флотъ, повредили и разогнали его и многихъ

турокъ убили [1]). Довольно часто повторяемый разсказъ о личномъ участіи царя въ этомъ дѣлѣ лишенъ всякаго основанія.

Хотя новый русскій флотъ не считался способнымъ сражаться съ турецкою эскадрою, онъ все-таки, во время второго Азовскаго похода, былъ чрезвычайно полезенъ тѣмъ, что отрѣзывалъ крѣпость отъ турецкаго флота. Турки, въ свою очередь, не рѣшились атаковать русскій флотъ.

Бомбардированіе крѣпости началось 16-го іюня. До этого происходили небольшія стычки съ татарами, нападавшими на русскій лагерь. Во время бомбардированія, Петръ бóльшею частью оставался на своей галерѣ «Принципіумъ» и являлся въ лагерь только для совѣщаній съ генералами. Иногда онъ подвергался опасностямъ. На увѣщанія сестры Натальи быть осторожнѣе Петръ отвѣчалъ: «по письму твоему, я къ ядрамъ и пушкамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобъ не ходили; однако, хотя и ходятъ, только по ся поры вѣжливо» [2]).

Бомбардированіе, впрочемъ, не принесло выгодъ. Турки пока и не думали о сдачѣ. Нужно было прибѣгнуть къ другимъ мѣрамъ.

22-го іюня, когда спросили мнѣніе солдатъ и стрѣльцовъ, какимъ образомъ они думаютъ овладѣть городомъ, они отозвались, что надобно возвести высокій земляной валъ, привалить его къ валу непріятельскому и, засыпавъ ровъ, сбить турокъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Полководцы согласились на общее желаніе войска; ночью на 23-е іюня, приступили къ гигантской работѣ, къ возведенію земляной насыпи, подъ непріятельскими выстрѣлами. Немного позже, Гордонъ развилъ мысль, выраженную войсками, въ обширнѣйшихъ размѣрахъ и составилъ проектъ такому валу, который превышалъ бы крѣпостныя стѣны, съ выходами для вылазокъ, съ раскатами для батарей. Работа шла довольно успѣшно.

Между тѣмъ, 25-го іюня, прибыли иностранные инженеры. Они не ускорили своего путешествія потому, что въ Вѣнѣ ничего не знали о началѣ военныхъ операцій. Между прибывшими инженерами находился Боргсдорфъ, извѣстный какъ писатель въ области военной техники. Особенно отличился впослѣдствіи въ русской службѣ Краге. Когда Гордонъ водилъ этихъ инженеровъ по всѣмъ укрѣпленіямъ, они дивились огромности работъ, однако мы не знаемъ, какого мнѣнія они были о земляномъ валѣ.

Инженеры оказались полезными. Подъ ихъ руководствомъ, бомбардированіе шло успѣшнѣе прежняго, такъ что угловой бастіонъ

[1]) Tagebuch Gordon's, III, 6. Желябужскаго зап., 68.
[2]) Соловьевъ, XIV, 229.

[illegible] Вѣнскомъ [illegible]

[illegible] ность [illegible]

[illegible] русскій [illegible] Петръ большею частью [illegible] теперь только [illegible] опасностямъ. [illegible] Петръ отвѣчалъ [illegible] хотя [illegible]

[illegible] Петръ [illegible]

[illegible] Вѣнѣ [illegible]

[illegible]

Взятіе Азова въ 1696 году.

крѣпости былъ разрушенъ. Зато приступъ, предпринятый 17-го іюля съ земляного вала Запорожскими казаками, не имѣлъ успѣха, потому что храбрые воины не были поддержаны другими частями войска. Въ то время, когда въ военномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ о повтореніи штурма, турки открыли переговоры о сдачѣ крѣпости.

Сооруженіе вала, отважность запорожцевъ, искусство иностранныхъ инженеровъ, помощь флота, отрѣзывавшаго крѣпость отъ сообщенія съ моремъ, приготовленія къ общему штурму—все это вмѣстѣ побудило турокъ сдаться [1]).

Азовъ не былъ взятъ русскими съ бою, а сдался на капитуляцію; но все-таки сдача Азова являлась результатомъ искусныхъ дѣйствій Петра и его войска. Обрадованный этою побѣдою, Петръ сообщилъ о ней Ромодановскому, Виніусу и пр. Въ своемъ отвѣтѣ, Ромодановскій называлъ царя вторымъ Соломономъ, Самсономъ, Давидомъ. Въ покоренномъ Азовѣ пировали. Гордонъ занялся исправленіемъ укрѣпленій. Петръ поѣхалъ отыскивать удобное мѣсто для постройки гавани. Затѣмъ онъ возвратился въ Москву, гдѣ, 30 сентября, происходилъ торжественный входъ войскъ.

И въ этомъ празднествѣ, устроенномъ главнымъ образомъ подъ наблюденіемъ Виніуса, но по указаніямъ Петра, замѣтно вліяніе иностранцевъ. Тріумфальныя ворота были построены по образцу древне-классическихъ; вездѣ были видны непонятныя для народа эмблемы и аллегоріи; было множество лавровыхъ вѣнковъ; надписи гласили о побѣдѣ Константина надъ Максентіемъ, о подвигахъ Геркулеса и Марса. Гораздо нагляднѣе были картины. Желябужскій пишетъ: «на Каменномъ мосту всесвятскомъ, на башнѣ, сдѣлана оказа азовскаго взятія, и ихъ пашамъ персуны написаны живописнымъ письмомъ, также на холстинѣ левкашено живописнымъ же письмомъ, какъ что было подъ Азовымъ, передъ башнею по обѣ стороны» [2]). Лефортъ ѣхалъ въ золотыхъ государевыхъ саняхъ въ шесть лошадей. За великолѣпными санями адмирала шелъ самъ Петръ, въ скромномъ мундирѣ морского капитана, «съ протозаномъ» въ рукѣ, въ нѣмецкомъ платьѣ, въ шляпѣ.

[1]) Лефортъ приписывалъ главную долю успѣха флоту; см. соч. Поссельта, II, 348.—Сохранилось преданіе, что Петръ приписывалъ взятіе Азова главнымъ образомъ доблести и искусству Гордона. Партовъ, разсказывая о похоронахъ Гордона, сообщаетъ, что Петръ, кинувъ земли въ могилу, сказалъ: «я ему даю только горсть земли, а онъ далъ мнѣ цѣлое государство съ Азовомъ». Этотъ разсказъ не можетъ считаться историческимъ фактомъ. Гордонъ не былъ завоевателемъ Азова. См. мое сочиненіе о Гордонѣ, стр. 97.

[2]) Желябужскій, 93

Такая скромность государя сильно не понравилась народу [1]).

Взятіе Азова произвело глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Послѣ неудачъ Чигиринскихъ походовъ, при царѣ Ѳедорѣ, и Крымскихъ—при царевнѣ Софьѣ, этотъ успѣхъ царя Петра имѣлъ особенное значеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ русское оружіе одерживало побѣды, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, прошло нѣсколько десятилѣтій. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ неудачъ. При громадномъ значеніи восточнаго вопроса въ то время, побѣда царя, одер-

Бояринъ Алексѣй Семеновичъ Шеинъ.

С̃ъ портрета, находящагося на современной гравюрѣ „Взятіе Азова“.

жанная надъ турками, должна была придать Россіи нѣкоторый вѣсъ въ Европѣ. Московское государство явилось въ борьбѣ съ исламомъ полезнымъ союзникомъ Польши и императора.

Вскорѣ, однако, оказалось, что успѣхи русскаго оружія въ войнѣ съ Турціею вовсе не нравились полякамъ. Еще прежде взятія Азова, одинъ французъ, провожавшій иностранныхъ офицеровъ въ Россію и возвращавшійся чрезъ Варшаву, разсказывалъ панамъ съ похвалою о дѣйствіяхъ русскихъ подъ Азовомъ. Сена-

[1]) См. мое сочиненіе о Посошковѣ, Спб., 1876, стр. 27.

торы слушали, качали головами и говорили про Петра: «какой отважный и безпечный человѣкъ! и что отъ него впередъ будетъ?»

Послѣ полученія въ Варшавѣ извѣстія о взятіи Азова, къ рускому резиденту, Никитину, пріѣзжалъ цесарскій резидентъ и разсказывалъ, что сенаторы испугались, что паны не очень рады взятію Азова. Никитинъ писалъ въ Москву, что, хотя поляки и празднуютъ эту побѣду царя надъ турками, «будто совершенно тому радуются», хотя они и пріѣзжаютъ къ нему съ поздравленіемъ, но «на сердцѣ у нихъ не то». Литовскій гетманъ Сапѣга говорилъ громко, что царскія войска никакого храбраго дѣла не показали, что они взяли Азовъ на договоръ, а не военнымъ промысломъ, и пр. На это Никитинъ возразилъ: «дай Господи великому государю взять на договоръ не только всю турецкую землю, но и самое государство Польское и княжество Литовское въ вѣчное подданство привесть, и тогда вы, поляки, будете всегда жить въ покоѣ и тишинѣ, а не такъ, какъ теперь, въ вѣчной ссорѣ другъ съ другомъ отъ непорядка своего».

1-го сентября, Никитинъ, въ торжественномъ собраніи сената и земскихъ пословъ, говорилъ слѣдующую рѣчь: «Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Рѣчь Посполитая, да знаете вашего милостиваго оборонителя, смѣло помогайте ему по союзному договору, ибо онъ, знаменемъ креста Господня, яко истинный Петръ, отпираетъ двери до потеряннаго и обѣщаннаго христіанамъ Іерусалима, въ которомъ Христосъ, Господь нашъ, на престолѣ крестомъ тріумфова́лъ... Теперь время съ крестомъ идти, вооруженною ногою топтать непріятеля; теперь время шляхетнымъ подковамъ попрать наклоненнаго поганина и тылъ дающаго; теперь время владѣнія свои расширить тамъ, гдѣ только польская зайти можетъ подкова, и оттуда себѣ титулами наполнить хартіи, согласно договорамъ, вмѣсто того, чтобъ писаться такими титулами, какихъ договоры не позволяютъ».

Послѣднее замѣчаніе было угрозою, которая и произвела свое дѣйствіе. На третій день послѣ этой церемоніи, пріѣзжалъ къ Никитину цесарскій резидентъ и разсказывалъ, что сенаторы испугались и порѣшили, чтобъ впредь короли ихъ не писались лишними титулами—Кіевскимъ и Смоленскимъ.

Гиперболически и витіевато Никитинъ, въ письмѣ къ Петру, поздравлялъ его со взятіемъ Азова, замѣчая: «орелъ польскій отъ окаменѣлаго сердца своего въ нечаемости задумался храбрости вашей, а лиліи французскія не сохнутъ ли отъ гуковъ и отъ молніи тріумфовъ вашего царскаго величества; однимъ словомъ:

Гишпанское, Португальское, Англійское государства, Голландская и Венеціанская Рѣчь Посполитая, на тѣ побѣдительства смотря, радуются и славу возсылаютъ. Велія вашего царскаго величества слава, которая разошлася отъ захода до восхода солнца... Предъ вашимъ царскимъ величествомъ дрожитъ Азія, утекаетъ предъ громомъ Аффрика, кроется подъ блистаніемъ вашего меча Америка» и т. д. [1]).

Къ счастью для Россіи, были и государства, довольныя успѣхомъ Петра. Бранденбургскій курфирстъ сочувствовалъ царю. Когда, позже, Петръ былъ въ гостяхъ у Фридриха III, въ Кенигсбергѣ, для него устраивались празднества; особенно ему понравился фейерверкъ, представлявшій великолѣпную картину русскаго флота предъ Азовомъ, искусно придуманную наставникомъ Петра, инженеромъ Штейтнеромъ-фонъ-Штернфельдомъ [2]). Въ Голландіи и въ Италіи сочинялись стихи, восхвалявшіе славу русскаго оружія при взятіи Азова [3]).

Успѣхъ царя обѣщалъ многое въ будущемъ. Онъ сталъ твёрдою ногою на берегахъ Азовскаго моря и положилъ начало флоту. То было лишь начало другихъ подвиговъ.

Но пока нужно было продолжать ученіе. Для этого приходилось отправиться на западъ. Путешествіемъ 1697 года объусловливался цѣлый рядъ преобразованій, долженствовавшихъ создать новую Россію.

[1]) Соловьевъ, XIV, 231—234. Прилож. XIV—XV.

[2]) Устряловъ, III, 39.

[3]) Пекарскій. «Наука и литература при Петрѣ Великомъ», I, 29. Памятники дипломатическихъ сношеній, VIII, 298—299.

